

I.

Виссаріонъ ¹⁾, въ мірѣ повидимому Іоаннъ ²⁾, родился, какъ вѣдается, въ 1403 году ³⁾, въ Трапезунтѣ, отъ простыхъ родителей, жившихъ трудами ружь своихъ, но впрочемъ не лишонныхъ нѣкотораго достатка ⁴⁾. Первоначальное образованіе онъ

¹⁾ Сообразно съ первой нашей задачей—прослѣдить постепенное развитіе унионистскихъ воззрѣній Виссаріона, мы въ періодъ жизни его до времени ферраро-флорентійскаго собора отмѣчаемъ почти исключительно лишь тѣ моменты, которые имѣютъ значеніе съ вышеуказанной точки зрѣнія. Такимъ образомъ нашъ очеркъ жизни Виссаріона въ Греціи по необходимости является сжатымъ и краткимъ. Съ подробностями этой жизни, хотя и не со всеми, знакомитъ книга Васта.

²⁾ Vandini, сар. II; cf. сар. XX not. 45. Нельзя также не обратить вниманія на тотъ знаменательный по нашему мнѣнію фактъ, что капелла въ базиликѣ XII апостоловъ, посвященная прежде одной св. Евгеніи, была переименована, по желанію Виссаріона, въ капеллу свв. архангела Михаила, Іоанна Крестителя и Евгеніи (см. appendix къ соч. Бандини, Migne, t. CLXI, col. LXXVI sqq.; ср. также col. LXXX въ самомъ началѣ).

³⁾ Vast (pag. 2) первый сдѣлалъ попытку установить эту дату, на основаніи свидѣтельства Капранини, на которое дотошъ совершенно непонятнымъ образомъ не обращалось вниманія. Эта дата представляется довольно вѣроятною. Тѣмъ не меньше было бы большой поспѣшностью окончательно остановиться на ней и считать ни на чемъ не основаннымъ обычное до Васта показаніе 1395 года, какъ года рожденія Виссаріона. Самое большое затрудненіе заключается въ томъ, что 1395 г. принимаетъ и Бандини; а онъ между тѣмъ знаетъ свидѣтельство Капранини (Vandini у Миня, сар. LXXXII). Предлагаемое Вастомъ объясненіе этого обстоятельства едва-ли достаточно, потому что, принявъ его, пришлось бы признать Бандини совершенно незакононымъ съ основными требованіями ученой работы, на что мы не имѣемъ основанія. Не забудемъ при этомъ, что Бандини пользовался Ватиканской бібліотекой, оставшейся недоступною для другихъ, въ томъ числѣ и для Васта, и могъ тамъ почерпнуть подтвержденіе даты 1395, еще раньше его принятой Бернеромъ (Vogelius, pag. 38). Такимъ образомъ вопросъ о годѣ рожденія Виссаріона, при настоящемъ состояніи документовъ, не можетъ быть рѣшенъ положительно ни въ ту, ни въ другую сторону.

⁴⁾ Данныя о родителяхъ Виссаріона, хотя и не все, собраны Вастомъ на стр. 3—4 и разъяснены довольно правдоподобно. Но ссылка Васта на соб-

получилъ въ родномъ городѣ, повидимому подѣ руководствомъ мѣстнаго епископа ¹⁾, обратившаго вниманіе на даровитаго мальчика. Для дальнѣйшаго усовершенствованія Виссаріонъ

ственныя слова Виссаріона на col. 612. А и 461. В (Migne, t. CLXI), представляется напрасно: первое мѣсто слишкомъ неопредѣленно, а второе относится, какъ можно догадываться на основаніи контекста, не къ общественному положенію родителей Виссаріона, а къ его первоначальному образованію и воспитанію подѣ руководствомъ трапезунтскаго епископа или же къ его позднѣйшей монашеской жизни. Въ замѣтъ того французскій изслѣдователь не безъ основанія, кажется, могъ бы указать на нѣкоторыя данныя, заключающіяся въ буллахъ Пія II и Павла II и въ завѣщаніяхъ Виссаріона, изданныхъ Бавдини. Въ своей буллѣ папа Піи II говоритъ, что Виссаріонъ желалъ реставрировать капеллу св. Евгенія «pro tuae (Bessarionis) et tuorum progenitorum animarum salute» (col. LXXVI). Самъ Виссаріонъ завѣщаетъ въ обновленной капеллѣ совершать миссы, «referendo pro vivis nomen meum, pro mortuis post mortem nomen meum, Isidori et Dorothei episcoporum; item Theodori et Theodoraе, et Michaelis, ac aliorum quos in intentione mea habeo» (col. LXXVIII; ср. тамъ же нѣсколько ниже выраженіе: «pro defunctis meis praenominatis», — замѣтъ col. LXXXIX etc.). Въ виду этого весьма естественно рождается мысль: не назывались ли родители Виссаріона Теодоромъ и Теодорой? Замѣтъ: не разумѣются ли какіе нибудь родственники Виссаріона подѣ упоминаемыми имъ Михаиломъ и Георгіемъ (col. LXXXIX)? Къ сожалѣнію, какого либо рѣшительнаго отвѣта на эти вопросы дать нельзя и опереться на одиѣ указанныя данныя не возможно, при отсутствіи другихъ свѣдѣній о родителяхъ и родныхъ Виссаріона. Что касается упомянутыхъ въ завѣщаніи «епископовъ Исидора и Дороея», то подѣ ними можно кажется разумѣть Исидора русскаго и Дороея митиленскаго, двоихъ выдающихся соотрудниковъ Виссаріона въ устроеніи уни (cf. col. LXXIX).

¹⁾ М. А постолюв, Επιστάσιος ἀρχιεπίσκοπος (Migne, t. CLXI, col. CXXXIII). Слова Апостола, человекъ весьма близкаго къ Виссаріону и притомъ грека, настолько авторитетны, что нѣтъ, кажется, никакой нужды ни отрицать того, что Виссаріонъ получилъ первоначальное образованіе подѣ руководствомъ именно трапезунтскаго митрополита, ни предполагать какого-то другаго епископа, занимавшагося этимъ образованіемъ Виссаріона, какъ дѣдаетъ Вастъ на стр. 7. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы принимаемъ и свидѣтельство Платины, который говоритъ о двухъ другихъ іерархахъ, какъ руководителяхъ и наставникахъ Виссаріона. Эти іерархи — «archiepiscopus Doriensis» и «archiepiscopus Selymbriensis» (Platina въ изд. Мия, col. CV) или «Sylembriensis» (Platina въ изд. Бернера, pag. 83; сравн. Wiltsh, Handbuch d. kirchl. Geographie und Statistik, II-er Band, Berl., 1846, S. 303. 348). По нашему мнѣнію, свидѣтельство Платины относится къ нѣсколько позднѣйшему времени въ жизни Виссаріона и касается его дальнѣйшаго образованія, тогда какъ упомянутое свидѣтельство Апостола касается первоначальнаго образованія Виссаріона. Это первоначальное образованіе не простиралось повидимому дальше элементовъ, потому что самъ Виссаріонъ совсѣмъ не упоминаетъ о немъ въ своей краткой автобіографіи. Тамъ читаемъ: ... «τοῦτοια Βύσσαριονι, τὸ γένος ἐκ Τραπεζούντος, ἐν Κωνσταντινουπόλει: τραπεζῆντι καὶ παιδεύοντι» (Villoison, Anecdota graeca, t. II, p. 246).

отправленъ былъ въ Константинополь, ученые силы и образовательныя средства котораго высоко цѣнились въ ту пору не только на востокѣ, но и на западѣ ¹⁾). Здѣсь онъ, между прочимъ, посѣщаль около 1425 г. школу знаменитаго ритора, впоследствии великаго сакелларія, Мануила Хрисоковка ²⁾). Кроме знаній по языку и литературѣ, въ частности по литературѣ греческихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ ³⁾), школа Хрисоковка дала Виссаріону случай завязать одно весьма важное для него знакомство, именно съ бывшимъ тогда въ Константинополѣ и слушавшимъ Хрисоковка итальянскимъ гуманистомъ Филельфо ⁴⁾). Въ бесѣдахъ съ нимъ Виссаріонъ имѣлъ возможность уже въ это время заочно познакомиться съ Италией, съ гуманистическимъ движеніемъ, таеъ начавшимся, и памятниками древней жизни и искусства, встрѣчавшимися тамъ почти на каждомъ шагѣ и возбуждавшими восторгъ едвали не въ каждомъ просвѣщенномъ грекѣ, которому въ ту пору удавалось быть въ Италиі ⁵⁾). Очень возможно, что Виссаріонъ,

¹⁾ По словамъ Энео Сильвіо, «mansit apud Constantinopolim, usque ad nostrum tempus, vetustae sapientiae monumentum, ac velut ibi domicilium litterarum esset et arx summae philosophiae. Nemo Latinorum satis doctus videri poterat, nisi Constantinopoli aliquando studisset; quodque, florente Roma, doctrinarum nomen habuerunt Athenae, hoc tempestate nostra Constantinopolis obtinebat. (Hacker, p. 7). Подобное говоритъ и Филельфо (ib., p. 10). Ср. отзывъ Платины у Миня, t. CLXI, col. CV.

²⁾ Это—тотъ самый Хрисоковкъ, вмѣсто котораго, по его письменному полномочию, подписался Виссаріонъ подъ опредѣленіемъ флорентійскаго собора. (Mansi, t. XXXI, col. 1040; Harduin, t. IX, col. 428; изданіе «μνημονον βιβλιοθηκου», стр. 322).

³⁾ М. Апостолоу, Епит. θρηγ., l. c.; ср. Vast, p. 17.

⁴⁾ Bandini, c. II. Не мѣшаетъ замѣтить, что Филельфо провелъ въ Константинополѣ не менѣе семи лѣтъ (на западъ возвратился онъ въ концѣ 1427 года, см. Voigt, Enea Silvio de' Piccolomini, I Band, Berlin, 1856, S. 15—16), что онъ прекрасно владелъ греческимъ языкомъ и могъ объясняться на немъ, — что онъ наконецъ женился на гречанкѣ, именно Теодорѣ, дочери своего учителя Іоанна Хрисолоры, племянница знаменитаго Мануила Хрисолоры, и такимъ образомъ сдѣлался «полугрекомъ», какъ выражаются лѣкаторы (Voigt, Wiederbelebung. d. class. Alterth., II Aufl., I Band, S. 352). Филельфо имѣлъ связи въ Византіи и не мало знакомыхъ. Въ числѣ этихъ знакомыхъ былъ и известный Георгій Схоларій, состоявшій въ ту пору «Κριτὴς τῆς βασιλικῆς χρίσεως». Свѣдѣнія объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ сообщаетъ Eusebius Renaudotius въ своей Dissertatio de Gennadii vita et scriptis (Migne, t. CLX, col. 254 sq.).

⁵⁾ См. напр. характерный отзывъ Мануила Хрисолоры въ его письмахъ (Migne, t. CLVI, col. 23 sqq.); cf. Spicilegium Romanum, t. X, p. 343.

при своей воспримчивой натурѣ и любознательномъ умѣ, уже въ эту пору приобрѣлъ нѣкоторыя симпатіи къ Италіи и тамошней жизни. Обстоятельства его жизни такъ сложились, что этимъ симпатіямъ суждено было получить въ послѣдствіи еще новую пищу для себя. Нѣсколько лѣтъ спустя мы видимъ Виссаріона, уже монаха, въ Пелопоннесѣ у другаго и еще болѣе знаменитаго учителя — Плиѳона. Эта замѣчательная личность оказала сильное вліяніе на весь складъ мышленія Виссаріона; поэтому неизлишне взгляды въ нее поближе.

Георгій Гемистъ Плиѳонъ родился въ Константинополѣ около 1355 года ¹⁾. Съ раннихъ лѣтъ съ особенной любовью занимался онъ изученіемъ произведеній классической древности. Картины минувшаго Эллады еще въ юношескіе годы производили на него чарующее впечатлѣніе; не утратили онѣ своей привлекательности для Плиѳона и въ послѣдующее время. Между тѣмъ современная дѣйствительность давала пищу для совершенно иного рода размышленій. Земли греческія одна за другою переходили въ руки турокъ; внутреннее состояніе имперіи представляло не менѣе жалкій видъ. Сравненіе блестящаго прошлаго Греціи съ ея теперешнимъ состояніемъ навязывалось такимъ образомъ само собою, и нисколько не удивительно, что сжившійся съ идеалами древности молодой энергическій умъ Гемиста усмотрѣлъ средство къ спасенію отечества въ этихъ же идеалахъ, въ возстановленіи и проведеніи въ жизнь возрѣвнй древности, въ томъ числѣ и религіозныхъ, и именно возрѣвнй лучшихъ представителей эллинизма — Платона и его учениковъ. Это стремленіе зародилось въ умѣ Плиѳона можетъ быть еще въ юношескіе годы ²⁾; съ теченіемъ времени оно оврѣпло въ немъ и перешло въ дѣло. Есть мнѣніе ³⁾, что еще до 1438 г. онъ образовалъ въ Пелопоннесѣ родъ союза или секты, религіозныя вѣрованія и нравственныя правила которой были чисто языческаго, именно неоплатоническаго характера. Но если даже до этого времени Плиѳонъ и не составилъ такого кружка въ смыслѣ болѣе или менѣе ор-

¹⁾ Умеръ, по мнѣнію Александра (Migne, t. CLX, col. 805—806), между 1450 и 1456 гг.

²⁾ Срав. Fritz Schultze, G. G. Plethon und seine reformatorische Bestrebungen, Iena, 1874.

³⁾ Такъ думаетъ упомянутый сейчасъ Шультце (стр. 55—57), къ которому присоединяется и Фейгтъ (Wiederbeleb. d. cl. Alt., II Aufl., II B., S. 120).

ганизованнаго общества съ раздѣленіемъ на эсотериковъ или „избранныхъ“ и экзотериковъ, съ особою законодательною книгою (Плиѳоновы „*νόμοι*“), то во всякомъ случаѣ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что къ этому времени у Плиѳона не только вполнѣ созрѣла мысль создать новую религію ¹⁾, но и сформировалась, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ, его собственная религіозная система ²⁾. А такъ какъ

¹⁾ Вастъ (стр. 26) считаетъ Плиѳона въ эту пору вполнѣ православнымъ человѣкомъ, но не приводитъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу этой мысли; его ссылка на трактатъ Плиѳона о добродѣтеляхъ и на «молитву къ единому Богу» ничего не доказываетъ, такъ какъ даты этихъ сочиненій Плиѳона не известны. Вообще Вастъ, кажется, и не подозреваетъ возможности спора о полномъ православіи Плиѳона въ ту пору, когда его слушалъ Виссаріонъ.

²⁾ Георгій Трапезунтскій въ предпоследней главѣ своего соч. «*Compar. Plat. et Arist.*» пишетъ: «*Audivi ego ipsum (т. е. Плиѳона) Florentiae (venit enim ad concilium cum Graecis) asserentem unam eandemque religionem uno animo, una mente, una praedicatione, universum orbem paucis post annis esse suscepturum. Cumque rogassem, Christine an Machumeti? Neutram, inquit, sed non a gentilitate differentem.. Percepi etiam a nonnullis Graecis qui ex Peloponneso huc profugerunt, salam dixisse ipsum, anteaquam mortem obiisset iam fere triennio, non multis annis post mortem suam et Machumetum et Christum lapsum iri, et veram in omnes orbis oras veritatem perfursuram*» (Migne, CLX, col. 797—798). Правда, это передаетъ врагъ Плиѳона; тѣмъ не меньше въ виду господствовавшей тогда крайней свободы мнѣній и въ виду всего, что известно о Плиѳонѣ, мы не въ правѣ заложить это сообщеніе Георгія. Вѣроятнымъ считаетъ его и Александръ (ibid). Но возникаетъ недоуміе: какъ примирить съ такимъ свободомысліемъ Плиѳона его полный консерватизмъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ? Какъ понять то, что на этомъ соборѣ онъ явился однимъ изъ представителей строгаго православія? Шульце объясняетъ это тѣмъ, что для собственныхъ цѣлей Плиѳона было выгодно продолженіе церковнаго раздѣленія. Соединеніе церквей увеличило бы силу христіанства, вражда же между ними поддерживала бы ихъ общую слабость и—слѣдовательно—могла помочь распространенію Плиѳоновой религіозной системы. Въ интересахъ именно этой системы, по мнѣнію Шульце, Плиѳонъ и высказывался всегда противъ уніи, хотя, разумеется, оффиціально онъ мотивировалъ свое противодѣйствіе уніи такъ же точно, какъ и другіе защитники православія, т. е. интересами истинны и православной церкви. Однако ни характеръ Плиѳона, ни памятники не дадутъ намъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать въ немъ способности къ такому коварству. Двудѣля въ Плиѳонѣ отвергать нельзя, но объяснять его, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ проще. До самой своей смерти Плиѳонъ былъ одновременно и православнымъ христіаниномъ и язычествующимъ философомъ. Православнымъ онъ былъ въ жизни, на практикѣ; язычникомъ—въ мысленіи, въ теоріи. Въ немъ, такимъ образомъ, былъ такой же разладъ, какой нерѣдко наблюдается въ новѣйшихъ ученыхъ библейско-критическаго направленія, особенно же—въ ученыхъ естествовѣдахъ нашего времени, которые у себя въ рабочихъ кабинетахъ яв-

никакія системы сразу не создаются, то мы едва ли погрѣшимъ противъ правды, если предположимъ, что зачатки своеобразныхъ религіозныхъ взглядовъ Плиэона существовали у него и раньше, и именно въ ту пору, когда его слушалъ Виссаріонъ; своихъ же мыслей онъ конечно не могъ таить отъ своихъ близкихъ учениковъ, если бы даже и хотѣлъ. Плиэонъ не былъ простымъ учителемъ философіи, спокойно излагавшимъ чужія мнѣнія; онъ самъ былъ философъ, и въ качествѣ именно философа выступалъ онъ предъ своими слушателями.

Въ число этихъ слушателей вступилъ и Виссаріонъ ¹⁾.

яются свободомыслящими натуралистами, а въ церкви рассуждаютъ какъ простые вѣрующіе люди. Подобное раздвоеніе могло быть и у Плиэона въ періодъ собора и тѣмъ болѣе въ 1428 году, когда онъ въ извѣстной бесѣдѣ съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ высказался безусловно противъ уніи (Суроп. VI, 10, 155, cf., Migne, CLX, 797, not. 3). Впоследствии, въ чадѣ отъ своихъ успѣховъ въ Италіи, и особенно при дворѣ Козмо Медичи, а также подъ весьма возможнымъ воздѣйствіемъ извѣстнаго ученаго язычника Помпоніо Лето, иначе Петра Калабрійскаго (см. соч. Плиэона, Migne, CLX, col. 982, срав. Γεωργίου Σχολαρίου, Κατὰ τῶν Πλήθωνος ἀποριῶν ἐπ' Ἀριστοτέλει βιβλίον πρῶτον, изд. «ὄψο Μιχαήλοσ Μήνα», Paris, 1858, с.л. 6), Плиэонъ пошелъ вѣроятно еще дальше по пути теоретическаго отрицанія христіанства. Съ этой, и только съ этой точки зрѣнія можно удовлетворительно объяснить съ одной стороны появленіе Плиэоновыхъ «законовъ» (ср. Александра у Мниа, CLX, 801—802), съ другой—его ортодоксализмъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, составленіе имъ послѣ этого собора сочиненія объ исхожденіи Св. Духа противъ латинянъ (ibid. 975—980) и наконецъ присутствіе на константинопольскомъ соборѣ 1450 года (Нагд. IX, 1354 sqq.). Должно впрочемъ замѣтить, что языческія воззрѣнія Плиэона проскользнули и въ только-что названное богословское сочиненіе его объ исхожденіи св. Духа, направленное противъ латинянъ. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе Схоларія, который и написалъ по этому случаю обширное письмо къ Плиэону, гдѣ (впрочемъ не прямо и вообще мягко и осторожно, въ виду сѣмывавшей его съ Плиэономъ дружбы) поставилъ ему на видъ опасность пути, на который тотъ вступилъ, и опровергалъ его воззрѣнія (Migne, CLX, 597—630). Впоследствии, когда Схоларій познакомился съ сочиненіемъ Плиэона «О законахъ», онъ поступилъ уже гораздо рѣшительнѣе и, между прочимъ, передалъ сожженію бывшій у него экземпляръ этого сочиненія (ibid., col. 631 sqq.).

¹⁾ Биографы Виссаріона Платина и Апостолій говорятъ только о томъ, что онъ изучалъ у Плиэона математику (Migne, CLXI, col. CV и СХХХІІІ. Что говорятъ Каприаниа о занятіяхъ Виссаріона у Плиэона, мы не знаемъ: его «надгробной рѣчи» у насъ не было подъ руками, а приведенныя у Васта, на стр. 27, выдержки изъ нея не достаточно полны, чтобы можно было на нихъ опереться). Не смотря однако на указанное содержаніе свидѣтельствъ Платины и Апостолія, мы имѣемъ полное право думать, что Виссаріонъ слушалъ у Плиэона не только математику въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и энциклопедію, именно философію Платона и неоплатониковъ. Думать такъ заставляетъ

Быль ли онъ хотя бы нѣкоторое время послѣдователемъ Плинонова ученія, этого мы не знаемъ изъ памятниковъ и предполагаемъ этого не имѣемъ основанія ¹⁾; но то можно принять за весьма вѣроятное, что отъ своего учителя Виссаріонъ долженъ былъ усвоить нѣкотораго рода свободомысліе въ вопросахъ вѣры. Онъ не сдѣлался неоплатоникомъ, но потерялъ безусловную, дѣтски-наивную вѣру въ догматы своей церкви, въ

а) тѣсная связь математики съ Платоновой философіей (срав. Zeller, *Phil. d. Gr.*, II Th. I Abth., 3-te Aufl., S. 357, 567 и др.), б) невѣроятность предположенія, чтобы Виссаріонъ занимался исключительно математикой съ человекомъ, который особенно славился именно какъ философъ, в) известная переписка Виссаріона съ Плинеомъ по поводу равныхъ философскихъ недоумѣній (Migne, CLXI, col. 713 sqq.), наконецъ г) заключающіеся въ одномъ изъ писемъ Виссаріона, именно въ письмѣ къ сыновьямъ Плиеона, прямые признаки того, что онъ посвященъ былъ въ своеобразныя идеи этого философа (ibid., col. 696—697. Объ этомъ письмѣ Виссаріона и объ его перепискѣ съ Плинеомъ будетъ рѣчь въ другомъ отдѣлѣ настоящаго сочиненія). При этомъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и то обстоятельство, что по мысли напр. Васта, Гакке и Шульце фактъ слушанія Виссаріономъ философа и Плиеона до нѣкоторой степени подразумѣвается самъ собою, такъ что названные исследователи не считаютъ почти нужнымъ нарочито доказывать его. Что же касается математическихъ занятій Виссаріона, то ихъ серьезность удостовѣряютъ всѣ трое вышеназванные биографы Виссаріона, особенно же Капраника (см. Vast, 27). Именно эти занятія математикой у Плиеона, какъ слѣдуетъ думать, внушили Виссаріону тотъ замѣчательный интересъ къ этой наукѣ, который онъ, какъ увидимъ, сохранилъ до конца своей жизни. Сравн. противоположное мнѣніе Фойгта, высказанное съ обычной ему рѣшительностью, но безъ всякихъ справокъ съ источниками, на стр. 126 во 2-мъ томѣ его сочиненія: «Wiederbel. d. cl. Alterth.», по второму изданію.

¹⁾ Правда, нѣкоторые православные греки одно время были иного взгляда на этотъ предметъ, какъ можно судить по примѣру Мануила, великаго ритора константинопольской церкви, жившаго въ первой половинѣ XVI вѣка (см. статью проф. Павлова въ «Христ. Чт.», 1882, мартъ — апрѣль, стр. 379, срав. Migne, CLX, col. 789—790). Мануилъ въ одномъ изъ своихъ полемическихъ сочиненій рѣшительно утверждалъ, что Виссаріонъ вполне раздѣлялъ политестическія и вообще нечестивыя мысли Плиеона. При этомъ Мануилъ не стѣснялся даже называть Виссаріона и Плиеона одинаково «οὐκ ἔστιν τῶν τῆς κοινῆς θεωρίας» и т. п. (см. рукоп. моск. синод. библ. за № 420 (393), XVI в., л. 107 и сл. Мы пользовались копіей съ этого сочиненія Мануила, принадлежащей достоуважаемому профессору И. Е. Троицкому). Но въ подобнаго рода отзывѣхъ слишкомъ сильно звучитъ раздраженіе и слишкомъ ясно проглядываетъ ненависть, чтобы можно было придавать имъ значеніе и усматривать въ нихъ какой нибудь иной интересъ, кромѣ чисто историческаго. При томъ свой взглядъ на Виссаріона Мануилъ подтверждаетъ лишь ссылкой на упомянутыя выше письма Виссаріона къ Плинеону и его сыновьямъ, — ссылкой, ровно ничего не доказывающей, какъ это будетъ разъяснено ниже по другому поводу.

ея непогрѣшимость. Эта вѣра не могла существовать рядомъ съ привычкою къ болѣе или менѣе свободному мышленію въ религиозно-философскихъ вопросахъ, которую должно было развивать общеніе съ Плинеономъ.—Если не свободомысліе въ дѣлахъ вѣры, то по крайней мѣрѣ миролюбивое до нѣкоторой степени настроеніе по отношенію къ латинянамъ и латинской церкви должна была развивать въ Виссаріонѣ и вся вообще пелопоннесская жизнь и обстановка, носившая на себѣ многочисленныя слѣды западныхъ вліяній, между прочимъ и въ религиозно-церковной области. Въ Пелопоннесѣ не было такой непримиримой вражды къ латинянамъ, какая существовала напримѣръ въ Византіи; восточный и западный обрядъ существовали рядомъ и повидимому уживались. Такимъ образомъ, если было бы нѣсколько смѣло говорить о „полулатинской атмосферѣ Пелопоннеса“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ¹⁾, то признавать существованіе въ Пелопоннесѣ примирительныхъ стремленій во всякомъ случаѣ можно.

Въ характерѣ Виссаріона, насколько онъ успѣлъ раскрыться до собора, не было задатковъ предательства, измѣны вѣрѣ отцовъ ради какихъ нибудь низкихъ побужденій. Это былъ напротивъ характеръ, внушавшій общее уваженіе къ себѣ и въ народѣ ²⁾, и въ императорахъ византійскомъ и трапезунтскомъ, заключившихъ союзъ между собою противъ турокъ именно благодаря посредству Виссаріона ³⁾. Жизнь въ Пело-

¹⁾ V a s t, 29.

²⁾ По словамъ Платины, имя Виссаріона и какъ проповѣдника и какъ человека было весьма популярно. «Vulgari tum demum tanti hominis nomen est coeptum, ut quo proficisceretur famam exspectatio, expectationem eius optatissimi adventus admiratio superaret... Conciones, et quidem frequentes atque elegantes, ad populos habuit (has Graeci homilias vocant) tanto concursu, ut templa ipsa permagna tantam multitudinem vix caperent... Multos inter se civilibus et intestinis odiis dissidentes aut coram oratione, aut absens epistolis sapientissime et elegantissime scriptis ad concordiam revocavit» (Migne, CLXI, col. CV). Затѣмъ самъ Виссаріонъ говоритъ въ своей енцикликѣ къ грекамъ: «Εἰδότες λέγω, καὶ παρ' εἰδότεων ἀκούσασι τε, καὶ ἀκουσομένοις ἂν τι βούλοισθε, ὡς νέον τε ἔετα καὶ οὕτω γενεῶντα διὰ πλείστης ἡγετέ με τιμῆς, καὶ αὐτοὶ οἱ μὴ ὄλων ἰδόντες. Γνωρίζων ἦν τοῦμόν ὄνομα πᾶσι τοῖς ὀπηδήποτε φωνῆς Ἑλληνικῆς ἐπαύουσι καὶ μήπω τέτταρα καὶ ἑκοσιν ἔτη γενόμενος, αἰδοῖος ἡμερόσι, καὶ ἄρχουσι καὶ πᾶσιν ὁμῖν ὑπἄρχον» (Migne, CLXI, 461. C.).

³⁾ Migne, CLXI, coll. CV и 461. D; Malvasia, p. 240, по цитатѣ Васта на стр. 33.

понесѣ должна была настроить его болѣе или менѣе миролюбиво по отношенію къ латинянамъ, но и только. Индифферентистомъ въ догматахъ и тѣмъ болѣе латинумудрствующимъ онъ не сдѣлался, хотя и не остался безусловнымъ ортодоксаломъ, какимъ былъ дотолѣ, т. е. человекомъ, не допускавшимъ никакой провѣрки ученія своей церкви, считавшимъ непозволительнымъ даже на минуту предполагать, что ученіе этой церкви относительно какого нибудь пункта, по крайней мѣрѣ, не такъ полно, какъ ученіе западной церкви и т. п. Но такъ какъ догматическими и другими разностями между церквами Виссаріонъ, навѣрное, пока еще не занимался специально, то и положительныхъ взглядовъ по этому предмету онъ по всей вѣроятности не успѣлъ еще составить. Впрочемъ обстоятельства времени и собственной жизни Виссаріона скоро дали ему случай нѣсколько больше выяснить для себя точку зрѣнія на спорные пункты между церквами.

Еще задолго до разсматриваемаго времени начались формальные переговоры византійскихъ императоровъ съ папами относительно созванія вселенскаго собора, какъ перваго условія соединенія церквей. При императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ II эти переговоры сдѣлались особенно оживленными, съ одной стороны вслѣдствіе крайней опасности, которою угрожали турки самому существованію византійской имперіи, съ другой — благодаря стремленію какъ папы, такъ и враждовавшаго съ нимъ базельскаго собора подкрѣпить свое дѣло союзомъ съ восточною церковію ¹⁾). Между соборомъ или—точнѣе—большинствомъ собора и папою, къ которому примкнуло и незначительное меньшинство отцовъ базельскаго собора, долго велась борьба изъ-за того, которую изъ сторонъ признаютъ греки истинною представительницею западной церкви и съ кѣмъ будутъ они вести переговоры объ условіяхъ церковнаго соглашенія. Нѣкоторое время немало преній возбуждалъ и вопросъ о томъ, гдѣ быть собору—на востокѣ или на западѣ. Въ концѣ концовъ побѣдилъ папа; мѣстомъ собора избрана была Италія. Весьма возможно, что на такой оборотъ дѣла оказалъ немалое

¹⁾ См. напр. Zhisman, Die Unionsverhandlungen zwischen der orient. und röm. Kirche seit dem Anfange des XV. Jahrhunderts bis zum Concil von Ferrara, Wien, 1858.

вліяніе и Виссаріонъ ¹⁾, который, благодаря энергіи молодости и недостаточному знанію жизни и латинянь, весьма естественно могъ не раздѣлять опасеній напримѣръ патріарха по поводу созванія собора на западѣ, а не на востокѣ ²⁾, и которому, при его подвижной натурѣ, вѣроятно давно уже собственными глазами хотѣлось посмотрѣть на ту страну, о которой такъ много хорошаго говорили и писали какъ латиняне, такъ и греки. Съ папою заключенъ былъ договоръ, обезпечивавшій болѣе или менѣе спокойное и удобное путешествіе въ Италію императора, клира и свиты и вмѣстѣ съ тѣмъ безопасность Византіи во время отсутствія императора. Приняты были мѣры къ тому, чтобы православная церковь имѣла на предстоящемъ соборѣ лучшихъ своихъ представителей. Въ число послѣднихъ, какъ и слѣдовало ожидать, избранъ былъ и Виссаріонъ, давно уже извѣстный императору какъ весьма умный, образованный и обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова, человѣкъ.

Такимъ образомъ сами обстоятельства требовали отъ Виссаріона специальной подготовки къ предстоявшей ему дѣятельности на соборѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для рѣшенія того существенно важнаго для насъ вопроса, съ какого времени началась или могла начаться эта подготовка и—слѣдовательно—какъ долго продолжалась она ³⁾. Нѣтъ у насъ прямыхъ свидѣтельствъ и относительно того, въ чемъ состояла и какъ шла эта подготовка Виссаріона. Остается такимъ образомъ прибѣгнуть къ предположеніямъ. Въ одномъ изъ многочисленныхъ совѣщаній грековъ у императора по поводу собора было постановлено, въ видахъ подготовленія къ собору, обратиться прежде всего въ изученію твореній св. Нила

¹⁾ По крайней мѣрѣ Платина положительно утверждаетъ, что Виссаріонъ, *re Constantinopolitana nondum profugata... non prius destitit rogando, monendo Imperatorem ac principes Graeciae, quam eos impulerit, gravissima oratione habita, in Italiam ad Eugenium pontificem maximum contendere* (Migne, CLXI, col. CVI).

²⁾ Ср. напр. *Συροπολος*, II, 18, pag. 13; III, 16, p. 60—61.

³⁾ Сравни *Vast*, 34—35. Что же касается совѣщаній у императора, о которыхъ говоритъ Сиропулъ, стр. 49—51, то на этихъ совѣщаніяхъ Виссаріонъ едвали присутствовалъ, вопреки мнѣнію Васта (стр. 50, прим. 1). Такъ какъ Виссаріонъ въ эту пору былъ іеромонахомъ, то Сиропулъ, при перечисленіи лицъ, участвовавшихъ въ вышеуказанныхъ совѣщаніяхъ, поставилъ бы его имя подлѣ имени Марка Евгения, чего однако не сдѣлалъ.

Кавасилы, каковой трудъ и взяли на себя главнымъ образомъ Маркъ Евгеникъ, тогда еще іеромонахъ, и дидаскаль Георгій Схоларій ¹⁾). Очень вѣроятно, что съ того же началъ свою подготовку или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ же Ниломъ занимался и Виссаріонъ, готовясь къ собору. Читалъ онъ быть можетъ и сочиненія другихъ православныхъ полемистовъ. Съ цѣлю познакомиться съ состояніемъ вопроса вообще и съ оружіемъ своихъ противниковъ въ частности, могъ онъ читать и сочиненія латинумудрствующихъ греческихъ полемистовъ ²⁾, а также нѣкоторыхъ латинскихъ схоластиковъ въ греческомъ переводѣ ³⁾. Весьма вѣроятно, что онъ читалъ относящіяся къ вопросу о Троицѣ и отеческія писанія отцовъ восточной и отчасти западной церкви, послѣднія конечно въ греческихъ переводахъ ⁴⁾. Что было бы удивительнаго, если бы при такихъ обстоятельствахъ Виссаріонъ взглянулъ на отеческія свидѣтельства уже въ эту пору не совсѣмъ тѣми же глазами, какими смотрѣли на нихъ безусловные противники уніи,—если бы уже въ это

¹⁾ Συροπολιος, III, 7, 50. Это было, по мнѣнію Гете (стр. 85), осенью 1436 г., а по мнѣнію Чижмана (Zhishman, 190—191)—весной 1437 года.

²⁾ Впослѣдствіи Виссаріонъ придавалъ особенное значеніе сочиненіямъ Векка и Кидонія. Это даетъ нѣкоторое, хотя конечно весьма слабое, основаніе предполагать, что на сочиненія названныхъ полемистовъ быть можетъ обратилъ Виссаріонъ свое вниманіе и теперь. Эти же сочиненія могли дать ему первое понятіе о латинской литературѣ по вопросу о разностяхъ между церквями и побудить его обратиться къ самой этой литературѣ. Къ числу такихъ сочиненій относится напримѣръ сочиненіе Кидонія объ исхожденіи Св. Духа и вмѣстѣ въ защиту Фомы Аквината противъ обвиненій Н. Кавасилы (Migne, CLIV, 831—832). Кстати замѣтимъ, что это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія сочиненія въ защиту латинянъ, а равно и грековъ, находились впослѣдствіи и въ бібліотекѣ Виссаріона, какъ видно изъ каталога ея, изданнаго Монфокономъ (см. напр. у Монфокона стр. 470, столбецъ первый).

³⁾ Кроме сдѣланныхъ Схоларіемъ переводовъ философскихъ схоластическихъ сочиненій (Migne, CLX, 310, 1211—1212), въ эту пору существовали сдѣланные Димитріемъ Кидоніемъ переводы: сочиненія Ансельма «De proc. Spir. Sancti» и письма того же Ансельма о трехъ спорныхъ пунктахъ, въ особенности о квасномъ и прѣсномъ хлѣбѣ въ Евхаристіи (Migne, CLX, 69, not.; CLIV, 833—834); Фомы Аквината—«Summa Theologiae» и др. (Migne, CLIV, 833—834; Montfaucon, Bibl. bibl. cod. mss. t. I, p. 265). Переводилъ и Максимъ Планудисъ (Gaza, Gennadius und Pletho, 1844. S. 88 folg.). Не лишне замѣтить при этомъ, что нѣкоторыя изъ сочиненій напр. Фомы Аквината, въ греческихъ переводахъ, находились впослѣдствіи и въ бібліотекѣ Виссаріона (см. каталоги этой бібліотеки, Migne, CLXI, 707—708 и Montfaucon, Bibl. bibl., I, 468—477).

⁴⁾ Migne, CLX, 69—70; cf. Vast, 50.

время, при пересмотрѣ отеческихъ мѣстъ о Св. Духѣ и различныхъ объясненій къ нимъ ¹⁾, въ немъ зарождалось по временамъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности ученія своей церкви, — то сомнѣніе, которое привело цѣлый западный міръ къ ученію о Filioque? Если Виссаріонъ дѣйствительно сколько нибудь знакомъ былъ съ литературой спорныхъ вопросовъ, то минуты такого колебанія у него были бы вполне естественны, тѣмъ болѣе, что и Платонова философія (въ изложеніи неоплатониковъ и съ окраской неоплатонизма), которой онъ былъ послѣдователемъ, благопріятствовала латинскому ученію ²⁾. Во вся-

¹⁾ Неодинаковость объясненій отеческихъ мѣстъ даже новѣйшими богословами, притомъ принадлежащими къ одной церкви (ср. сочиненія объ исхожденіи Св. Духа о. архимандрита Сильвестра и г. Н. Богородскаго), невольно смущаетъ нѣкоторыхъ или по крайней мѣрѣ заставляетъ думать, что въ этомъ вопросѣ христіанской догматики не все такъ просто и легко разрѣшимо, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Что же сказать о грекѣ XV вѣка когда ему приходилось дѣлать выборъ между противоположными мнѣніями?

²⁾ Въ своемъ сочиненіи «In calumniatorem Platonis» Виссаріонъ въслѣдствіи отмѣтилъ между прочимъ слѣдующія черты Платонова ученія. Въ противоположность Аристотелю, Plato multa certe de trinitate locutus est, sed (= «хотя», судя по контексту) longe aliter, quam nostra religio doceat. Quippe dum gradus divinitatum statueret, primum omnium entium principium ponit, ingeneratum, aeternum, nullum habens principium, a nulla causa dependens, quod et unum, et summum bonum appellat, neque a se, neque ab alio productum, omni mente, omni ente superius. Mox vero primum ens statuit, quod et mentem et formam primam vult esse. Productum quidem a primo Deo, qua unum, sed a se quoque, qua ens, et mens, et ordo naturae secundae. Post haec tertium ordine et dignitate, universi animam ponit, productam quidem et ipsam a primo Deo, qua unum aliquo modo, ac etiam a primo ente, qua mens, sed qua per se mobile est, a se ipsa productam (fol. 15, по изд. альдинскому 1516 года). Правда, Виссаріонъ замѣчаетъ, что Платонъ рассуждалъ о Троицѣ «далеко не такъ, какъ учить наша христіанская вѣра». Но это замѣчаніе очевидно относится лишь къ нѣкоторымъ частностямъ въ указанномъ представленіи Платона, а никакъ не ко всему этому представленію. Такъ напр. оно не можетъ относиться къ воззрѣнію Платона на «первое начало», какъ «нерожденное», «вѣчное», «безначальное», такъ какъ это воззрѣніе вѣрно и на христіанскій взглядъ, — не можетъ относиться и къ воззрѣнію на «міровую душу», какъ на «производимую первымъ бытіемъ», такъ какъ это воззрѣніе въ общемъ сходится съ католическимъ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына; а Виссаріонъ писалъ свое сочиненіе «In calumniatorem Platonis» уже будучи католикомъ. — Затѣмъ въ томъ же сочиненіи, нѣсколько ниже (fol. 33) читаемъ: «Plato et qui eum secuti sunt... quamvis pluribus tribuant creationem, tamen cuncta ad unum idemque principium referunt, idque summum primumque omnium initium et causam esse arbitrantur. Omnia, inquit Proclus, ab una prima causa prodeunt. Rerum omnium principium et prima causa ipsum bonum est; omne, quod a secundis producitur causis, magis a primis producitur, quae et magis causae sunt et secundarum ipsarum causarum

комъ случаѣ однако такого рода состояніе, если только оно переживалось имъ ¹⁾, не могло продолжаться долго, такъ какъ самая подготовка Виссаріона къ собору была не довольно серьезна. Съ другой стороны, вслѣдствіе именно своего сравнительно малаго знакомства съ названной литературой ²⁾, Виссаріонъ не могъ придавать теперь особеннаго значенія своимъ сомнѣніямъ. Онъ, какъ извѣстно, даже „увѣрялъ патріарховъ, что посредствомъ разсужденій онъ можетъ привлечь латинянъ къ ученію“ восточной церкви ³⁾. Члены константинопольскаго собора 1450 года объясняли это коварствомъ Виссаріона. Послѣдующія событія покажутъ, что предполагать въ немъ коварство, и при томъ въ эту пору, нельзя. Гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ характеромъ Виссаріона и съ его доселѣшнимъ настроеніемъ объяснять это его заявленіе самообольщеніемъ. Силу своей рѣчи Виссаріонъ уже имѣлъ случай испробовать ⁴⁾; опыты доселѣ были весьма удачны, и Виссарі-

probitricises». Эти философскія представленія о степеняхъ и отношеніяхъ божествъ и о первичныхъ и вторичныхъ причинахъ, будучи хорошо извѣстны Виссаріону еще со времени его пребыванія въ Пелопоннесѣ, не могли не вліять на него и притомъ сильно, въ смыслъ благопріятномъ латинству, гдѣ въ троичныхъ отношеніяхъ признается та же въ сущности цѣль первичныхъ и вторичныхъ причинъ. Когда Виссаріонъ узналъ сущность латинскаго ученія о Filioque, то это ученіе необходимо должно было вызвать въ его памяти соотвѣтствующія возвращенія Платона и неоплатониковъ и въ этихъ возвращеніяхъ найти опору для себя.

¹⁾ Мы не рѣшаемся утверждать этого, но считаемъ однако вполне возможнымъ предполагать, что Виссаріонъ уже въ это время могъ испытывать нѣкоторыя сомнѣнія. Основаніемъ для этого служитъ его предшествующая жизнь и послѣдующая дѣятельность на соборѣ, отсутствіе въ немъ вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій, а также аналогическіе примѣры людей, находившихся приблизительно въ положеніи Виссаріона. Нашему предположенію противорѣчитъ видимому одно (и—сколько намъ извѣстно — единственное) свидѣтельство самого Виссаріона у Мина, CLXI, 360. В. Но этого свидѣтельства нельзя признать точнымъ и придавать ему полную вѣру. Виссаріонъ напр. говоритъ здѣсь: ἄμα γὰρ ἰδὼν καὶ ἀκούσας ἀπὸ τῶν ἀγίων ῥητῶν, εὐθὺς πάσης φιλοψυχίας καὶ ἔριδος ἐπαυσάμην. Но дѣйствительная исторія собора показываетъ, что Виссаріонъ велъ пренія съ латинянами даже и послѣ того, какъ узналъ тѣ отеческія изреченія, которыми латиняне подтверждали свое ученіе.

²⁾ Ср. напр. Migne, CLXI, 360.

³⁾ Haerduin, IX, 1368. C: ὁ μὲν γὰρ πρὸδότης Βησσαρίων, ἄλλα μὲν κεῖθεν ἐν φρεσίν, ἄλλα δ' ἐξαγγέλλων τῷ στόματι, ἐπειθε τοὺς πατριάρχας προσεφελκύσαι τοὺς Ἰταλοὺς πρὸς τὸ ἡμέτερον δόγμα θύνασθαι διὰ τῶν διαλέσεων.

⁴⁾ Migne, CLXI, col. CV: «Conciones, говоритъ Платина, et quidem frequentes atque elegantes, ad populos habuit (has Graeci homilias vocant) tanto concursu, ut templa ipsa permagna tantam multitudinem vix caperent» etc.

онъ, въ надеждѣ на свои молодыя силы, при незнаніи всѣхъ богословскихъ трудностей, съ которыми ему придется бороться, могъ серьезно думать о побѣдѣ надъ латинянами. Это тѣмъ возможно, что и нѣкоторые другіе греки также мечтали о побѣдѣ надъ латинянами ¹⁾, хотя—замѣтимъ въ слову — ихъ крайне недостаточная подготовка къ преніямъ на соборѣ и не давала имъ права на это ²⁾. Такимъ образомъ самая среда, въ которой вращался Виссаріонъ, до нѣкоторой степени могла развивать въ немъ надежды на побѣду. Эта же самая среда между тѣмъ едва ли была благопріятна для развитія или возникновенія иного рода надеждъ и стремленій, т. е. рѣшительной наклонности къ латинству и соединенію съ латинянами во что бы то ни стало. Императоръ, главный виновникъ предпологавашагося собора и первый его устроитель, искалъ сближенія съ латинянами и усердно хлопоталъ объ уніи съ ними; но онъ едва ли искалъ этой уніи на какихъ бы то ни было условіяхъ и во что бы то ни стало. Очень возможно и даже вѣроятно, что онъ уже заранѣе рѣшилъ сдѣлать нѣкоторыя уступки латинянамъ; но эти уступки могли касаться какихъ либо менѣе важныхъ пунктовъ разностей или же состоять въ такомъ формулированіи акта соглашенія, чтобы этотъ актъ обѣими сторонами могъ быть объясняемъ въ своемъ смыслѣ и такимъ образомъ, не требуя отъ грековъ перемѣны ихъ

¹⁾ Императоръ впоследствии по одному случаю замѣтилъ: ἡμεῖς ἐθαύρομεν διορθῶσαι πολλὰ σφάλματα τῶν Λατίνων, οὐκ δέ... (Συροπούλος, X, 11, 299). Еще важнѣе свидѣтельство Схоларія (H a r d u i n, IX, 445. 448) и Марка Ессесаго (M i g n e, CLIX, 1028).

²⁾ Недостаточная подготовка грековъ сама собою выяснится при дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же укажемъ для примѣра на слѣдующія мѣста: H a r d u i n, IX, 445; M i g n e, CLIX, 1088. D; CLXI, 357. A; Συροπ. V, 13, 131; V, 15, 135. Срав. Z h i s h m a n, 206. Здѣсь къ слову упомянемъ, что греки, какъ потомъ оказалось, не сочли нужнымъ захватить съ собою на соборъ и достаточнаго количества книгъ, подтверждавшихъ ученіе восточной церкви, вслѣдствіе чего имъ приходилось впоследствии попадать въ довольно неудобныя положенія (см. напр. F r o m m a n n, K r. Beitr., 15). За то, предъ отправленіемъ въ Италію, признано было нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы представители греческой церкви на соборѣ явились въ Италію съ запасомъ блестящихъ одеждъ, съ драгоценной церковной утварью и т. п. (Συροπούλος, III, 16—17, pag. 60—62). Императоръ полагалъ, ὡς εἰ μὲν ἐντίμως (т. е. во всемъ блестящѣмъ внѣшнемъ великолѣпіи) ἐκείσε φανῆ (ἢ Ἐκκλησία ἡμῶν), τιμηθήσεται καὶ παρ' ἐκείνων, καὶ ἡμῖν τίμιον ἔσται. εἰ δὲ πενιχρῶς οὐθῆ, καταφρονηθήσεται, καὶ ὡς οὐδὲν παρ' ἐκείνοις λογισθήσεται (ibid., p. 61).

взглядовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ бы и латинянь. Что императоръ дѣйствительно заранѣе рѣшилъ въ случаѣ нужды сдѣлать нѣкоторыя уступки латинянамъ, это между прочимъ видно изъ того, что онъ нашель нужнымъ на всякій случай испросить у патриарховъ полную свободу дѣйствій для ихъ представителей на соборѣ ¹⁾; а что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ былъ отъ мысли купить унию какою-бы то ни было цѣною, это видно какъ изъ образа дѣйствій его на соборѣ, такъ и изъ того, что онъ взялъ въ Италію Марка Ефесскаго, съ тою цѣлью очевидно, чтобы православная сторона вела съ латинскою серьезныя пренія ²⁾. Приближенныя къ царю лица также повидимому не предполагали въ эту пору, что греки сдѣлають латинянамъ тѣ уступки, какія впоследствии дѣйствительно были сдѣланы. Такъ братъ царя Димитрій, отправившійся съ другими въ Италію, всегда былъ и остался вполне православнымъ. Патриархъ Іосифъ, по всему судя, былъ вполне искрененъ, когда говорилъ, что если латиняне не согласятся съ греками, что однако на его взглядъ было весьма вѣроятно, то греки во всякомъ случаѣ не уступятъ имъ ни йоты ³⁾. Весьма близкій къ императору и пользовавшійся у него большимъ довѣріемъ его духовникъ Григорій даже въ Итали на первыхъ порахъ неоднократно выражалъ, иногда въ довольно угловатыхъ формахъ, свое отвращеніе къ латинству ⁴⁾. Возможно, что нѣкоторыя другія изъ приближенныхъ къ царю лицъ, напримѣръ Исидоръ съ своими товарищами по посольствамъ на западъ, уже въ эту пору были нѣсколько иныхъ взглядовъ на это дѣло; но и объ ихъ безусловной склонности къ латинству мы ничего не знаемъ ⁵⁾. Такимъ образомъ и окружавшіе Виссаріона люди не могли вліять на него въ смыслѣ благопріятномъ для безусловной унии.

Мы не можемъ сказать даже и приблизительно, когда рѣшено было, что въ числѣ другихъ отправится въ Италію и

¹⁾ Συροπουλος, III, 3—4, p. 45—48.

²⁾ См. также Сиропула, X, 11, стр. 299. Устраненіе же іеромонаха Нила Тарханюта (ibid., III, 7, 51) достаточно объясняется изъ опасенія царя, чтобы Нилъ не сдѣлалъ какой нибудь напрасной выходки противъ латинянь. Δειλῶ, говорилъ царь, μήποτε εὑρεθῆ τι χολογέριν, καὶ φωνήν τινα ῥίψῃ ἐκείσε, ἣτις μεγάλην ἡμῖν προξενήσει βλάβην.

³⁾ Συροπουλος, III, 16, p. 60, cf. II, 18, p. 13.

⁴⁾ Ibid. IV, 31, p. 109; VI, 23, p. 178 sq.

⁵⁾ См. Frohmann, K. Beitr., 140—141.

Виссаріонъ. Нѣсколько, хотя и немногимъ больше знаемъ мы относительно времени, когда онъ былъ назначенъ въ число главныхъ дѣятелей на соборѣ. Это назначеніе или—точнѣе—предъизбраніе состоялось еще до отъѣзда изъ Греціи и повидимому сравнительно незадолго предъ тѣмъ. Основаніемъ для такого предположенія служитъ возведеніе Виссаріона изъ игуменовъ ¹⁾ въ санъ никейскаго архіепископа ²⁾. Говоря о хиротоніи Виссаріона и вмѣстѣ съ нимъ Марка и Діонисія (перваго на ефесскую, втораго на сардійскую кафедру), Сиропулъ ставитъ это отличіе названныхъ лицъ въ прямую зависимость отъ предназначавшейся имъ выдающейся роли на соборѣ ³⁾.

24-го ноября 1437 года ⁴⁾ императоръ, патріархъ и избран-

¹⁾ Одинъ изъ біографовъ Виссаріона, Капраника, говоритъ о немъ, что императоръ «*bysantinus Basillii monasterium famaе celeberrimae gubernandum et quotidianis lectionibus erudiendum ei tradit*» (V a s t, 33). Время этого назначенія нельзя опредѣлить съ точностію; можно лишь сказать, что оно произошло не раньше 1433 года (См. Vast, 30 и 34).

²⁾ Точно опредѣлить время возведенія Виссаріона въ этотъ санъ пока нельзя. Предположеніе Васта (стр. 50), что это событіе произошло осенью 1436 г., во первыхъ такъ же голословно, какъ и подобное же предположеніе Декеня (Og. Chr. I, 653), который, не приводя никакихъ основаній, говоритъ, что Виссаріонъ сдѣланъ никейскимъ митрополитомъ «*anno circiter 1436*»; во вторыхъ опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что осенью 1436 г. и даже быть можетъ весной 1437 г. Маркъ былъ еще простымъ іеромонахомъ (Зуроп. III, 6, 49, ср. Goethe, 85—86 и Zhiszman, 190—191); а Виссаріонъ былъ возведенъ въ епископскій санъ повидимому одновременно съ Маркомъ (Зуроп. III, 15, 59). Замѣчательно, что Гете не обмолвился, кажется, ни однимъ словомъ на счетъ этого важнаго, но и труднаго вопроса. На основаніи контекста у Сиропула III, 15, 59 можно впрочемъ не безъ вѣроятности предполагать, что возведеніе Виссаріона въ санъ архіепископа состоялось въ 1437 г. и притомъ сравнительно не задолго до отправленія на соборъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить и свидѣтельство Энео Сильвіо (въ его *Historia de Asia minori*, сар. IX, pag. 339) о томъ, что Виссаріонъ никогда не являлся къ своей паствѣ (*nunquam plebem suam adiit quae vel minima est hodie vel nulla*). Виссаріонъ, быть можетъ, потому и не посѣтилъ своей епархіи въ бытность свою въ Византіи, что не имѣлъ для этого достаточнаго и свободнаго времени.

³⁾ *Συροπουλος*, III, 15: ἵν' ὡς πρόκριτοι παρῶσιν ἐν τῇ συνόδῳ.

⁴⁾ 24 ноября греки собственно вступили на приготовленные для нихъ корабли, на которыхъ и оставались нѣсколько дней, съ тѣмъ, чтобы привыкнуть къ тягостямъ предстоявшаго имъ морскаго путешествія. Корабли снялись съ якоря 27 ноября (Зуроп. IV, 1, 67—68). Впрочемъ *Augustinus Patricius* въ своей «*Summa conciliorum Basileensis, Florentini*» etc. свидѣтельствуеть, едвали однако точно, что «*Graeci cum Imperatore, patriarcha et aliis patribus ad VII Kalend. Decembris (=25 ноября) cum novem triremibus iter ingressi sunt*» (H a r d u i n, IX, 1138. F).

ныя ими духовныя и свѣтскія лица ¹⁾ моремъ отправились въ Венецію, куда и прибыли 8-го февраля 1438 года. Встрѣча, которая здѣсь была имъ сдѣлана, по всей вѣроятности заставляла ихъ на первыхъ порахъ забыть о тѣхъ опасеніяхъ, которыя тревожили нѣкоторыхъ изъ нихъ предъ отправленіемъ въ Италію. Эта встрѣча была такъ почетна, какъ только можно было желать ²⁾. Не менѣе почетны были проводы ихъ изъ Венеціи въ Феррару и приемъ здѣсь ³⁾. Все это, въ соединеніи съ непритворнымъ повидимому уваженіемъ къ нимъ со стороны даже вліятельнѣйшихъ латинянъ ⁴⁾, должно было настраивать грековъ, въ томъ числѣ и Виссаріона, на пріятный ладъ ⁵⁾ и питать въ нихъ надежды если не на побѣду, то во

¹⁾ Συροποῦλος, III, 15, ср. III, 7 и мн. др., гдѣ говорится объ образѣ дѣйствій царя при обсужденіи разныхъ вопросовъ, относящихся къ собору.

²⁾ Harduin, IX, 1—5; 741—742. Migne, CLVI, 787 sqq., гдѣ Георгій Франца (Γεώργιος Φραγκζης) описываетъ пріѣздъ грековъ въ Италію со словъ деспота Димитрія. См. также письма А. Траверсари у Сессони, р. DLI seqq. Но Дука, въ патристическомъ самообольщеніи, конечно фантазируетъ, утверждая, что латиняне въ Венеціи считали грековъ «οἱ πρώτοιοι τῆς Ἐκκλησίας οἰοί» и т. п. (Migne, CLVII, 1009). Само собою разумѣется также, что греки относили на счетъ нѣкотораго особеннаго уваженія къ себѣ со стороны венеціанцевъ и весьма многое изъ того, что было слѣдствіемъ простаго любопытства къ нимъ правдой толпы, какъ ко всякой новинкѣ.

³⁾ Harduin, IX, 5 sqq.; 741—742.

⁴⁾ А. Траверсари въ письмѣ къ папѣ отъ 20-го февраля (Сессони, р. DLI) въ чрезвычайно лестныхъ выраженіяхъ отзывается о патриархѣ, а въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 11 марта (Ambr. Samald. Epist. lib. XII, ep. 11, по изд. Мартеня) говоритъ: Sunt inter istos (Graecos) plerique eruditi viri. За день передъ тѣмъ онъ писалъ (Ep. lib. XIX, ep. 36): habent secum (т. е. императоръ и патриархъ) plerosque graves et doctos viros, atque ad disputandum promptos (=promptos) ut sine sanguine victoria futura non sit. Veniunt enim parat et instructi, multaque secum volumina convehunt in rem praesentem. Впослѣдствіи впрочемъ оказалось, что греки не запаслись всѣми нужными для нихъ книгами, такъ что, если вѣрить латинскимъ источникамъ, имъ приходилось на соборѣ бывать голословными и по этому случаю выслушивать отъ латинянъ даже остроты. Такъ, по словамъ архіепископа Антонина, когда на соборѣ возникъ споръ между сторонами о томъ, какъ должно читать одно классическое мѣсто у Василія Вел., и императоръ заявилъ, что въ Константинополѣ есть много кодексовъ, гдѣ спорное мѣсто читается такъ, какъ читаютъ его греки, то кардиналъ Цезарини замѣтилъ слѣдующее: Domine Imperator, cum decreveritis ad certamen venire, oportuit magnificentiam vestram arma vestra vobiscum adducere, non in certamine ipsa expectare (Fromm an n, Кг. В., 15; срав. свѣдѣтельство Виссаріона у Миня, CLXI, col. 357). Goethe (S. 187) держится другаго мнѣнія, но самъ же себя опровергаетъ приводимыми имъ данными и соображеніями.

⁵⁾ См. восторженное описаніе прибытія въ Италію и жизни тамъ на первыхъ порахъ у Мазви, XXXI, col. 463 sqq.; Harduin, IX, col. 1 sqq.

всякомъ случаѣ на полную равноправность съ латинянами въ предстоявшихъ преніяхъ ¹⁾. Эти надежды оказались однако преждевременными. Еще въ Венеціи греки могли нѣсколько разгадать тактику и дѣйствительныя цѣли латинянь; отъ нихъ едва ли могло укрыться неудовольствіе латинянь на то, что ни императоръ, ни патриархъ не поспѣшили на встрѣчу папскому легату, кардиналу св. креста Николо Албергати, при его прибытіи въ Венецію, и что оба они бесѣдовали съ легатомъ съ покрытыми головами ²⁾. Прѣжнее пріятное настроеніе грековъ еще болѣе было испорчено въ Феррарѣ во время переговоровъ о формѣ officialнаго приема грековъ папою ³⁾ и о мѣстѣ папы на соборѣ ⁴⁾, а также о церкви, въ которой греки, во время пребыванія въ Феррарѣ, могли бы совершать богослуженіе ⁵⁾. Требованіе о цѣлованіи папской ноги всѣми греками, въ томъ числѣ и патриархомъ, и о мѣстѣ папы въ срединѣ и „во главѣ“ собора ясно показывало замыслы папы и латинянь. Хотя дѣло это, послѣ долгихъ споровъ, и уладилось, если не къ обоюдному удовольствію, то и безъ особеннаго ущерба для греческой стороны ⁶⁾, тѣмъ не меньше впечатлѣніе, произве-

¹⁾ Такого повидимому взгляда на будущее положеніе грековъ на соборѣ держались и нѣкоторые итальянцы, за исключеніемъ конечно духовенства. Въ этомъ отношеніи весьма характерно слѣдующее свидѣтельство наивнаго автора «Феррарскаго дневника» (*Diario Ferrarese* въ *Muratori*, *Scr. reg. ital.*, tom. XXIV, col. 188—189): «et dicto Imperadore venne per vedere, se la sua fede era migliore de la nostra». И нѣсколько дальше: «el patriarcha di Constantinopoli si parti da Ferrara, e andò... a Fiorenza, per vedere quale fede era migliore, o la sua, o la nostra». Напротивъ извѣстный Веспасіано, авторъ «*Vite di uomini illustri del secolo XV*», какъ строгій католикъ и человекъ близкій къ высшему католическому духовенству (см. *Spic. Rom.*, I, editoris praefatio, pag. VIII sqq.), полагаетъ, что «*Greci passassino in Italia, a fine che si corregesse quello errore che avevano colla religione cristiana*» (*Ibid.*, p. 320, въ біографіи Траверсари).

²⁾ А. Траверсари, *Epist.* III, 65, ed. Flor., 1759, pag. 194, по цитатѣ у Пихлера (*Gesch. d. Trenn.*, I, 391). Письмо это перепечатано у Сессони, pag. DLVIII.

³⁾ *Συροπουλος*, IV, 20 слѣд.

⁴⁾ *Ibid.* IV, 25 слѣд. Греки энергически отстаивали свои требованія, и это вполнѣ понятно, такъ какъ за формальностями, о которыхъ шла при этомъ рѣчь, скрывались очень серьезныя вещи.

⁵⁾ *Συροπ.*, IV, 31, 169.

⁶⁾ См. *Συροπουλος*, IV, 21, 96. Замѣчательно, что свою уступку грекамъ относительно мѣста папы латиняне должны были подтвердить клятвою по требованію грековъ. *Μαδναί*, XXXI, col. 475, В.

денное на грековъ претензіями латинянь, не могло изгладиться ¹⁾. Греки должны были догадываться, что имъ едва-ли придется играть на соборѣ роль учителей, а латиняне едва-ли согласятся принять роль внимательныхъ и послушныхъ учениковъ ²⁾. Подтвержденіемъ служить между прочимъ авторитет-

¹⁾ Вся греки были пораженъ требованіемъ относительно цѣлованія папской туфли, а патриархъ, разумеется, больше всѣхъ. Онъ представлялъ свои будущія отношенія къ папѣ совершенно иначе, и даже мечталъ о возвышеніи своего авторитета, объ освобожденіи себя и церкви отъ «рабства» царю именно при помощи папы (Συροποῦλος, IV, 19, 92. Срав. VII, 15, 212). Весьма понятно, что патриархъ могъ совершенно серьезно угрожать возвращеніемъ въ Грецію въ случаѣ упорства латинянь (ibid. IV, 21, 95), до чего папа, разумеется, не могъ допустить: онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы изъ-за этихъ мелочей рисковать существенно важнымъ. Но согласившись, впрочемъ далеко не сразу, на уменьшеніе своей «чести» (τιμῆς), подобающей ему по «праву», папа всетаки позаботился по возможности соблюсти свой декорумъ и оберечь добрыхъ католиковъ отъ соблазна: онъ принялъ патриарха и его слугниковъ безъ особенной торжественности, въ присутствіи лишь кардиналовъ и притомъ ἐν ἰδίῳ καλλίῳ (Συροπ. IV, 21, 95—96).

²⁾ Въ то время какъ между греками были люди, которые, какъ Виссаріонъ, не прочь были подвергнуть строгой оцѣнкѣ ученіе какъ западной, такъ и восточной церкви, между латинскими дѣятелями на соборѣ былъ едва ли хотя одинъ человекъ, который бы смотрѣлъ на соборъ, какъ на средство выяснить истину и узнать, на чьей сторонѣ правда. Подтвержденіемъ этого, кромѣ многого другаго, служатъ письма А. Травверсари. Даже и этотъ латинянинъ, изъ всѣхъ латинянь наиболее безпристрастно относившійся къ грекамъ и греческой церкви, сразу же по прибытіи грековъ въ Италію говорилъ уже о «побѣдѣ» надъ ними (см. выше). Онъ совсѣмъ не допускалъ той мысли, что греки могутъ представить достойныя вниманія возраженія противъ латинскаго ученія. Онъ даже думалъ, что греки будутъ вести пренія на соборѣ лишь для формы. 13 апр. онъ писалъ папѣ: «Habent (Graeci), quod fatendum est, non nihil antiquae levitatis, cuius rei signa et indicia haud obscura quaedam dedunt: sed non idcirco desperandum aut desistendum est, pater beatissime: infirmaque illorum sapientissimo medico et patientissime sunt et summa cum lenitate toleranda: idque solum omni studio et arte curandum, quo pacto lucri eos facere possimus et a morbo, quo detinentur, eripere. Nempe si recte, si pie expendatur, quam multis saeculis permanserint in opinionibus suis, fuerintque a nobis non minus animo, quam corpore sejuncti et segregati, non videbitur mirandum aut indignanter ferendum, si non statim cedant, si tueri paulisper velint opiniones, ut non frustra tamdiu videantur errasse (Ambr. Cam. Epist. lib. I, ep. 13. по изданію Мартея). Въ рѣчи же, которую Травверсари предполагалъ произнести къ грекамъ при первой встрѣчѣ съ ними въ Венеціи, онъ намѣренъ былъ и имъ прямо высказать, что они явились въ Италію собственно для униа, а не ради собора, что латиняне имѣютъ въ виду исправить ихъ заблужденія и т. п. Но потому ли, что латиняне во время догадались, что подобная откровенность могла бы повредить ихъ дѣлу, или по другой причинѣ (ср. Goethe, 161), только Травверсари своей рѣчи не провозносилъ (см. documenti у Сессони, pag. DLIV—DLVI).

ное свидѣтельство Марка Ефесскаго. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾, замѣтивъ, что онъ отправлялся въ Италию съ надеждой на побѣду ²⁾, Маркъ говоритъ: „но прибывъ туда, мы тотчасъ испытали, что латиняне обращаются съ нами иначе, чѣмъ какъ мы надѣялись, и сряду же явилось у насъ отчаянiе въ достиженiи цѣли. И иной изъ насъ, замѣтивъ это, не разъ говорилъ другому: эти люди, показывающiе такое высокомерiе по отношенiю къ намъ, едва-ли разстанутся съ чѣмъ либо изъ своихъ обычаевъ и догматовъ“ ³⁾. Маркъ сдѣлалъ вѣрное наблюденiе: высокомерiе латинскихъ членовъ собора, за весьма немногими исключенiями ⁴⁾, было дѣйствительно непомерно. Большинство ихъ въ глубинѣ души смотрѣло на грековъ какъ на еретиковъ ⁵⁾, не имѣвшихъ права на равенство на соборѣ, притомъ какъ на людей, ниже ихъ стоявшихъ во всѣхъ отношенiяхъ. Скрывать такой взглядъ на грековъ не всегда было можно: онъ долженъ былъ связаться такъ или иначе, въ тѣхъ или другихъ мелочахъ ⁶⁾. Какое впечатлѣнiе производило все это на Виссарiона, мы не знаемъ; но нѣтъ также

¹⁾ Migne, CLIX, 1024. sqq.; cf. CLX, 1073 — 1074. Оно напечатано и у Harduin, IX, 550 sqq.

²⁾ Migne, CLIX, 1028. Α... ἐλπίας ἐπὶ Θεῷ, καὶ τοῖς κοινοῖς τοῦτοῖς προστάταις (i. e. τῷ πατριάρχῃ καὶ τῷ αὐτοκράτορι) πιστεύσας ὡς ἅπαντα ἡμῖν ἔξει καλῶς καὶ τι κατορθώσομεν μέγα καὶ τῶν ἡμετέρων πόνων καὶ τῶν ἐλπίδων ἄξιον.

³⁾ Migne, CLIX, 1028. D: ἐπεὶ δὲ ἐνταῦθα γινόμενοι τῶν Λατίνων εὐθὺς ἐπειράβημεν ἄλλως ἡμῖν προσενευθέντων ἢ ὡς ἠλπίζομεν, εὐθὺς μὲν ἡμῖν ἀπογῶναί τοῦ τέλους συνέπεσε: καὶ τις ἡμῶν εἶπεσκεν ἰδὼν εἰς πλησίον ἄλλον· σχολῇ γ' ἂν οἱ ἄνδρες οὗτοι τῶν οἰκείων ἔδῶν τι καὶ δογμάτων παρακινήσαιεν, οἱ τοσαύτην ὑπεροχὴν ἡμῖν ἐνδείκνυμενοι. Правда, Георгiй Схολарiй, характеризуетъ отношенiе латинянъ къ грекамъ, заявляя во время собора: «καθ' ἅπερ διδασκάλους ἡμῖν ἢ χρισταῖς αὐτῶν καθήμενοις, οὕτω προσφέρονται», т. е. латиняне (Harduin, IX, 448. E). Но Схоларiй такъ любовно отзывался о латинянахъ собственно потому, какъ кажется, что онъ въ ту пору хлопоталъ о примиренiи грековъ съ ними. Во всякомъ случаѣ его заявленiе не соответствуетъ дѣйствительности. Замѣтимъ еще, что латиняне, что называется, не давали грекамъ говорить на соборѣ. Срав. Harduin, IX, 292. B, 831. E.

⁴⁾ Въ числу этихъ исключенiй принадлежалъ Амброджио Траверсари, всегда бывшiй сравнительно справедливымъ къ грекамъ и не мало способствовавшiй установленiю лучшаго взгляда на нихъ и въ другихъ латинянахъ. См. его письма у Sessoni и разьясненiя у Goethe на стр. 163 и сл.

⁵⁾ Ср. характерное мѣсто у Синопула VI, 4, 145.

⁶⁾ Весьма возможно, что нѣкоторые изъ латинянъ позволяли себѣ также нѣкоторые насмѣшки надъ наружностью грековъ, раздѣляя въ этомъ случаѣ взглядъ на нихъ одного папскаго секретаря, который не могъ безъ смѣха смотрѣть на фигуры грековъ. H o d i u s, De Graecis Illustribus, pag. 31.

никаких оснований думать, чтобы онъ, на первых порахъ по крайней мѣрѣ, не раздѣлялъ съ соотечественниками ихъ неудовольствія и разочарованія. Грекъ не умеръ въ немъ до самой смерти и чувство національной гордости не заглохло въ немъ окончательно даже и въ ту пору, когда онъ былъ почти на самой вершинѣ могущества въ западной церкви. Что можетъ быть естественнѣе того, что въ первое время своего пребывания въ Италіи Виссаріонъ глядѣлъ на образъ дѣйствій и претензіи папы тѣми же глазами, какими смотрѣли на нихъ остальные его соотечественники и какими только и могъ смотрѣть грекъ? ¹⁾).

Торжественное открытіе собора состоялось 9 апрѣля 1438 г. ²⁾). Официальныя засѣданія собора были однако отсрочены, по требованію грековъ, до прибытія западныхъ государей или ихъ представителей и отцовъ базельскаго собора. Эти засѣданія, какъ увидимъ, начались уже 8-го октября. Полугодичный промежутокъ не былъ однако вполне потерянъ. По требованію латинянъ назначены и начаты были частные переговоры избранныхъ лицъ съ той и другой стороны относительно менѣе важныхъ разностей, съ цѣлю облегчить будущую работу собора. Въ число избранныхъ съ греческой стороны вошли Маркъ и Виссаріонъ. Согласно съ данной императоромъ инструкціей, пренія съ латинянами должны были вести только Маркъ и Виссаріонъ; впрочемъ въ случаяхъ затруднительныхъ они обязаны были совѣщаться съ другими сотоварищами; послѣ же каждого засѣданія греческая коммиссія должна была являться въ императору и сообщать ему отчетъ обо всемъ, что было говорено въ засѣданіи. Эта характерная инструкція, сохраненная Сиропуломъ ³⁾, есть первый документальный памятникъ, свидѣтельствующій о начинающемся вліяніи Виссаріона на ходъ собор-

¹⁾ Ср. Συροπούλος, IV, 20, pag. 94.

²⁾ Соборъ въ Феррарѣ, въ качествѣ собора, долженствовавшаго, по мысли папы, замѣнить базельскій соборъ и совершить какъ преобразование западной церкви, такъ и соединеніе ея съ восточной церковью, былъ открытъ еще 8-го января (Harduin, IX, 716; cf. 707 sqq.). 9-го апрѣля послѣдовало собственно открытіе общихъ засѣданій латинянъ и грековъ.

³⁾ Συροπούλος, V, 3; V, 8. Характерность ея заключается въ томъ, что императоръ, какъ это впрочемъ было и прежде и какъ это будетъ и послѣ, стягиваетъ все къ себѣ, — обстоятельство, имѣвшее, какъ увидимъ, важное значеніе и по отношенію къ Виссаріону.

ныхъ дѣль ¹⁾). Не смотря на то, что Виссаріонъ не былъ представителемъ ни одного изъ патріарховъ ²⁾, онъ наряду съ Маркомъ былъ выдвинутъ на передній планъ, на которомъ, какъ увидимъ, и остался въ продолженіи всего собора. Предпочтеніе, оказанное Виссаріону, объясняется безъ сомнѣнія его умомъ и краснорѣчіемъ, а также отчасти его уже испытанною дипломатическою ловкостью, которая вѣроятно представлялась императору далеко не излишнею въ переговорахъ съ такими нужными людьми, какъ латиняне. Первое засѣданіе этой греко-латинской комиссіи открыто было рѣчью кардинала Джуліано Чезарини. Дошоль до насъ слухъ, говорилъ между прочимъ кардиналъ, что вы еще до выѣзда изъ Константинополя нашли нѣкоторое средство, при помощи котораго думаете соединиться съ нами ³⁾. Скажите же намъ это средство, просилъ Чезарини. Онъ, какъ и всѣ латиняне, имѣлъ повидимому не точныя свѣдѣнія о томъ, что говорилось въ константинопольскомъ собраніи грековъ, предшествовавшемъ отъѣзду ихъ въ Италію ⁴⁾. Латинянамъ должно быть сообщено было, что греки,

¹⁾ Что же касается вообще его положенія въ средѣ другихъ греческихъ епископовъ, то оно и нѣсколько прежде было повидимому довольно выдающимся. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отличіе Виссаріона при оффиціальномъ приѣмѣ папою греческихъ духовныхъ сановниковъ: онъ находился въ первой чредѣ, т. е. въ числѣ первыхъ шести лицъ, принятыхъ папою вмѣстѣ съ патріархомъ. Συροπολος, IV, 22, 97.

²⁾ Въ «Повѣсти Симеона Суздальскаго объ осьмомъ соборѣ» (Павловъ, Критич. опыты по исторіи древн. греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб., 1878, стр. 198 сл.) читаемъ: «Въ лѣто 6946-е наченшу сборовати царю греческому Калуяну и патріарху Іосеу, отъ себе избраша три святители: честна и свята мужа Марка митрополита еесскаго въ мѣсто патріарха александрійскаго, а другаго митрополита Исидора рускаго въ мѣсто патріарха антиохійскаго, третіаго митрополита Висаріона никейскаго въ мѣсто патріарха іерусалимскаго, и тѣхъ посадиша въ патріарховъ мѣсто» (стр. 200). Ошибка Симеона (ср. напр. Сироп. IV, 29; V, 1) — довольно понятна: или по своей простотѣ онъ отождествилъ мѣстоблюстителей съ лицами ведущими пренія, или же — зная, что Виссаріонъ, за смертію Діонисія сардійскаго въ апрѣлѣ 1438 г. (Сυροп. V, 1), сдѣлался мѣстоблюстителемъ сардійской катедры (Mansi, XXVI, 475. 1036) — ошибочно заключилъ отсюда, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ на себя и обязанности мѣстоблюстителя іерусалимскаго патріарха, возложенныя на Діонисія. См. Сироп. V, 1; Mansi, 1033. Относительно названія императора Калуяномъ (=καλός Ἰωάννης) ср. Goethe, 45, и Migne, CLXI, 966.

³⁾ Εὑρετε μεσότητα τινὰ δι' ἧς νομίζετε συναφθῆναι μεθ' ἡμῶν. Συροπολος, V, 4, 117.

⁴⁾ Ibid., III, 6, 49 sqq.

вынужденные крайностью, не только заранѣе рѣшились на унию, но и приготовили уже условія, на которыхъ она могла бы быть и была бы заключена. Изъ самой постановки кардиналомъ вопроса, въ связи съ обстоятельствами, при которыхъ этотъ же вопросъ повторялся потомъ, мы можемъ заключать, что латиняне придавали этому „средству“ рѣшительное значеніе и именно въ пользу унии. Такъ понялъ это и Маркъ, который и счелъ поэтому своимъ долгомъ категорически опровергнуть предположенія Чезарини и уничтожить иллюзіи, которымъ очевидно поддавались латиняне ¹⁾. — Отвѣтъ Марка на рѣчь Чезарини не оправдалъ возлагавшихся на него греками надеждъ и во всякомъ случаѣ не оставилъ въ нихъ особенно благоприятнаго впечатлѣнія ²⁾. Нѣсколько позднѣе они сами высказали Марку свое недовольство его рѣчью и основанія этого недовольства. Они указывали именно на то, что онъ говорилъ не обдумавши и повидимому не приготовившись, а „какъ случится“ ³⁾. Изъ отвѣта Марка мы видимъ, что онъ намѣренно говорилъ „просто“ (ἀπλῶς), такъ какъ, на его взглядъ, лишь простая рѣчь прилична монаху. Греки однако находили, что говорить такъ, какъ говорилъ Маркъ, было теперь неумѣстно, что съ противникомъ нужно бороться тѣмъ же оружіемъ и тѣми же средствами, какими и тотъ пользовался. Отвѣчать кардиналу на его отвѣтную рѣчь Марку они поручили теперь Виссаріону, надѣясь очевидно, что послѣдній загладитъ не со всѣмъ благоприятное впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ рѣчью Марка. Это была первая официальная рѣчь Виссаріона; тѣмъ цѣльнѣе она для насъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о ней лишь весьма краткія и не довольно опредѣленные свѣдѣнія у Сиропула ⁴⁾. Однако и изъ этихъ краткихъ замѣчаній можно сдѣлать нѣкоторые важные выводы. Изъ сопоставленія отчета Сиропула объ этой рѣчи Виссаріона съ тѣмъ, что говорилось предъ тѣмъ Маркомъ и кардиналомъ Чезарини и что высказа-

¹⁾ Συροπουλος, V, 4, 117.

²⁾ Οὐκ ἔδοξεν ἡμῖν ἔχειν τινὰ γενναϊότητα, ἢ κατὰ τὴν φράσιν, ἢ κατὰ τὰ νοήματα ἢ πρώτῃ ἀπολογία τοῦ Ἐφέσου, οὐδὲ ἀναλογίαν ἀρμοδίαν πρὸς τοὺς λόγους τοῦ Ἰουλιανῶ. Συροπουλος, V, 5, 119.

³⁾ Συροπουλος, V, 6, 120: οὐκ ἔδει (т. е. Марку) πεφαισμένως καὶ ἰδιωτικῶς, ἢ καὶ ἀπερισκέπτως ὡς ἔτυχεν ἀπολογήσασθαι, ἀλλ' ἐπιστημονικῶς καὶ γενναίως.

⁴⁾ Συροπουλος, V, 6, 119.

но было потомъ императоромъ, когда ему было доложено о всемъ происшедшемъ въ комиссії ¹⁾, можно заключать, что Виссаріонъ въ существенномъ не расходился съ Маркомъ; если же относительно нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ и высказался нѣсколько иначе, то только потому, что этого требовало самое существо дѣла ²⁾. Относительно же какого-то особеннаго „средства соединенія“, будто бы измышленнаго греками, онъ высказался такъ, какъ высказался бы и всякій православный человѣкъ. „Другаго средства (для соединенія), кромѣ истины, у насъ нѣтъ. У насъ есть истина; она будетъ у насъ и средствомъ; въ другомъ средствѣ намъ и нужды не представится; да мы и не сможемъ найти лучшаго средства, чѣмъ истина“ ³⁾. Яснѣе этого едвали можно было высказаться противъ всякихъ сдѣлокъ, на которыя потомъ пошли греки. Впечатлѣніе Виссаріоновой рѣчи на грековъ было весьма благопріятное ⁴⁾.

Послѣ долгихъ споровъ съ латинянами, желавшими подвергнуть разсмотрѣнію въ комиссії главную разность между церквями—вопросъ объ исхожденіи Св. Духа ⁵⁾, предметомъ разсужденій былъ избранъ, согласно рѣшительному требованію императора, вопросъ о состояніи душъ за гробомъ ⁶⁾. Но Вис-

¹⁾ Συροπουλος, V, 6, 120.

²⁾ Καὶ ἐπηρόρθου τὰ δόξαντα ἀνίσχυρα ἐκ τῶν τοῦ Ἐφέσου, καὶ ἡσαλίαιτο, καὶ ἀπέκλεισεν, εἰ τί πόρισμα ἐπορίζετο ἐκ τούτων ὁ Ἰουλιανός и проч. (Συροπ. V, 6, p. 119). Какъ видимъ, Сиропулъ, этотъ безусловно православный чело-вѣкъ, вполне одобрялъ то, что говорилъ Виссаріонъ.

³⁾ Μεσότητα δὲ ἄλλην ἡμεῖς οὐκ ἔχομεν εἰ μὴ τὴν ἀλήθειαν. Ἐπεὶ γὰρ ἔχομεν τὴν ἀλήθειαν μὲθ' ἡμῶν, αὐτὴν ἔχομεν ἡμεῖς καὶ μεσότητα, καὶ ἐτέρας οὐ δεησόμεθα. Ἐπεὶ οὐδὲ δεησόμεθα ποτε εὐρεῖν κρείττονα τῆς ἀληθείας μεσότητα. Ibid.

⁴⁾ Сиропулъ называетъ Виссаріонову ἀπολογίαὶν γενναίαν τε καὶ λογικὴν καὶ πεπλατυσμένην. Ibid.

⁵⁾ Συροπουλος, V, 8, 123.

⁶⁾ Императоръ запретилъ касаться въ комиссії вопроса объ исхожденіи Св. Духа по той же причинѣ, по которой онъ не дозволялъ ваниматься опрѣс-ноками: ἐπεὶ καὶ ἐν τούτῳ (т. е. въ вопросѣ объ опрѣсновахъ) διαφορά μερίστη δοκεῖ (Συροπουλος, V, 8, 124). Почему же однако императору не хотѣлось, чтобы въ комиссії шли разсужденія о болѣе важныхъ разностяхъ? Авторъ «Исторіи елорентійскаго собора» (Москва, 1847) повидимому объясняетъ это тѣмъ, что императору не хотѣлось, чтобы непримиримостъ православія съ латинскимъ ученіемъ обнаружилась прежде, нежели онъ достигнетъ своей цѣли» (стр. 54); а эта непримиримостъ скорѣе обнаружилась бы конечно при раз-смотрѣніи важнѣйшихъ пунктовъ разностей. Такого же, въ общемъ, взгляда держится и Геселе (Conciliengeschichte, VII, 676). Это объясненіе представ-ляется нѣсколько искусственнымъ и притомъ основаннымъ на нѣкоторыхъ предвзятыхъ мысляхъ (ср. выраженіе: «прежде нежели онъ (царь) достигнетъ

саріонъ заранѣе объявилъ грекамъ, что въ этихъ спорахъ онъ не предполагаетъ принимать участія. „Я не имѣю ничего сказать о чистилищѣ, говорилъ онъ; относительно догмата (объ исхожденіи Св. Духа) я можетъ быть найду что сказать; относительно же этого (т. е. чистилища) не знаю, что скажу“ ¹⁾. И дѣйствительно пренія съ греческой стороны вель почти исключительно Маркъ. Но Виссаріонъ былъ слишкомъ живая натура, чтобы онъ могъ оставаться безучастнымъ. И на самомъ дѣлѣ, онъ „отчасти помогаль Марку въ преніяхъ, хотя и слабо“ ²⁾, что впрочемъ и естественно, послѣ вышеприведеннаго заявленія. Къ сожалѣнію, источники оставляютъ насъ въ невѣдѣніи относительно того, въ чемъ именно состояла помощь Виссаріона Марку и каковы были на первыхъ порахъ ³⁾ его заявленія по занимавшему комиссію вопросу. Во всякомъ случаѣ за это время Виссаріонъ еще ни въ чемъ не показаль своего разлада съ соотечественниками ⁴⁾.

Къ несчастію, скоро произошли событія, повидимому не важныя, на самомъ же дѣлѣ оставшіяся не безъ значительнаго вліянія на будущій образъ дѣйствій Виссаріона. Эти событія относятся ко времени письменныхъ изложеній обѣими сторонами своихъ мнѣній о чистилищѣ и вообще о состояніи душъ за гробомъ. Латиняне первые изложили ученіе своей церкви объ этомъ предметѣ. Это изложеніе, какъ и все вообще, что дѣлалось въ засѣданіяхъ комиссіи, было передано императору, безъ воли и рѣшенія котораго не дѣлалось ничего ⁵⁾. Импера-

своей цѣли). Во всякомъ случаѣ на него едвали можно безусловно положиться. Нельзя ли объяснять дѣло проще, именно такъ, что императоръ не хотѣль предрѣшать исходъ общихъ соборныхъ совѣщаній по важнѣйшимъ пунктамъ равеностей просто потому, что это были важнѣйшія разности (ср. Сироп. V, 7, 121—122), тѣмъ болѣе, что это противорѣчило бы прежде состоявшемуся соглашенію съ латинянами (ib)?

¹⁾ Ἐγὼ οὐκ ἔχω τί λέγειν περὶ αὐτοῦ· εἰς μὲν γὰρ τὰ περὶ τῆς δόξης ἔχω λέγειν ἴσως, εἰς τοῦτο δ' οὐκ οἶδα τί λέξω. Συροп.п., V, 13, 130.

²⁾ Συροп.п.о.л.о.с., V, 14, 132.

³⁾ т. е. повидимому въ продолженіи около десяти дней (Mansi, XXXI, 486; Haddan, IX, 20). Количество засѣданій, могшихъ быть за это время, опредѣлить даже предположительно невозможно (ср. Mansi, 486. А, гдѣ говорится о собраніяхъ два раза въ недѣлю, и Συροп.п.о.л.о.с., V, 3, 115, гдѣ говорится о собраніяхъ три раза въ недѣлю.

⁴⁾ Συροп.п.о.л.о.с., V, 14, 132: καὶ ἦν ἰδεῖν τὸ τῆς θείας γραφῆς, Ἄδελφός ὄπ' ἀδελφοῦ βοηθούμενος ὡς πόλις ὄχυρά.

⁵⁾ ἄνευ τοῦ θελήματος καὶ τοῦ ὀρισμοῦ τοῦ βασιλέως οὐδὲν τι τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἐπράττετο. Συροп.п.о.л.о.с., V, 8, 123.

торь нашолъ, что и грекамъ нужно также изложить учение своей церкви о состояніи умершихъ. „Сказалъ онъ это, обращаясь къ Ефесскому“, какъ передаетъ Сиропуль¹⁾. Это обращение къ Марку могло просто значить то, что императоръ хотѣлъ знать о своемъ предложеніи мнѣніе его, какъ наиболѣе компетентнаго въ этомъ вопросѣ человѣка; но въ этомъ обращеніи специально къ Ефесскому можно было видѣть и непрямое предложеніе послѣднему—принять на себя изложение учения восточной церкви объ умершихъ. Маркъ понялъ вопросъ императора именно почти исключительно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и выразилъ готовность составить названное изложение, но съ условіемъ, чтобы только его изложение было пущено въ ходъ, хотя бы и еще кто либо изъ грековъ написалъ подобное изложение. Условіе было принято, хотя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, именно: постановлено было и, разумѣется, не къ особенному удовольствію Ефесскаго, что при составленіи имъ этого изложенія будутъ присутствовать еще нѣкоторые, нарочито избранныя лица; они же будутъ и помогать ему въ случаѣ нужды²⁾. Эти избранные были: Виссаріонъ, Григорій духовникъ и Сиропуль.

Уже тотъ одинъ фактъ, что Марку было поручено изложение греческаго учения о состояніи душъ за гробомъ, могъ нѣсколько обидѣть и дѣйствительно обидѣлъ самолюбиваго Виссаріона, хотя послѣдній и заявилъ незадолго предъ тѣмъ о неимѣнніи подготовки по вопросу о чистилищѣ. Это весьма естественное въ Виссаріо нѣ неудовольствіе сразу же и сказалось тѣмъ, что когда состоялось собраніе этой маленькой комиссіи, Виссаріонъ, словно сговорившись съ Григоріемъ духовникомъ и усердно имъ поддерживаемый, повелъ чрезвычайно пространную бесѣду, не столько по предмету ихъ занятія, сколько по поводу его³⁾. Виссаріонъ, очевидно, забывалъ, и намѣренно забывалъ, роль простаго совѣщательнаго члена въ комиссіи, для которой онъ былъ предназначенъ. Время между тѣмъ шло,

¹⁾ εἶπε δὲ ταῦτα πρὸς τὸν Ἐφέσου ἀποτεινόμενος. Συροπούλος, V, 14, 132.

²⁾ Συροπούλος, V, 14, 132.

³⁾ Συροπούλος, V, 14, 133: ἤρξατο οὖν ὁ Νικαίας ὀμιλεῖν ἀπλῶς, καὶ ἐπлатόνθη εἰς περισσά. εἶτα διεδέξατο τὴν ὀμηλίαν ὁ πνευματικὸς, καὶ ἐφιλοτιμήθη πλατύνεσθαι πέρα τοῦ δέοντος. διεδέχετο οὖν τὴν ὀμηλίαν ἑκάτερος παρ' ἑκατέρου καὶ ἀντεφιλοτιμοῦντο χρόνοντριβοῦντες εἰς λόγους κενοὺς μᾶθ' ὅλως τῷ προκειμένῳ προσήκοντα.

а составленіе „изложенія“ подвигалось тихо. Все это не могло, разумѣтся, нравиться Марку, и онъ въ концѣ концовъ попросилъ оставить его одного съ нотаріемъ, замѣтивъ, что составивши изложеніе онъ покажетъ его другимъ членамъ комиссіи для просмотра и поправовъ, если въ таковыхъ представится надобность. Нужно ли прибавлять, что для Виссаріона это было новымъ и весьма чувствительнымъ оскорбленіемъ? Подъ вліяніемъ послѣдняго, сверхъ того еще подстрекаемый Григоріемъ духовникомъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, и самъ питалъ нерасположеніе къ Марку по поводу мѣста на соборѣ ¹⁾, Виссаріонъ рѣшилъ писать свое изложеніе спорнаго ученія, очевидно на зло Марку и въ надеждѣ на то, что его, а не Маркову изложенію будетъ отдано царемъ преимущество. Эту надежду поддерживалъ или даже быть можетъ возбудилъ въ Виссаріонѣ тотъ же Григорій духовникъ ²⁾. Онъ же позаботился потомъ настроить и царя въ пользу Виссаріонова изложенія и даже совѣтовалъ императору передать латинянамъ изложеніе не Марково, но Виссаріоново, какъ лучшее ³⁾. Къ счастью, императоръ не поступилъ такимъ образомъ и выбралъ средній путь. Чтобы не обидѣть ни Марка, ни Виссаріона, онъ велѣлъ составить изъ обоихъ изложеній одно, такъ какъ-де ни то ни другое въ отдѣльности не удовлетворительно вполнѣ ⁴⁾. Эта мѣра была можетъ быть самою благоразумною при тогдашнихъ отношеніяхъ между Маркомъ и Виссаріономъ, такъ какъ благодаря ей эти отношенія не дѣлались по крайней мѣрѣ несносными; но сѣмени взаимнаго неудовольствія между Маркомъ и Виссаріономъ она разумѣется не уничтожила.

Отселѣ, по Сиропулу, начались непріятности между Маркомъ и Виссаріономъ ⁵⁾, имѣвшія весьма прискорбныя послѣдствія. Мы видѣли, что главною причиною этого перваго столбно-

¹⁾ Συροπουλος, IV, 29, 106; V, 15, 134.

²⁾ Συροπουλος, V, 14, 133, ср. V, 15, 135.

³⁾ Συροπουλος, V, 14, 133: παρεκίνησε τὸν βασιλέα, ἵνα ὀρίσῃ, καὶ δοθῇ τοῖς Λατίνοις τὸ τοῦ Νικαίας (σύγγραμμα), ὡς φιλοτιμώτερον κατὰ τὴν φράσιν, καὶ ῥητορικώτερον.

⁴⁾ Συροπουλος, V, 14, 133.

⁵⁾ Συροπουλος, V, 15, 134. До сихъ поръ, судя по источникамъ, между ними существовали добрыя отношенія. Разъ даже Виссаріонъ оказалъ существенную услугу Марку, вступившись за него предъ императоромъ (Сυροп., V, 2, 114).

венія былъ Виссаріонъ. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что своей выходки Виссаріонъ можетъ быть и не сдѣлалъ бы, если бы Маркъ былъ нѣсколько мягче въ своихъ отношеніяхъ къ нему. Вообще говоря, въ характерѣ не только Виссаріона, но и Марва были черты, которыя дѣлали почти неизбѣжнымъ столкновеніе ихъ рано или поздно. Что касается Марка, то въ безыскусственныхъ и несомнѣнно вполнѣ правдивыхъ разсказахъ Сиропула выступаетъ весьма отчетливо одна весьма важная въ настоящемъ случаѣ особенность характера Марка. Когда послы отъ императора и патріарха заявили ему волю послѣднихъ, чтобы онъ былъ на соборѣ представителемъ антиохійскаго патріарха ¹⁾, Маркъ отвѣтилъ: „когда я былъ (простымъ) іеромонахомъ, меня сдѣлали мѣстоблюстителемъ александрійскаго патріарха; теперь же, когда я сталъ ефесскимъ архіепископомъ, меня низводятъ (ὕποβιβάζουσι) въ мѣстоблюстители антиохійскаго патріарха. Поэтому не приму этого; буду же засѣдать на соборѣ просто какъ ефесскій архіепископъ“ ²⁾. Хотя Маркъ въ концѣ концовъ и подчинился рѣшенію царя и патріарха, но настроенія не измѣнили, какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа того же Сиропула: „архіепископъ ефесскій былъ огорченъ (ἐλοπήθη), видя, что Григорію духовнику дано было мѣстоблюстительство александрійскаго патріарха, и тотъ, простой іеромонахъ, будетъ сидѣть выше его, архіепископа, и не могъ снести этого (οὐκ ἔνεχετο); поэтому опять отказался занимать мѣсто антиохійскаго патріарха, на что онъ согласился-было. Духовникъ же, замѣтивъ это, сѣлъ не на скамью, но ниже, и такимъ образомъ (т. е. тогда только) Ефесскій сѣлъ какъ мѣстоблюститель антиохійскаго патріарха“ ³⁾.

¹⁾ Сравни. предположеніе Пихлера (I, 391).

²⁾ *Суроп.*, IV, 29, 107.

³⁾ *Суроп.*, IV, 32, 110; ср. *Migne*, CLIX, 1029. Замѣтимъ при этомъ, что въ качествѣ втораго представителя александрійскаго патріарха Григорій имѣлъ право сидѣть выше всѣхъ епископовъ за исключеніемъ лишь патріарха константинопольскаго Іосифа и ираклійскаго митрополита Антонія, который назначенъ былъ первымъ представителемъ александрійской каедры. Ср. *Goethe*, 57. 67. Въ подобное пререканіе изъ-за мѣста вступилъ также митрополитъ визанскій Митрофанъ съ мѣстоблюстителемъ іерусалимскаго патріарха, м. монахвасійскимъ Доскеемъ. *Суроп.* IV, 32, 110—111. Относительно самаго устройства и расположенія мѣсть для членовъ собора см. *Суроп.* IV, 26, 102; IV, 27. 103 — 104; IV, 30, 108. *Mansi*, XXXI, 475; *Harduin*, IX, 12.

„И отъ этой причины“, заключаетъ авторъ, „какъ она ни пуста и ничтожна повидимому (т. е. изъ-за мѣстничества), произошло великое раздѣленіе нашихъ“ ¹⁾). Или вотъ другой примѣръ, относящійся притомъ къ тому самому времени, когда отношенія между Маркомъ и Виссаріономъ сдѣлались натянутыми. Когда императоръ, какъ замѣчено выше, предложилъ грекамъ сдѣлать изложеніе восточнаго ученія о состояніи душъ за гробомъ, давши однако понять, что онъ ждетъ этого отъ Марка, то послѣдній отвѣчалъ: „такъ какъ ты повелѣваешь это, то я напишу; но я не хочу, чтобы—въ случаѣ если и еще ктонибудь напишетъ—было передано (латинянамъ) изложеніе того, а мое оставлено, и я оказался бы напрасно потратившимъ трудъ“. Царь сказалъ на это: „твое будетъ передано, а не другое“ ²⁾). Какъ видимъ, Маркъ былъ человѣкъ знавшій себѣ цѣну, не хотѣвшій и не умѣвшій поступаться тѣмъ, что онъ считалъ своимъ правомъ. Притомъ, отстаивая свои дѣйствительныя или только имъ предполагаемыя права, Маркъ не любилъ ни мало стѣсняться въ выраженіяхъ и, нанося другому обиду, совсѣмъ не думалъ о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, облечь ее въ сравнительно мягкую форму. Вообще это былъ человѣкъ весьма крутаго и рѣзкаго нрава. Виссаріонъ, въ отличіе отъ Марка обладавшій нѣкоторой гибкостью и мягкостью характера, вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не меньше, чѣмъ Маркъ, вѣрилъ въ себя, въ свои силы и въ свою необходимость для грековъ. Онъ такъ же хорошо, какъ и Маркъ, зналъ себѣ цѣну ³⁾). Эти двѣ природы, очевидно, не

¹⁾ ὅμως δὲ ἐκ τῆς τοιαύτης φαυλῆς καὶ σὺδαμνῆς αἰτίας ἡ δεινὴ τῶν ἡμετέρων προῆβη διαίρεσις. Συροπ. IV, 32, 110.

²⁾ Συροπούλος, V, 14, 132. По словамъ Сиропула, Маркъ выразился собственно такъ: ἐπειδὴ ὀρίζεις γράψωμεν. Но изъ контекста видно, что это γράψωμεν въ устахъ Марка было равносильно γράψω.

³⁾ Крайне самолюбивую и гордую натуру Виссаріона особенно ярко характеризуетъ послѣдовавшее нѣсколько позднѣе столкновеніе его съ Сиропуломъ (Сυροπούλος, VI, 20, 173). Вспыльчивость же характера и несдержанность языка Виссаріона, равно и Марка, довольно рельесно выразилась въ слѣдующей сценѣ между ними, рассказанной Сиропуломъ (IX, 6, 257): «Ἀπὸ τῆς εἰρηνικῆς οὖν δῆθεν ἀτήσεως καὶ ἀξιώσεως ἀνεφύη φιλονεικία. καὶ ὁ Νικαίας ἀναίδην ἐσκώπησεν τὸν Ἐφέσου, καὶ μετὰ τὴν πολλὴν φιλονεικίαν ἀναστὰς ὁ Νικαίας ἔφη, περισσὸν ποιῶ καὶ φιλονεικῶ μετὰ ἀνθρώπου δαιμονιαρίου (,) αὐτὸς γὰρ ἐνι μαίνόμενος, καὶ οὐ θέλω, ἵνα φιλονεικῶ μετ' αὐτοῦ. καὶ ἐξῆλθε μετὰ θυμοῦ. Εἶπε δὲ καὶ ὁ Ἐφέσου, ὅτι σὺ ὑπάρχεις κοπέλει. καὶ ἐποίησας ὡς κοπέλει. καὶ ἐπὶ τοῦτοις ἐξῆλθονμεν» etc. (См. Du Cange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis, Lugduni, 1688, подъ словомъ κόπελος).

могли внутренно ладить одна съ другой; достаточно было внѣшняго и пустаго повода, чтобы прямо опредѣлилось ихъ дѣйствительное отношеніе другъ къ другу. Этимъ поводомъ и былъ рассказанный выше случай по поводу изложенія ученія о состояніи умершихъ, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуемъ Сиропуль ¹⁾). Столкновеніе это было до нѣкоторой степени роковымъ для Виссаріона. Не замедлили, какъ сейчасъ увидимъ, обнаружиться и результаты его, возбуждая тревогу въ грекахъ. Впрочемъ, это случилось нѣсколько позднѣе, и мы теперь обратимся къ судьбѣ указаннаго изложенія греческаго ученія.

Это изложеніе было прочтено въ одномъ изъ засѣданій греко-латинской комиссіи и раскрыто въ своихъ подробностяхъ Виссаріономъ ²⁾). Послѣдній отвѣчалъ по пунктамъ на составленное латинянами изложеніе. Эти пункты, по словамъ автора греческихъ актовъ, онъ „разрѣшалъ и изъяснялъ, какъ изъясняютъ наши толкователи и учителя греческіе“ ³⁾). При этомъ Виссаріонъ доказывалъ между прочимъ, что подъ огнемъ въ различныхъ мѣстахъ Писанія, толкуемыхъ западными въ смыслѣ латинскаго ученія, нужно и можно разумѣть только вѣчный огонь ⁴⁾). Подводя итогъ разностямъ въ ученіи восточной и западной церкви по вопросу о состояніи умершихъ ⁵⁾, онъ категорически высказалъ, что греческая церковь отвергаетъ чистилищный огонь ⁶⁾; но касаясь вопроса о томъ, почему и въ какомъ смыслѣ неполно блаженство однихъ и мученіе другихъ умершихъ до времени суда, Виссаріонъ не былъ такъ катего-

¹⁾ Συροπουλος, V, 15, 134.

²⁾ Συροπουλος, V, 15, 135, Harduin, IX, 20. В Mansi XXXI, 486. D.

³⁾ Mansi, XXXI, 486. E: λόγων καὶ ἐρμηνεύων τὸ καθ' ἐν κεφάλαιον, ὡς οἱ ἡμετέροι ἐξηγηταὶ καὶ διδάσκαλοι τῶν Γραικῶν ἐξηγοῦνται.

⁴⁾ Ibid., col. 486. D. E. и 487. A.

⁵⁾ Изложеніе въ acta graeca не отличается, къ сожалѣнію, полной отчетливостью и ясностью. Позволимъ себѣ однако думать, что смыслъ рѣчи Виссаріона переданъ ниже правильно.

⁶⁾ Странно читать у Hefele (VII, 677—678): Bessarion sprach sich über die Lehre der Griechen deutlich aus, indem er zeigte, dass auch sie ein Purgatorium und Strafen des Purgatoriums anerkennen, von einem Feuer dagegen nichts wissen wollten, wohl aber von Schmerz und Strafe. Wenn dagegen vom Feuer die Rede sei, so sei das höllische, ewige Feuer darunter zu verstehen. Bessarion protestirte demgemäss nur (?) gegen die buchstäbliche Auffassung des Wortes Fegfeuer. Къ чему это стремленіе—приблизить Виссаріоново пониманіе къ западному?

риченъ. Онъ высказалъ сначала, повидимому, какъ ученіе восточной церкви ¹⁾, что неполнота блаженства и мученій умершихъ до времени общаго суда зависитъ собственно отъ того, что эти блаженство и мученія они испытываютъ пока безъ тѣлѣ,—взглядъ, по мысли Виссаріона, тождественный съ ученіемъ и западной церкви; но затѣмъ Виссаріонъ замѣтилъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ грековъ, блаженство душъ святыхъ до всеобщаго суда не полно еще по другой причинѣ и что они, и какъ души ²⁾, не наслаждаются полнымъ блаженствомъ: „они находятся и наслаждаются радостію въ особомъ мѣстѣ, соображая (ἐνδομούμενος), что имъ предстоитъ получить неувыдаемый вѣнецъ и что они всецѣло будутъ нѣкогда наслаждаться благами и царствомъ Божиимъ“ ³⁾. Впрочемъ уже изъ приведеннаго изложенія видно, что этому второму мнѣнію Виссаріонъ не придавалъ значенія и если привелъ его, то только ради соблюденія безпристрастія по отношенію къ грекамъ, не рѣшившимъ еще окончательно и единогласно этого вопроса ⁴⁾; самъ же Виссаріонъ уже рѣшилъ его и притомъ такъ, какъ рѣшаетъ и западная церковь. Составленіе Виссаріономъ такого взгляда на предметъ не можетъ быть конечно поставлено ему въ вину; но можно и должно поставить въ вину выраженіе этого взгляда публично. Высказывая его, и притомъ какъ ученіе церкви, Виссаріонъ забылъ, что онъ собственно уполномоченный грековъ; а послѣдніе по этому предмету еще не пришли къ окончательному заключенію. Вслѣдствіе, между прочимъ, именно этого послѣдняго обстоятельства, какъ можно полагать, императоръ совсѣмъ запретилъ касаться разсматриваемаго вопроса ⁵⁾. Маркъ подчинился этому запрещенію ⁶⁾; Виссаріонъ же даже вторично выступилъ съ своимъ

¹⁾ M a n s i, XXXI, 487. E: οὕτω (т. е. какъ латинская церковь) ψάλλει καὶ ἡ ἐκκλησία τῶν Γραικῶν. Изложеніе автора «Исторіи елорентійскаго собора» (стр. 57) здѣсь очевидно не точно.

²⁾ Слова: τινὲς δὲ... (M a n s i, XXXI, 490. A.) противопоставляются словамъ: αἱ δὲ τῶν... (487. E). Ср. взглядъ Марка у Гардуина (IX, 655. C.).

³⁾ M a n s i, XXXI, 490. A.

⁴⁾ Ср. M a n s i, XXXI, 491.

⁵⁾ Запрещеніе касалось именно этого вопроса, т. е. полноты блаженства и мученій, потому что о чистилищѣ и чистилищномъ огнѣ говорили и Виссаріонъ и Маркъ и много и обстоятельно.

⁶⁾ Ευροπευλος, V, 15, 136.

мнѣніемъ, хотя на этотъ разъ и выразилъ его какъ свое личное мнѣніе. Онъ высказалъ, что души святыхъ прямо послѣ смерти и прежде общаго суда получаютъ предназначенное имъ блаженство, а души грѣшниковъ — наказаніе; до полнаго же блаженства первыхъ и наказанія вторыхъ недостаетъ только одного, именно ихъ тѣлъ, и это недостающее восполнится при второмъ пришествіи Христовомъ, послѣ чего праведные и грѣшники будутъ блаженствовать или мучиться уже съ своими тѣлами ¹⁾.

Это заявленіе Виссаріона сопровождалось обстоятельствами, весьма характерными. Сдѣлавъ его, онъ оставилъ свое мѣсто подлѣ Марка и пересѣлъ на другое ²⁾. Смыслъ этой выходки Виссаріона видѣнъ изъ слѣдующихъ словъ Сиропула. Замѣтивъ, что поступокъ Виссаріона возбудилъ общее неудовольствіе, Сиропулъ продолжаетъ: „я былъ болѣе (всѣхъ) другихъ недоволенъ, предполагая, что гибельное зло выйдетъ изъ этой размолвки; поэтому счелъ за нужное, для возстановленія добрыхъ отношеній между ними, и свои старанія употребить и другихъ привлечь къ этому дѣлу. Итакъ склонивши къ этому епископа лакедемонскаго, отправился съ нимъ къ патриарху; рассказали послѣднему, какъ Никейскій, еще за нѣсколько дней назадъ, казался не расположеннымъ къ Ефесскому, не поддерживая его и не оказывая никакой помощи; теперь же онъ обнаружилъ это еще яснѣе, сквозь зубы порицая то, что говорилъ Ефесскій; затѣмъ, не оставшись въ прежнемъ единомыс-

¹⁾ Συροπουλος V, 16, 136: λέγω... και δοξάζω, ότι και αι ψυχαι των αγίων απελαβον α απεικειντο αυταις αγαθα, και αι των αμαρτωλων τας κολασεις. Τουτο δε λειπεται μονον ινα προσλαβωνται και τα σωματα, μεθ' ων εν τω δε τω βιω επολιτευσαντο. και οι μεν δικαιοι ωσειν εν τη απολαυσει, και τότε μετα των σωματων, οι δε αμαρτωλοι υπαρχουσι συν τοις σωμασιν εν τη κολασει. Και τουτο γενησεται εν τη δευτερα του Χριστου παρουσιαι. Это мнѣніе Виссаріона было потомъ принято всѣми. *Ma n s i*, XXXI, 491. С.

²⁾ Съ перваго взгляда, при чтеніи разсказа Сиропула объ этомъ, можетъ казаться, что указанный поступокъ Виссаріона былъ не болѣе, какъ протестъ противъ того, что Маркъ, повинувъсь приказанію императора, не хотѣлъ удовлетворить требованію латинянъ и подробно изложить ученіе восточной церкви о состояніи умершихъ. Но въ дѣйствительности это была лишь одна изъ второстепенныхъ причинъ; главнѣйшая же причина заключалась въ накопившей у Виссаріона досадѣ на Марка, что можно видѣть и въ нижеприводимомъ разсказѣ Сиропула.

ли съ нимъ и не удержанный императорскимъ повелѣнiемъ ¹⁾, онъ, высказавши собственное мнѣнiе, какъ хотѣлъ, оставилъ Ефесскаго одного противостоять противникамъ... Итакъ мы видимъ, что отъ Никейскаго происходитъ великое раздѣленiе. И мы боимся, какъ бы оно не возросло во что нибудь худшее и не причинило великой пагубы. Ибо что можетъ быть хуже, недостойнѣе и печальнѣе раздѣленiя нашихъ здѣсь! Какое несчастiе (*катастроφή*) будетъ слѣдствiемъ этого! Посему мы благоразсудили — объявить о происшедшемъ твоему святѣйшеству, чтобы ты, повелѣвъ имъ явиться къ тебѣ, отеческими и вмѣстѣ внушительными совѣтами побудилъ ихъ оставить свое разъединенiе, примирилъ и соединилъ ихъ ²⁾. Итакъ просимъ твое святѣйшество поспѣшить этимъ примиренiемъ ихъ, потому что, если пренебречь этимъ теперь, сдѣлать это потомъ будетъ труднѣе ³⁾. Причины смущенiя грековъ еще яснѣе высказаны въ слѣдующихъ за вышеприведенными словахъ Сиропула патриарху, сказанныхъ въ отвѣтъ на весьма рѣзкой и весьма неосновательный упрекъ патриарха въ разглашенiи ими обстоятельство, о которыхъ, ради чести грековъ, слѣдовало бы молчать: „латиняне и по словамъ и по дѣламъ (Виссаріона) узнали объ этомъ (раздѣленiи): ибо Никейскiй не только словами высказалъ въ слухъ собесѣдующихъ то, что хотѣлъ, но вставши съ своего мѣста сѣлъ съ архонтами сената, оставивши Ефесскаго одного среди борьбы. Такимъ образомъ онъ самъ далъ понять присутствующимъ свое несогласiе (съ Маркомъ).

¹⁾ Это повелѣнiе было вызвано повидимому двумя обстоятельствами. Прежде всего греки просто не имѣли положительнаго отвѣта на вопросъ объ умершихъ: ихъ мнѣнiя были различны (Ср. Mansi, XXXI, 491. В и С). Другое основанiе можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ автора акта грасса: *καὶ οὐκ ἤθελον φανερωῖσαι τὴν δόξαν αὐτῶν* (т. е. о загробной жизни) *τελείως οἱ Γραικοί, ἀλλὰ μόνον ποιεῖσθαι τὰ ἐρωταποκρίσεις ἐκπλαγίως καὶ τὰ καθίσματα εἰς τὸ βαστάζεσθαι τὴν σύνοδον, ἕως ὅτου ἔλθωσιν οἱ πρέσβεις ἀπὸ τῶν ῥηγάδων* (Ibid. col. 491. A; Harduin, IX, 21. E).

²⁾ ὁρῶμεν οὖν μεγάλην διαίρεσιν προβαίνουσαν παρὰ τοῦ Νικαίας. Καὶ δειλιῶμεν μὴ ἐπὶ τὸ χειρόν αὐξήσῃ, καὶ μέγιστον ὄλεθρον προξενήσῃ. τί γὰρ χειρόν ἢ ἀτιμώτερον ἢ ὀδυνηρότερον τοῦ σχισθῆναι τοὺς ἡμετέρους ἐνταῦθα; πόση καταστροφὴ ἐκ τούτου παρακολουθήσει; διὰ τοῦτο ἐφάνη καλὸν ἡμῖν, ἵνα δηλώσωμεν τῇ μεγάλῃ ἀγιωσύνῃ σου τὸ γεγονός, ὡς ἂν ὀρίσῃς, καὶ ἔλθωσιν ἐνταῦθα, καὶ λόγοις συμβουλευτικοῖς, πατρικοῖς τε ἅμα καὶ παραινητικοῖς ἀπελάσῃς αὐτῶν τὴν διχόνοιαν, καὶ εἰρηνεύσεις καὶ ἐνώσῃς αὐτοὺς (Συροπ., V, 16, 138).

³⁾ Συροп., I. с.

Что же ужаснаго сдѣлали мы, извѣстивъ твое святѣйшество о томъ, что многимъ извѣстно? И кого же другаго было всего естественнѣе извѣстить объ этомъ (какъ не тебя)? Поэтому я и прежде докладывалъ и твоему святѣйшему и царю, что не пойдутъ хорошо эти (предварительныя) изслѣдованія (соборныхъ) разсужденій (*διακρίσεις τῶν διαλέξεων*). Итакъ поведите, чтобы происходили собранія и изслѣдованія общія если не всѣхъ, то избранныхъ. Ибо раздѣленіе есть результатъ доселѣ практиковавшейся системы ¹⁾. Прежде же всего призываемъ васъ позаботиться объ ихъ (Марка и Виссаріона) мирѣ и единомыслии ²⁾. Сиропулъ, какъ видимъ, наполю теперь своевременнымъ повторить прежній свой совѣтъ — распространить принадлежавшее только Марку и Виссаріону право вести пренія на большее число лицъ, полагая очевидно, что Виссаріонъ, по самой природѣ своей и характеру своихъ отношеній къ Марку, не можетъ ладить съ послѣднимъ, что онъ будетъ всегда по возможности противорѣчить Марку хотя бы ради того, чтобы только не согласиться съ нимъ, и что слѣдовательно необходимо устранить это благоприятное условіе для возникновенія ссоръ между ними, заключавшееся въ правѣ только имъ однимъ вести пренія. Патріархъ съ своей стороны обѣщалъ пригласить Марка и Виссаріона къ себѣ и примирить ихъ. „Такъ сказалъ онъ намъ, продолжаетъ Сиропулъ, а имъ ни слова не сказалъ, и никакой мѣры не принялъ для ихъ примиренія; они съ того перваго столкновенія оставались раздѣленными, и хоть и сходились, какъ кажется, и бесѣдовали другъ съ другомъ, но на самомъ дѣлѣ были очень далеки одинъ отъ другаго“ ³⁾, чему, по свидѣтельству того же Сиропула, не мало способствовалъ обиженный Маркомъ и враждебно къ нему настроенный Григорій, царскій духовникъ ⁴⁾.

Это свидѣтельство очевидца и притомъ весьма близко стоявшаго къ Марку и Виссаріону, не оставляетъ никакого сомнѣ-

¹⁾ т. е. результатъ того, что только Марку и Виссаріону было предоставлено право вести пренія; Сиропулъ требуетъ, чтобы всѣ избранные имѣли это право.

²⁾ *Συροπούλος*, V, 17, 139.

³⁾ *Συροπούλος*, V, 17, 139.

⁴⁾ Сравни. напримѣръ *Συροπούλος*, V, 15, 135.

нiя въ томъ, что рознь между ними уже въ эту пору была дѣйствительно глубока и серьезна. И если мы примемъ во вниманiе, какое громадное, нерѣдко рѣшающее значенiе имѣли человѣческiя страсти всегда, а особенно въ то время и притомъ въ греческомъ мiрѣ, то мы ни на минуту не задумаемся и въ данномъ случаѣ ожидать того, что разъ сильно оскорбленное и потомъ всегда почти болѣе или менѣе задѣваемое самолюбiе Виссарiона прорвется наконецъ наружу и притомъ безразлично, въ сферѣ ли только частныхъ, личныхъ дѣйствiй и отношенiй, или и въ области болѣе широкихъ интересовъ. Уже и теперь мы видимъ признаки того, что оскорбленное самолюбiе Виссарiона увлекаетъ его за границы исключительно личныхъ, частныхъ отношенiй: онъ съвозъ зубы порицаетъ то, что говорить Маркъ, и это—въ официальномъ засѣданiи, когда онъ, хотя бы ради приличiя, долженъ былъ если не безусловно поддерживать своего товарища, то во всякомъ случаѣ не давать вида, что онъ съ нимъ не согласенъ. Для выражений несогласiя мѣсто было не здѣсь, а въ частномъ собранiи своихъ, т. е. однихъ грековъ. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ предъ собой безтаѣтность, но безтаѣтность весьма знаменательную,—и было бы только естественнымъ слѣдствiемъ развитiя оскорбленнаго чувства гордости, если бы Виссарiонъ отъ такой манеры выражать свое несогласiе съ Маркомъ перешолъ къ болѣе рѣшительной, а затѣмъ—такъ какъ Маркъ былъ признаннымъ и неумолимымъ борцомъ за ученiе своей церкви—выступилъ бы защитникомъ противоположнаго ученiя западной церкви ¹⁾. Все это могло быть слѣдствiемъ влiянiя одной той страсти, которая овладѣла бурной натурой Виссарiона и которой Маркъ, не менѣе горячiй человѣкъ, имѣлъ неблагоразумiе не щадить. Но мы частiю уже видѣли, частiю увидимъ что это была лишь одна изъ причинъ въ ряду другихъ, вед-

¹⁾ Двойникомъ Виссарiону въ этомъ случаѣ могъ бы служить Григорiй духовникъ. Въ одинъ разъ онъ высказывалъ одно мнѣнiе о значенiи различiй между церквами въ ученiи о чистилищѣ, именнo въ духѣ греческой церкви,—въ другой разъ—дiаметрально противоположное, въ духѣ латинскаго ученiя,—и это повидимому затѣмъ только, чтобы несогласиться съ Маркомъ, вѣроятно жестоко обидѣвшимъ его (*Συροποιουλος*, V, 15, 135). Фромманъ (*Krit. Beiträge*, S. 213) также признаетъ, что это личное столкновенiе съ Маркомъ было одною изъ причинъ, почему Григорiй, сначала ревностный приверженецъ православiя, впоследствии примкнулъ къ латинянамъ.

шихъ къ тому же результату, т. е. переходу Виссаріона на сторону латинявъ. Этотъ результатъ былъ слѣдовательно тѣмъ необходимѣе, чѣмъ больше причинъ дѣйствовало за одно.

Между тѣмъ, пока греки и латиняне обмѣнивались взглядами и вели пренія о состояніи душъ за гробомъ, прошло нѣсколько мѣсяцевъ ¹⁾. Въ этихъ преніяхъ Виссаріонъ, какъ мы видѣли, не принималъ особенно дѣятельнаго участія. Затѣмъ позднѣе греки совсѣмъ превратили свои предварительныя совѣщанія съ латинянами о чистилищѣ ²⁾. Такимъ образомъ у Виссаріона было много свободнаго времени, которое онъ могъ употреблять, какъ ему заблагоразсудится. Чѣмъ же онъ занимался въ это время? Что онъ не проводилъ его въ бездѣйствіи, подобно нѣкоторымъ другимъ грекамъ ³⁾, и что затѣмъ свое не занятое время онъ посвящалъ изслѣдованію главной догматической разности между церквями, это частію а priori можно предполагать, просто въ виду энергичной, молодой природы Виссаріона, частію можно заключать изъ приведеннаго уже выше его заявленія, сдѣланнаго въ ту пору, когда возникъ вопросъ о томъ, кому изъ грековъ вести пренія съ латинянами о чистилищѣ: „я не имѣю, что сказать относительно этого. Относительно догмата ⁴⁾ у меня найдется можетъ быть что сказать; а объ этомъ (т. е. чистилищѣ) не знаю, что скажу“ ⁵⁾. Здѣсь, правда, не сказано прямо, что вопросомъ объ исхожденіи Св. Духа Виссаріонъ занимался и теперь, а не только въ Константинополѣ; но предполагать это мы имѣемъ полное право какъ въ виду того, что занятія въ Константинополѣ не могли быть продолжительны и слѣдовательно достаточно обширны и глубоки, чтобы выступить съ ними предъ соборомъ, такъ и потому, что это былъ единственный предметъ, который въ глазахъ Виссаріона имѣлъ особенную важность и которому онъ всегда посвящалъ особенное вниманіе.

Какой же результатъ былъ этихъ изслѣдованій? Здѣсь мы

¹⁾ Συροπ. οὐλος, V, 18, 139.

²⁾ Συροп. V, 18, 140.

³⁾ Ср. Συροп. VI, 3, 144 зqq.

⁴⁾ У Сироула просто употребляено названіе δόξα для обозначенія догмата объ исхожденіи Св. Духа.

⁵⁾ Ἐγὼ οὐκ ἔχω τί λέγειν περὶ αὐτῶν. Εἰς μὲν γὰρ τὰ περὶ δόξης ἔχω λέγειν ἴσως, εἰς τοῦτο δ' οὐκ οἶδα τί λέξω (Συροπ. οὐλος, V, 13, 130).

опять лишены почти всяких документальных данных и вынуждены прибѣгнуть къ предположеніямъ. Прежде всего должны мы обратиться къ тому, съ кѣмъ за это время завязалъ и могъ завязать знакомство Виссаріонъ и каковы могли или должны были быть вліянія этихъ знакомствъ.

Едвали не первое лицо изъ латинянь, съ которымъ болѣе или менѣе близко могъ Виссаріонъ познакомиться и дѣйствительно познакомился, былъ знаменитый Амброджіо Траверсари, посланный нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Венецію, предъ прибытіемъ гревовъ туда, съ специальною цѣлію привѣтствовать ихъ рѣчью на ихъ родномъ языкѣ ¹⁾. Хотя рѣчь эта и не была произнесена, но въ сношенія съ греками Траверсари вступилъ и остался ими вполнѣ доволенъ ²⁾. Мы едвали сдѣлаемъ особенно рискованное предположеніе, если скажемъ, что онъ вынесъ такое впечатлѣніе изъ встрѣчи съ греками благодаря въ весьма значительной степени именно Виссаріону. Въ сравненіи съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ челоувѣкъ свободомыслящій, Виссаріонъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ епископовъ, могъ сблизиться съ умнымъ, чрезвычайно широко образован-

¹⁾ Въ латинской формѣ эта рѣчь напечатана въ собраніи писемъ Траверсари, изданномъ Мегусомъ, а затѣмъ у Сессони, pag. DLIII—DLVII. По словамъ Гете (стр. 162), греческая форма рѣчи доселѣ не найдена. Рѣчь эта повидимому написана была сначала на греческомъ языкѣ и уже потомъ переведена на латинскій. Ср. письма Траверсари у Сессони, pag. DLXXXIV, DLI—DLII.

²⁾ 20-го февраля онъ писалъ папѣ Евгенію: «...ubi ille (i. e. cardinalis Sanctae Crucis) adplicuit, liberius iam, ipso volente, in colloquium Patriarchae ipsius et Imperatoris, ac paucorum qui inter ceteros eminent, veni. Animadverti, pater beatissime, materiam ita dispositam ut vix melius optare possemus; idque potissimum ex prolixo et repetito cum Patriarcha sermone» и проч. (Сессони, pag. DLI). 10-го марта онъ писалъ другому своему корреспонденту: «Graeci... adveniant, honorificeque Venetiis accepti sunt. Et nos illis occurrimus, eosque inde cum honore deduximus. Imperatore et Patriarcha multum familiariter utimur. Habent secum plerosque graves et doctos viros, atque ad disputandum promptos, ut sine sanguine victoria futura non sit. Veniunt parati et instructi, multaque secum volumina convehunt in rem praesentem... Iam levia praelia conseruimus invicemque laceravimus» (Ibid., p. DLXXXII). 11-го марта онъ писалъ изъ Феррары въ томъ же смыслѣ (Ibid. p. DLXXXIV). Не приводимъ другихъ выдержекъ изъ писемъ Амброджіо, которыя можно найти отчасти въ указанномъ изданіи Сессони, отчасти въ книгѣ Goethe, S. 161 folg., главнымъ же образомъ въ изданіи Мегуса, къ сожалѣнію въ высшей степени рѣдкомъ и для насъ оставшемся недоступнымъ, а также въ изданіи Мартени. Къ сожалѣнію, помѣщенныя здѣсь письма Траверсари не всегда имѣютъ даты.

НЫМЪ и замѣчательно тактичнымъ Амброджіо ¹⁾, который при томъ въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ языкомъ ²⁾. Это сближеніе со временемъ должно было только укрѣпляться ³⁾.

¹⁾ Этотъ аббатъ и генералъ ордена камальдуленскаго уважалъ грековъ и съ самыхъ первыхъ поръ съ замѣчательною смѣлостью и рѣшительностью выступалъ на защиту ихъ предъ папою и латинянами. Это не могло не привлекать къ нему грековъ. Ср. напр. его письма у Сессони, DLI—DLII, DLVIII и др., также Goethe, 176.

²⁾ Ср. напр. Goethe, 162, гдѣ изъ *Annales Forolivienses, Anonymo Auctore*, приведено слѣдующее мѣсто: «Die X. Februarii Imperator Graecorum proficiscitur in Italiam, et se contulit Ferrariae in Concilio. Postridie vero Patriarcha ipsum Imperatorem insequitur. Cujus Auditor, et Interpres erat devotus et doctus Orator Frater Ambrosius de Porticu Literarum Graecarum, et Latinarum peritissimus» (Muratori, *Rer. Ital. Scr.*, t. XXII).—Правда, въ своихъ первыхъ письмахъ Траверсари не упоминаетъ о Виссаріонѣ; но онъ прямо не называетъ вообще никого изъ грековъ, за исключеніемъ царя и патріарха, хотя еще раньше 20-го февраля, какъ мы видѣли, вступилъ въ сношенія не только съ ними, но и съ «немногими, qui inter ceteros eminent»; затѣмъ въ письмѣ отъ 11-го марта онъ говоритъ, что «sunt inter istos (Graecos) plerique eruditi viri, multumque nobis affecti; sed imperator et patriarcha omnium in nos affectum superant» (Ep. lib. XII, ep. 11 по изд. Мартена). Въ виду положенія Виссаріона, а также послѣдовавшаго вскорѣ особеннаго сближенія его съ Амброджіо, мы вправѣ думать, что въ числѣ этихъ «рауци» и «plerique» былъ и Виссаріонъ. О сближеніи же ихъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо нѣкоего Леонардо къ А. Траверсари, изъ Венеціи отъ 26-го апрѣля 1438 года (т. е. спустя всего два мѣсяца). «Binis tuis literis commendasti mihi, Antistitis Nicaeni gratia caussam Calergiorum. Vide quot me res, ad id, quod cupis, vocent; primum voluntas tua..., deinde Nicaeni tui praestans integritas, et eruditio, quum omnes boni, ut sint de homine tanto benemeriti vehementer cupere debeant... Ego tamen quidquid praestare et tibi, et Nicaeno nostro, et huic tam iustae caussae potero, non minore, quam tu cupias studio, id praestabo». Goethe, у котораго мы беремъ это письмо (S. 171—172), цитуетъ Мерусово изданіе *Ambrosii Epist. lib. XXIV*, ep. 24. Весьма невѣжливо замѣтить при этомъ, что съ Траверсари былъ довольно друженъ и Георгій Схолярій. См. приводимое Рендо письмо Схолярія къ Траверсари у Migne, CLX, 256.

³⁾ 10-го іюля Траверсари писалъ изъ Феррары нѣкому Христофору: «Negotia ista Graecorum omnia ferme ipsi conficimus, vel ex Graeco in Latinum, vel ex Latino in Graecum convertendo, quae dicuntur ac scribuntur omnia. Adde quod tanta hi caritate nos complectuntur, ut si discadamus vel modice, mancos se ac destitutos arbitrentur... Fortasse nos Dominus in tempus istud reservavit, ut per nostrum ministerium tanta negotia et tam digna conficiantur» (Ep. lib. XII, ep. 41, по изданію Мартена; по изданію же Меруса Ep. lib. XIII, ep. 34. См. Goethe, 171). Если даже допустить, что Траверсари невозможно преувеличилъ свою необходимость для грековъ и расположеніе послѣднихъ къ нему, то все же мы вправѣ думать, что за это время онъ былъ близокъ къ грекамъ и былъ съ ними въ хорошихъ не только оффиціальныхъ, но и личныхъ, частныхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно былъ хорошимъ прежде всего съ Виссаріономъ. Кстати замѣтимъ, что Траверсари исполнялъ обязанности переводчика

Кромѣ другихъ членовъ собора изъ латинскаго духовенства, съ которыми Виссаріонъ, по самому своему положенію въ средѣ грековъ, необходимо долженъ былъ входить въ постоянныя сношенія, онъ не могъ также не познакомиться и съ Секундиномъ, официальнымъ переводчикомъ на соборѣ послѣ 8-го октября, если только названное лицо въ разсматриваемое время находилось въ Феррарѣ ¹⁾. Возможно и вѣроятно, что онъ завязалъ въ Феррарѣ сношенія и съ нѣкоторыми изъ находившихся тамъ гуманистовъ, въ ряду которыхъ онъ самъ впоследствии занялъ такое видное мѣсто. Это были: Гуарино, Ауриспа ²⁾ и секретарь Евгенія IV Бюндо ³⁾. Весьма вѣроятно, что болѣе или менѣе близко познакомился онъ и съ нѣкоторыми дру-

лишь въ продолженіи вышеизложенныхъ предварительныхъ переговоровъ между греками и латинянами. Впоследствии, съ 8-го октября, обязанности официального переводчика во время преній всецѣло перешли на Секундина (ср. напр. Harduin, IX, 100. В, 740. В, 761. С—D, 769. А, 843. В; Migne, CLXI, 492. D). Можно впрочемъ допустить, что и въ Феррарѣ и во Флоренціи, въ случаѣ невозможности для Секундина явиться въ засѣданіе собора, его замѣнял Траверсари, какъ это прямо утверждаетъ Веспасіано относительно элорентійскаго періода собора (Spicil. Rom., I, 320—321, cf. 15. 30). Сверхъ того Траверсари иногда исполнял на соборѣ обязанности чтеца изреченій греческихъ отцовъ церкви (Harduin, IX, 945. D).

¹⁾ Съ этимъ Секундиномъ Виссаріонъ находился впоследствии въ весьма дружескихъ отношеніяхъ (см. письмо Виссаріона къ Секундину у Migne, CLXI, 697; cf. Schioppalalba, p. 138). Начало этой пріязни относится вѣроятно еще ко времени собора.—Упомянутое лицо мы называемъ «Секундиномъ», образуясь съ тѣмъ, что онъ по происхожденію былъ грекъ (Harduin, IX, 761. С), что Сиропуль называетъ его Σεκουδίνος (Шорол., VI, 17, 166) и что самъ онъ въ своихъ греческихъ письмахъ именовалъ себя «Νικόλαος ὁ Σεκουδίνος» (Migne, CLXI, 691. D, cf. 697. В). Но по латыни онъ подписывался такъ: «Nicolaus Sagudineus» (Migne, CLXI, 492. А; Mansi, XXXI, 1046. D). Известный Веспасіано называетъ его по итальянски «Nicolò Secondino» (Spic. Rom., I, 15. 30. 320). Изъ новѣйшихъ изслѣдователей Фойгтъ (Wiederbeleb. d. class. Alt., II Band, II Aufl., S. 118) называетъ его «Niccolo Sagundino», а Вастъ (pag. 163) «Nic. Sagundini».

²⁾ Voigt, l. c.

³⁾ Harduin, IX, 714 и 989, ср. Voigt, Enea Silvio, I, 219. Goethe (S. 166) приводитъ слѣдующія важныя слова известнаго Сабеллика изъ его Eneades Rhapsodiae historicae, Secundus Tomus Operum, Basileae, 1560, col. 910: «fuit ea tempestate Ugo Senensis, medicae artis longe princeps, sed maius omnino nomen adeptus, quod Graecos, qui cum Palaeologo venere, omnium Italorum fortissime sustinuit, saepe cum his Ferrariae etiam congressus. Энео Сильвио (Historia de Europa, cap. LII) также рассказываетъ объ одномъ изъ обидовъ, на который «Hugo Senensis... omnes qui ex Graecis studiosi philosophiae eo (т. е. въ Феррару) convenisse crediti sunt, apud se invitavit».

гими латинянами изъ числа владѣвшихъ греческимъ языкомъ; а такихъ было не мало ¹⁾). Изъ всѣхъ этихъ знакомствъ едва ли не самымъ важнымъ было сближеніе съ кардиналомъ Джуліано Чезарини ²⁾). Болѣе или менѣе близко познакомился съ нимъ Виссаріонъ впервые на одномъ изъ обѣдовъ, рядъ которыхъ далъ Чезарини нѣкоторымъ грекамъ на первыхъ порахъ пребыванія ихъ въ Италіи ³⁾). Въ числѣ первыхъ былъ приглашенъ и Виссаріонъ. Правда, въ тотъ разъ, о которомъ рассказываетъ Сиропуль, рѣчь шла исключительно о философскихъ предметахъ. Но это доказываетъ лишь тѣмъ кардинала, хотѣвшаго вообще сблизиться съ греками, въ томъ числѣ и съ Виссаріономъ. Началомъ сближенія могли служить именно эти философскія бесѣды. Философія и вообще древній міръ были весьма удобной почвой для сближенія такихъ почитателей античной жизни, какими были Джуліано и Виссаріонъ. Помогалъ этому и характеръ Чезарини. Весьма умный и образованный, пріятный и ловкій въ обращеніи, умѣвшій быть скромнымъ ⁴⁾, этотъ итальянецъ—кардиналъ обладалъ такими свойствами ума и характера, которыя способны были въ сильной степени располагать и внушать уваженіе къ нему со стороны такихъ людей, какъ Виссаріонъ. Уваженіе къ нему Виссаріона скоро же и выразилось, какъ увидимъ, въ весьма выпуклыхъ формахъ ⁵⁾.

Таковы были новые знакомые Виссаріона и тѣ отношенія,

¹⁾ На г. IX, 761. С. Сближенію Виссаріона съ латинянами, въ концѣ разсматриваемаго времени, могъ способствовать и Исидоръ, когда 15-го августа онъ прибылъ въ Феррару изъ Россіи (Frothmann, 145). Весьма вѣроятно, что Исидоръ и самъ непосредственно вліялъ на Виссаріона въ смыслѣ благопріятномъ латинству. Еще въ 1434 г., находясь въ Базелѣ, онъ въ рѣчь къ собору высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «(Pax) Ecclesiam Christi, ut puto, mille tenuit annos ac plures. Postea nescio quo pacto discordia quaedam in Ecclesia Dei nata est, causis neque probatis neque magnis, neque alterutri partium multum nocentibus» и т. п. (Frothmann, 140, слав. 141).

²⁾ Этотъ кардиналъ нѣсколько зналъ и по гречески (Goethe, 154). Впрочемъ и при неполномъ знаніи греческаго языка онъ могъ обходиться при помощи переводчика. (Ср. Суrop. V, 2, 113). Первая встрѣча съ нимъ Виссаріона могла произойти еще въ Венеціи, куда кардиналъ прибылъ 19-го февраля, за нѣсколько дней до отъѣзда грековъ въ Феррару (Zhisshann, 245).

³⁾ Суropουλος, V, 2, 113. Не забудемъ, что въ числѣ присутствовавшихъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ былъ и Маркъ.

⁴⁾ Сравни. напримѣръ Суropουλος, V, 13, 131.

⁵⁾ Сравни. Migne, CLXI, 341. С. D.

въ какія онъ вступилъ съ ними. Что можетъ быть естественнѣе предположенія, что въ бесѣдахъ съ ними Виссаріонъ касался главной и наиболѣе занимавшей его разности между церквями, именно вопроса объ исхожденіи Св. Духа, выслушивалъ основанія латинскаго ученія и возраженія противъ греческаго и затѣмъ оцѣнивалъ вѣрность доказательствъ той и другой стороны? Не безъ вѣроятности также можемъ мы предположить, что Траверсари и Чезарини, вмѣстѣ съ другими знакомыми Виссаріона изъ латинянъ, предлагали ему и различныя сочиненія въ защиту латинскаго ученія. Въ изученіи этихъ-то сочиненій, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ (послѣднихъ конечно главнымъ образомъ, если не исключительно, въ греческихъ переводахъ ¹⁾, и вообще литературы вопроса и проводилъ, вѣроятно, Виссаріонъ значительную часть свободнаго времени въ теченіи указанныхъ шести, а можетъ быть и всѣхъ восьми мѣсяцевъ, считая съ приѣзда грековъ въ Италію. Непосредственный результатъ этого намъ вполне неизвѣстенъ ²⁾; но несомнѣнно, что въ фактъ перехода Виссаріона чрезъ нѣсколько времени въ ряды униатовъ должны были сказаться между прочимъ и эти его занятія и эти знакомства ³⁾. Несомнѣнно,

¹⁾ Впрочемъ едва ли можно безусловно отрицать возможность чтенія или чегонибудь и въ латинскомъ подлинникѣ, напримѣръ важнѣйшихъ мѣстъ. Для этого конечно необходимо было хотя нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ. Но въ виду того, что Виссаріонъ еще въ Константинополѣ быть можетъ немножко ознакомился съ элементами латинскаго языка, а главное въ виду его продолжительныхъ, близкихъ и частыхъ сношеній съ латинянами, сомнительно, чтобы онъ не пожелалъ хоть немножко овладѣть латинской рѣчью. Это повидимому необходимо предположить и въ виду «необыкновенныхъ» — какъ увидимъ — успѣховъ Виссаріона, которые онъ оказалъ въ изученіи латинскаго языка по приѣздѣ во второй разъ въ Италію. На первыхъ же порахъ онъ могъ объясняться съ латинянами на своемъ родномъ языкѣ (Hagdun, IX, 761).

²⁾ См. ниже.

³⁾ Очень возможно, что указанные знакомства не остались безъ нѣкотораго вліянія и на вышеприведенный взглядъ Виссаріона на состояніе умершихъ. Что касается вообще вліянія ихъ на развитіе униатскихъ стремленій Виссаріона, то здѣсь, вмѣстѣ съ Чезарини, мы особенно должны выдвинуть Амброджіо Траверсари. Этотъ замѣчательный и при томъ весьма симпатичный человекъ былъ въ силахъ сдѣлать и сдѣлалъ чрезвычайно много для уни. Необычайно даровитый по природѣ и прекрасно владѣвшій обоими древними языками, онъ обладалъ большими богословскими знаніями, былъ искренно и глубоко преданъ дѣлу уни, о которой серьезно думалъ еще при Мартинѣ V (ср. G o e t h e,

что подъ вліяніемъ этихъ знакомствъ Виссаріонъ долженъ былъ больше и больше привыкать относиться миролюбивѣе въ латинской церкви. Та атмосфера, въ которой вращался Виссаріонъ больше, чѣмъ это либо изъ грековъ, должна была, незамѣтно пожалуй для него самаго, но тѣмъ не меньше могущественно и неотразимо вліять на него, постепенно подготавливая его сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ потомъ и сдѣлался.

Наступилъ октябрь мѣсяцъ 1438 года. Ни отцы базельскаго собора, ни западные государи или ихъ уполномоченные, которыхъ ожидали, не являлись ¹⁾). Ждать долѣе было очевидно напрасно, и, хотя и послѣ долгихъ пререканій, рѣшено было наконецъ вести дѣло безъ нихъ и немедленно приступить къ преніямъ по главному пункту разностей между церквами, именно по вопросу о Св. Духѣ. Теперь начинается періодъ въ исторіи собора, когда Виссаріонъ принималъ въ дѣлахъ гораздо болѣе дѣятельное участіе,—періодъ, изъ котораго сохранилось и больше данныхъ для выясненія Виссаріонова настроенія.

Предварительно въ частномъ собраніи избранныхъ грековъ ²⁾ былъ поставленъ вопросъ о томъ, съ чего начать пренія съ латинянами: съ вопроса ли о прибавкѣ, какъ такой, или съ вопроса объ истинности самаго ученія, заключающагося въ этой прибавкѣ. Мнѣнія раздѣлились. Одни, какъ Маркъ Ефесскій и Георгій Гемистъ Плионъ, стояли за то, чтобы начать пренія съ прибавки. Вслѣдствіе ея, говорили они, раздѣлились мы съ латинянами, слѣдовательно и разбирать нужно сначала причину раздѣленія; а затѣмъ уже перейти къ догмату. Другіе, именно

143), былъ опытенъ въ сношеніяхъ съ греками, съ представителями которыхъ онъ встрѣчался еще на базельскомъ соборѣ, и всегда былъ сравнительно справедливъ къ нимъ. 20-го февраля онъ напримѣръ писалъ папѣ: *«Te oro a que obsecro, pater beatissime, advenientes ad te Graecos praecipua cum benevolentia et honorificentia suscipiat Sanctitas tua, et maxime ipsorum capita, quia sic decet, ita res ipsa tempusque requirit. Neque moveat Sanctitatem Tuam quorundam commotio, iudicio meo satis levis, quod is Patriarcha te adpellet fratrem; quia et Ecclesia Constantinopolitana secunda est a Romana, et facile meretur veniam inveterata nec de novo praesumpta opinio tolerandaque sunt omnia donec compositis rebus gravioribus, ista quoque disponantur. In honore omnino illi habendi sunt officioque mulcendi et leniendi, quia et nos illis de Tua Sanctitate polliciti sumus omnia»* (Сессоні, DLII). Подобныхъ примѣровъ можно бы привести очень много. Ср. Сессоні, DLVIII, DLIX и др.

¹⁾ Срав. Frommann, Krit. Beitr., 10.

²⁾ Συνοδικός, VI, 12, 159.

Виссаріонъ, Схоларій, Сиропуль и Амирутцисъ, считали необходимымъ начать пренія съ самаго ученія о Filioque ¹⁾. Эту мысль Виссаріонъ отстаивалъ съ большой энергіей ²⁾. Не слѣдуетъ, говорилъ онъ, начинать пренія съ прибавки ни въ томъ случаѣ, если мы считаемъ себя въ этомъ пунктѣ болѣе сильными, чѣмъ въ вопросѣ объ истинности самаго ученія латинянъ о Filioque, ни въ томъ случаѣ, если здѣсь мы чувствуемъ себя слабѣе. Съ слабѣйшаго, на чемъ можно потерпѣть неудачу, не нужно начинать потому, что гнетущее впечатлѣніе пораженія можетъ содѣйствовать нашему пораженію и въ другомъ, хотя бы и болѣе крѣпкомъ пунктѣ; съ сильнѣйшаго также не нужно начинать, а слѣдуетъ берегаться его къ концу. Если мы начнемъ съ догмата и побѣдимъ здѣсь латинянъ, то перейдя къ болѣе сильному пункту — къ прибавкѣ — мы, подъ впечатлѣніемъ побѣды ³⁾, окончательно разобьемъ ихъ, и такимъ образомъ завершимъ побѣду блестяще; если же по вопросу о догматѣ мы будемъ побѣждены, то все же у насъ останется еще пунктъ, гдѣ мы можемъ навѣрное рассчитывать на побѣду и—слѣдовательно—оставить за собой поле сраженія ⁴⁾. Это—доказательства, такъ сказать, ad hominem; но вотъ доказательство по существу дѣла. Если бы, разсуждалъ Виссаріонъ, мы начали съ латинскаго догмата и при этомъ озадалось бы, что онъ ложенъ, тогда бы не было и нужды въ особомъ разсужденіи относительно незаконности прибавки, и мы заразъ покончили бы съ своими противниками; а если начать съ прибавки и если будетъ доказано, что этой прибавки, какъ таковой, латиняне были не вправе дѣлать, то все же останется еще вопросъ объ истинности или ложности самаго догмата и этотъ вопросъ нужно еще будетъ подвергнуть спеціальному разсмотрѣнію ⁵⁾. Это второе доказательство Висса-

¹⁾ Συροπουλος, VI, 12, 159—160. Относительно имени «Амирутцисъ» сравн. «Αμρουτζης» въ Migne, CLXI, 723—724, и «Αμρουτζης» у Συροп., I. с.

²⁾ Высказанныя имъ при этомъ соображенія онъ самъ впоследствии изложилъ въ посланіи къ Филанеропину (Migne, CLXI, 337 и 414). Здѣсь мы приводимъ лишь общее содержаніе заявленія Виссаріона.

³⁾ Migne, CLXI, 414. D.

⁴⁾ Migne, CLXI, 337. C.

⁵⁾ Migne, CLXI, 337. C. D; 415. A. Если съ предубѣжденіемъ смотрѣть на Виссаріона, то и эту его настойчивость можно заподозрѣть, именно поду-

ріона нельзя не признать весьма основательнымъ, чего нельзя сказать о первомъ: тамъ отдѣльныя части доказательства не находятся между собою въ строгомъ логическомъ соотвѣтствіи, и, приводя ихъ, Виссаріонъ очевидно рассчитывалъ подѣйствовать на слушателей лишь массою соображеній; а при массѣ соображеній, которыя, въ отдѣльности взятыя, представляются основательными, уловить отсутствіе между ними логической связи трудно ¹⁾.

Какъ видно, Виссаріону хотѣлось во что бы то ни стало склонить грековъ въ разсужденіямъ объ истинности самаго догмата. Побужденія въ этому частію видны изъ выше-сказаннаго, частію указаны въ дальнѣйшихъ словахъ Виссаріона: „а это говорилъ я — свидѣтель въ томъ Богъ и моя совѣсть — блюдя всегда честь нашего народа и всячески заботясь объ его славѣ. Ибо я хотѣлъ, чтобы мы или со славою и съ видомъ побѣдителей отдѣлились отъ латинянъ, или съ честію соединились съ ними, не представляясь при этомъ побѣжденными и ослабѣвшими въ доказательствахъ. А то и другое слѣдовало изъ того (образа дѣйствій), о которомъ я говорилъ; изъ того же, что мы сдѣлали, вышло совершенно противное“ ²⁾. Уже въ этихъ и другихъ вышеприведенныхъ

мать, что онъ дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ латинянъ и въ виду того, что къ преніямъ о прибавкѣ греки несомнѣнно были болѣе подготовлены. На это достаточно однако отвѣтить простой ессыкой на то, что общую мысль Виссаріона о цѣлесообразности начать пренія съ догмата раздѣлялъ и Сиропулъ (Сироп., VI, 12, 160), человѣкъ строго православный. Той же мысли держался и Схολарій, столь извѣстный впоследствии подъ именемъ Геннадія. Искренность же Схολарія и правдивость его характера выше кажется всякаго сомнѣнія.

¹⁾ Говоря это, разумѣемъ слова Виссаріона о томъ, что если въ вопросѣ о прибавкѣ греки слыяте латинянъ, то все же не нужно начинать съ него. Между тѣмъ, принимая во вниманіе только что предъ тѣмъ высказанное Виссаріономъ, естественно ожидать, что онъ именно посоветуетъ начать съ прибавки: хорошее впечатлѣніе побѣды въ одномъ, сильнѣйшемъ пунктѣ, могло усилить ихъ энергію и такимъ образомъ помочь ихъ побѣдѣ и въ другомъ—допустимъ—слабѣйшемъ пунктѣ. Виссаріонъ взглянулъ на дѣло иначе и притомъ съ совершенно новой точки зрѣнія, и такимъ образомъ высказалъ соображенія, въ сущности исключаютія одно другое.

²⁾ Migne, CLXI, 337. D: Ταῦτα δ' ἐγὼ ἔλεγον μαρτυροῦντός μοι τοῦ Θεοῦ, καὶ τῆς συνειδήσεως, τῆς τοῦ γένους ἡμῶν ἀεὶ τιμῆς στοχαζόμενος, καὶ τὴν αὐτοῦ δόξαν ἐκ παντὸς τρόπου πραγματευόμενος. Ἡ γὰρ ἐνδόξως ἐβουλόμην ἡμᾶς Λατίνων διασευχθῆναι, καὶ μετὰ τοῦ δοκεῖν κερρατῆρῆναι αὐτῶν, ἢ ἐνδόξως αὐτοῖς ἐνωθῆναι, καὶ ἄνευ τοῦ δόξαι ἡττηθῆναι, καὶ ἀσθενῆσαι πρὸς τὰς ἀποδείξεις. Τούτων δ' ἑκάτερων, ἐκ μὲν ὧν ἐγὼ ἔλεγον, ἠκολούθει· ἐκ δ' ὧν διεπραξάμεθα, πᾶν τούναντίον.

словахъ Виссаріона проглядываетъ какъ будто нѣкоторое сомнѣніе его въ возможности доказать ложность латинскаго догмата. Онъ слишкомъ много говоритъ о той „ побѣдѣ “ грековъ или—точнѣе—о томъ призывѣ или той тѣни побѣды, которая сохранилась бы у нихъ въ случаѣ принятія его предложенія. Изъ его словъ выходитъ въ сущности то, что въ случаѣ пораженія грековъ въ вопросѣ о догматѣ ихъ отступленіе было бы нѣсколько прикрито и поражение было бы, такъ сказать, нѣсколько прикрашено. Такъ могъ разсуждать грекъ, правда, дорожащій (хотя и своеобразно имъ понимаемую) „честью“ своей церкви ¹⁾, но во всякомъ случаѣ нѣсколько колеблющійся относительно безусловной и во всемъ правоты своей церкви. А что такое колебаніе дѣйствительно было у Виссаріона, это еще яснѣе видно изъ дальнѣйшихъ словъ его. Мысль Виссаріона встрѣтила слабую поддержку въ средѣ грековъ. „Что же я?—продолжаетъ Виссаріонъ. Я не замолчалъ сразу; но видя, что они этого (т. е. разсужденій о прибавкѣ) хотятъ, а не другаго, и это потому, что они считали себя здѣсь болѣе сильными, чѣмъ въ (вопросѣ о) самомъ догматѣ, я, желая отвлечь ихъ отъ ихъ предположенія, въ присутствіи нашего мудраго императора, высказалъ противныя основанія“ (т. е. основанія въ пользу того, что греки совсѣмъ не сильны въ этомъ пунктѣ) ²⁾ „показывая слабость этого предположенія ³⁾ и то, что смѣшно полагать, будто не слѣдуетъ прибавлять къ символу истины. Эти основанія были такъ сильны, что никто изъ присутствующихъ не въ силахъ былъ ихъ устранить (ἀδυνα)“ ⁴⁾. Правда, Виссаріонъ говорилъ эти неортодоксальныя вещи затѣмъ, чтобы какъ нибудь убѣдить въ справедливости своей вполне резонной мысли о необходимости начать пренія съ догмата и рассмотреть дѣло по существу; но все же чистый орто-

¹⁾ Ср. Migne, CLXI, 340. В—D; 341. А. В.

²⁾ Migne, *ibid.* col. 340. А: εἶπον λόγους εἰς τοῦναντίον (= латин. переводу: dixi rationes in contrarium); col. 415. А (въ собственномъ измѣненномъ переводѣ Виссаріона): dixi in contrarium quatuor rationes.

³⁾ τὴν ἀσθενείαν δείκνυς τοῦ προβλήματος—col. 340. А.; сравн. въ латинскомъ переводѣ Виссаріона: probabam et hujus rei falsitatem—col. 415. В.

⁴⁾ Въ собственномъ переводѣ письма къ Филанеропию Виссаріонъ прибавилъ еще: quas (rationes) Latini etiam postea adduxerunt, quasque inter rationes per Latinos inductas audies—col. 415. А. В.

доксалъ ничего такого навѣрное не сказалъ бы. Слѣдовательно, Виссаріонъ въ эту пору уже по меньшей мѣрѣ сомнѣвался даже въ справедливости обращаемыхъ греческою церковію противъ латинской упрековъ въ противоканоническомъ присоединеніи къ символу *Floque*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по прежнему оставался рационалистомъ, весьма свободно мыслящимъ человекомъ по вопросу о силѣ церковныхъ каноновъ ¹⁾, что также не мало содѣйствовало этой его шаткости. Что же касается самаго догмата, то, судя по дальнѣйшему ходу дѣлъ ²⁾, Виссаріонъ долженъ былъ колебаться здѣсь еще больше. Впрочемъ, вромѣ упомянутаго сейчасъ случая, сомнѣнія Виссаріона въ ближайшее время не проявились наружу ни разу болѣе, и оффиціально онъ продолжалъ быть единомысленнымъ съ греками. „Они постановили, что хотѣли“ (т. е. рѣшили пренія съ прибавки), „и я послѣдовалъ имъ, полагая, что предъ Богомъ и народомъ я имѣю долгъ сказать то, что, на мой взглядъ, принесло бы пользу, а затѣмъ послѣдовать за большинствомъ и вмѣстѣ съ нимъ сражаться (съ латинянами)“ ³⁾. Подавить своихъ сомнѣній Виссаріонъ разумѣется не могъ; но онъ не могъ и придавать имъ, какъ сомнѣніямъ только, особеннаго значенія; притомъ онъ чувствовалъ себя грекомъ, самымъ своимъ положеніемъ обязаннымъ защищать вѣрованія своей церкви и вмѣстѣ честь ея и свою собственную, и потому уступилъ большинству и—какъ увидимъ далѣе—весьма даже энергично сталъ защищать ученіе восточной церкви.

Рѣшеніе большинства — начать пренія съ вопроса о прибавкѣ было утверждено императоромъ, который, хотя внутренно и не сочувствовалъ ему, но все же не рѣшился выступить противъ изъ опасенія навлечь на себя упрекъ въ давленіи на соборъ ⁴⁾. Затѣмъ въ особомъ засѣданіи выдающихся духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ выбраны были для преній съ латиня-

¹⁾ Сравн. *γελοῖόν ἐστιν οἰεσθαι μὴ θεῖν τὴν ἀλήθειαν τῷ Συμβόλῳ προσθεῖναι*—col. 340; *ridiculum sit putare veritatem non licere addere*—415. В.

²⁾ Весьма знаменательно, что Виссаріонъ, какъ увидимъ, по вопросу о прибавкѣ оофициально былъ единомысленъ съ греками и участвовалъ въ преніяхъ; при разсужденіяхъ же о догматѣ соблюдалъ почти полное молчаніе.

³⁾ *Migne*, CLXI, 340. А.

⁴⁾ *Migne*, CLXI, 415. В. Это опасеніе, къ сожалѣнію, очень рѣдко являлось у императора. Ср. *Συροποῦλος*, VI, 14, 163.

нами слѣдующія шесть лицъ: Маркъ ефесскій, Исидоръ русскій, Виссаріонъ никейскій, великій хартофилаксъ Михайль Вальса, монъ, великій скевофилаксъ Θεодоръ Ксанеопуль ¹⁾ и Георгій Гемистъ Плиөөнъ ²⁾. Сиропуль замѣчаетъ при этомъ: „царь опять ³⁾ повторилъ, чтобы пренія вели только двое: Ефесскій и Никейскій“ ⁴⁾. И дѣйствительно въ преніяхъ принимали участіе только Маркъ и Виссаріонъ; за исключеніемъ Исидора, иврѣдва высказывавшаго нѣсколько замѣчаній, остальные представители грековъ молчали.

8-го октября ⁵⁾ состоялось торжественное засѣданіе собора, второе по счету со времени его открытія и первое послѣ его возобновленія. Оно было открыто замѣчательной во многихъ отношеніяхъ рѣчью Виссаріона ⁶⁾.

¹⁾ Ксанеопуль занялъ мѣсто Сиропула, который, будучи избранъ въ число делегатовъ, отказался отъ этой чести.

²⁾ Συροπουλος, VI, 13, 161; Mansi, XXXI, 495; Harduin, IX, 25.

³⁾ т. е. какъ было при разсужденіяхъ о чистилищѣ.

⁴⁾ ἠπετόπισε πάλιν ὁ βασιλεὺς, ἵνα διαλέγωνται οἱ δύο μόνοι ὁ Ἐφέσου καὶ ὁ Νικαίας.

⁵⁾ По Сиропулу (VI, 17, 166), это засѣданіе состоялось 6-го октября, по автору такъ наз. Acta graeca (Mansi, XXXI, 494; Harduin, IX, 25) 8-го октября, и послѣднее указаніе представляется болѣе вѣроятнымъ по слѣдующимъ основаніямъ. Неточность указанной Сиропуломъ даты косвенно подтверждается 1) другой его неточностью, допущенной имъ въ той же 17-й главѣ, гдѣ содержится указанная дата. По изложенію Сиропула выходитъ, что въ одно и тоже засѣданіе говорили не только Андрей Родосскій и Виссаріонъ, но и Маркъ и затѣмъ опять тотъ же Андрей, нѣсколько разъ возражавшій Марку и нѣсколько разъ получавшій отъ него отвѣты. Но даже физически невозможно, чтобы рѣчи всѣхъ названныхъ лицъ были произнесены въ теченіе одного засѣданія: на произнесеніе однимъ Виссаріономъ его обширной рѣчи (въ изданіи Манси она занимаетъ пять столбцовъ) и на ея переводъ требовалось много времени. Притомъ показанію Сиропула противорѣчить и свидѣтельство автора акта граека, который относитъ первыя рѣчи Андрея и Виссаріона и затѣмъ рѣчь Марка съ возраженіями на нее Андрея—къ тремъ отдѣльнымъ засѣданіямъ (Mansi, XXXI, 507). 2) Невѣрность даты у Сиропула доказывается слѣдующей его неточностью: по Сиропулу (VI, 17 въ началѣ) Никейскій говорилъ послѣ Андрея, что однако мало вѣроятно и даже совсѣмъ невѣроятно послѣ только что заключеннаго сторонами условія о томъ, что первое слово будетъ принадлежать грекамъ (Συροπουλος, VI, 14, 161—162; ср. Mansi, XXXI, 495 C, 507. D). Дата же у Сиропула въ VI, 17, 166 могла ошибочно произойти изъ VI, 14, 162: открытъ соборъ предполагалось 6-го октября и эту дату Сиропуль можетъ быть тогда же записывалъ, а о дѣйствительномъ открытіи собора писалъ уже на память, почему и здѣсь показывалъ ту же дату.

⁶⁾ Мѣста изъ этой рѣчи мы приводимъ по изданію Маниа (CLXI, 532—

Рѣчь эта въ общемъ оставляетъ въ читателѣ пріятное впечатлѣніе. Не смотря на официальный характеръ мѣста и времени, гдѣ и когда она была произнесена, личность Виссаріона выступила здѣсь довольно выпукло и притомъ въ симпатичныхъ чертахъ. Прежде всего, здѣсь почти въ каждой строчкѣ проглядываетъ искренняя радость его о томъ, что представители разбѣдиненныхъ церквей, дотолѣ съ неудовольствіемъ слышавшихъ самое слово „соединеніе“, теперь сошлись, чтобы обсудить средства и пути соединенія. Это—радость искренняя, безъ заднихъ мыслей. Столь же искренно и прямодушно и желаніе успѣха въ объединительныхъ начинаніяхъ собора ¹⁾. Другая черта, еще болѣе характерная и важная, состоитъ въ слѣдующемъ. Виссаріонъ считаетъ задачей собора совершенно непристрастное изслѣдованіе спорнаго вопроса. Эту мысль онъ высказываетъ то прямо отъ себя, то въ формѣ указанія на какъ бы существующій уже фактъ, словно не желая знать, что на самомъ дѣлѣ обѣ стороны совершенно иначе представляли себѣ свои задачи. „Тѣ и другіе“ (т. е. греки и латиняне) „сошлись съ одною и тою же цѣлю и съ одинаковой готовностью (въ соединенію), не оставляя совершенно никакого мѣста желанію побѣдить или быть побѣжденными. Ибо это (желаніе побѣдить) было бы свойственно не ученикамъ Христовымъ и мужамъ богоразумнымъ, но какимъ нибудь совопросникамъ и людямъ, все дозволяющимъ себѣ и своимъ страстямъ. Но (обѣ стороны сошлись) съ единственнымъ желаніемъ найти истину, съ которою“ (т. е. ради достиженія которой) „и быть побѣжденными они хотятъ, безъ которой и побѣдить они не желаютъ“ ²⁾. „Остановимся тамъ, куда приведетъ насъ Слово Божіе, подавляя всякое гордое превозношеніе предъ славою Божіею, всякій

541). Сверхъ того она вошла въ собранія соборныхъ актовъ Лаббе (tom. XIII, откуда перепечатавъ ее и Манъ), Гардуина (t. IX) и Манси (t. XXXI).

¹⁾ См. напримѣръ превосходное ирическое мѣсто — Migne, CLXI, 533. Не можемъ не отмѣтить при этомъ мнѣніа осторожнаго нѣмецкаго изслѣдователя Гете, который признаетъ, что Виссаріонъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими греками, желалъ уни не только ради освобожденія своего отечества, но и ради ея самой (стр. 182). Къ сожалѣнію, въ вышедшей доселѣ части своего труда почтенный изслѣдователь не раскрылъ этого своего взгляда на Виссаріона, высказавъ его въ одномъ мѣстѣ въ какихъ нибудь трехъ строкахъ.

²⁾ Migne, CLXI, 533. A.

надменный и тщеславный помысль..., предпочитая въ иномъ быть побѣжденными хорошо, чѣмъ во всемъ побѣдить худо. Ибо значеніе блага имѣеть не только побѣда съ истиной, но такую же долю блага имѣеть и доброе поражение, и это поражение считается наравнѣ съ побѣдой, хотя ¹⁾ быть можетъ это нибудь скажетъ, что это второе благо (т. е. поражение) выше перваго, потому что для всякаго полезнѣе самому получить благодѣяніе, чѣмъ оказать его другому,—и лучше выслушать, чѣмъ сказать другимъ, и лучше освободиться отъ заблужденія, чѣмъ освободить (другаго)²⁾.

Эти воззванія, безъ сомнѣнія, были назначены ораторомъ и относились одинаково какъ къ грекамъ, такъ и къ латинянамъ ³⁾. Болѣе къ грекамъ, чѣмъ къ латинянамъ ⁴⁾ относились воззванія въ родѣ того, что каждый долженъ по мѣрѣ силъ помогать приведенію дѣла къ концу, именно „къ священному соединенію христіанъ, этому доброму и имѣющему пользу принести дѣлу“, и что „должно испробовать все, предпринять все, не щадя ни старанія, ни усердія, ни трудовъ,

¹⁾ Καίτοι находится въ соотношеніи съ выше стоящимъ ἐν ἴσφ и вводитъ мысль о превосходствѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, пораженія предъ побѣдой, тогда какъ выше говорилось: τοῦ ἡττᾶσθαι... ἐν ἴσφ τοῦ κρατεῖν κρινομένου.

²⁾ Migne, CLXI, 540. В. С.: καταπαύσμεν δὲ οἱ ἂν ἡμῖν αὐτὸ (τοῦ Θεοῦ ῥῆμα) ὑφῆγοίτο, καθαιρούντες πᾶν ὕψωμα ἐπαίρομενον κατὰ τῆς τοῦ Θεοῦ δόξης, πάντα λογισμὸν ὑπερήφανον καὶ κενόδοξον... Ἔστιν οὖ καὶ νικᾶσθαι καλῶς μᾶλλον ἐθέλοντες, ἢ νικᾶν ἐν πᾶσι κακῶς· ἄτε δὴ μὴ τοῦ περιγίνεσθαι μόνον, ὅταν μεθ' αὐτοῦ τάληθες ἔχη, τὸν ἀγαθὸν σῶζοντος λόγον, ἀλλ' οὐδὲν ἤττον καὶ τοῦ ἡττᾶσθαι καλῶς ταυτὸ τοῦ καλοῦ σῶζοντος μέτρον, καὶ ἐν ἴσφ τοῦ κρατεῖν κρινομένου. Καίτοι φαίη τις ἂν ἴσως καὶ μείζον ἀγαθὸν εἶναι τοῦτο τοῦ πρότερον, εἰπερ λυσιτελέστερον τῆ παντὶ αὐτὸν ἀγαθόν τι παθεῖν ἢ ἄλλον ποιῆσαι καὶ μᾶλλον ἀκοῦσαι ἢ φάναι ἑτέροις· καὶ κλάνης ἀπαλλαγῆναι ἢ ἀπαλλάξαι.

³⁾ Это видно изъ всего контекста, а также изъ такихъ выраженій, какъ: πρὸς αὐτὸν ἐλκῶσας ἡμᾶς ἀμφοτέρους — col. 536. А и т. п. Не забудемъ, что въ рѣчь Виссаріона, которую онъ «говорилъ», какъ выражается авторъ Аста ггаеса (Mansi, XXXI, 495. D: ἤρξατο λέγειν, срав. εἰρημένων на col. 507. В) или «читалъ» (ἀνέγνω), какъ выражается Сиропулъ (VI, 17, 166), тутъ же переводилась Секундиномъ и на латинскій языкъ (Суропoulos, l. c.). А мы имѣемъ ее именно въ томъ видѣ, въ какомъ она была произнесена (см. Аста ггаеса у Mansi, col. 495. D, 507. В; сравн. Vast, pag. 66, not. 5).

⁴⁾ Что греки были дѣйствительно крайне вялы и что латиняне были въ значительной мѣрѣ правы, жалуюсь на это, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но и латиняне не всегда или не всѣ, по крайней мѣрѣ, показывали особенную энергію. См. напр. А mbrosii Traversarii Epist. lib XII, ep. 15 по изд. Мартена. Это письмо имѣетъ дату: «Feggaeiae, V. Maii».

ни напряженія“¹⁾. Но было бы ошибочно въ этихъ словахъ видѣть нѣкоторую особенную тенденцію, именно желаніе уни- зить гревовъ. Довозательство — въ обращеніи Виссаріона къ царю съ предложеніемъ принять по отношенію къ папѣ до нѣ- которой степени руководственную роль и т. п. Это предложе- ніе сдѣлано было въ такихъ выраженіяхъ, которыя едва ли могли нравиться папѣ, какъ „намѣстнику Христову“²⁾.

Такимъ образомъ въ этой рѣчи Виссаріона нѣтъ ничего, что могло бы бросить тѣнь на его нравственный характеръ и что давало бы основаніе заподозрить чистоту его побужденій. Едва ли можетъ быть поставлено въ вину Виссаріону и то, что онъ по- видимому черезчуръ свободно относится къ ученію своей цер- кви. Виссаріонъ всегда смотрѣлъ весьма серьезно на задачу собора, поставляя ее въ разъясненіи спорнаго вопроса на осно- ваніи Св. Писанія и преданія. На его взглядъ, соборъ терялъ всякое значеніе, коль скоро члены его не станутъ выше кон- фессиональныхъ и всякихъ другихъ, отдѣльной жизнью церквей воспитанныхъ, возрѣній. Ближайшее знакомство съ литерату- рой спорныхъ вопросовъ, подъ влияніемъ котораго, какъ мы предположили выше, онъ внутренно долженъ былъ нѣсколько поколебаться въ безусловной истинѣ возрѣній греческой цер- кви, побудило его еще тверже держаться той мысли, что на со- ставившемся соборѣ обѣ стороны должны проникнуться един- ственнымъ желаніемъ — провѣрить тѣ основанія, опираясь на которыя обѣ церкви въ теченіи времени пришли къ столь раз- личнымъ ученіямъ, — выяснить, почему въ самомъ дѣлѣ въ ученіи напимѣръ обѣ исхожденіи Св. Духа восточная и западная церкви, основываясь на однихъ и тѣхъ же отцахъ церкви,³⁾ въ концѣ концовъ формулировали это ученіе такъ различно? Что значить то кажущееся разногласіе между отцами, которое усма-

¹⁾ Migne, CLXI, 533. C.

²⁾ Migne, col. 541. В: και τὸν μακαριώτατον δὲ πατέρα, εἰ τι τῆ γῆρα κάροι, ἐνδίδου καὶ τῆ χρόνῳ καὶ τοῖς νοσήμασιν, ὑπομίμησθε καὶ διανίστα τὸ μὲν λόγους προτρέπτηροις, τὸ δ' ἔργοις αὐτοῖς σαυτὸν ἐνεργὸν παρεχόμενος. Πάντως αἰδέσεται βασιλεῖα προτρέποντα, τῶν πραγμάτων ἐπιμελέστερον ἀναψάμενος σὺν τε τῆ θειοτάτῃ ἡμῶν καὶ ἱερῆ πατριάρχῃ, τοῖς τ' αἰδεσιμωτάτοις τῆς ἁγίας Ῥωμαίων Ἐκκλησίας λογάσι, καὶ πᾶσι τοῖς ἄλλοις, τέλος ἀγαθὸν ἐπιθήσουσιν ὑφ' ἡγεμόνι Θεῷ. Срав. также сказанное выше о томъ, какъ заботился Виссаріонъ о соблю- деніи народно-конфессиональной чести гревовъ.

тривается при первом знакомствѣ съ ихъ ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа? Есть ли это разногласіе только кажущееся и мнимое или же дѣйствительное? Какъ представлялъ себѣ каждый отецъ въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ—этотъ актъ исхожденія Третьяго Лица Троицы? Всѣ эти мысли необходимо должны были предноситься сознанию Виссаріона и такъ же необходимо должны были располагать его въ основательному переисслѣдованію спорнаго вопроса, — и мы были бы крайне несправедливы къ нему, если бы не обратили вниманія на эту сторону дѣла. Той настойчивости, съ которой держались латиняне своихъ воззрѣній, Виссаріонъ не могъ объяснять лишь желаніемъ ихъ отстоять свое, съ чѣмъ они свыклись, какъ не можемъ и мы объяснять только этимъ защиту Filioque новѣйшими старокатоликами, — людьми, чуждыми предубѣжденій Рима, оторвавшимися отъ Рима, проникнутыми искреннимъ желаніемъ найти истину.

Не можемъ не отмѣтить еще одной черты изъ той же рѣчи Виссаріона. Онъ говорилъ какъ человѣкъ, чувствующій въ себѣ силу, говорилъ — выражаясь образно — какъ человѣкъ „власть имѣющій“ или по меньшей мѣрѣ какъ равный съ равными. Таковъ общій тонъ рѣчи ¹⁾.

Рѣчь Виссаріона была вступительной или привѣтственной рѣчью. Подобную же рѣчь со стороны латинянъ произнесъ Андрей, архіепископъ родосскій ²⁾. По словамъ автора Астагтаеса ³⁾, Андрей, „во всемъ подражая Никейскому, превознесъ похвалами и папу, и царя, и патриарха, —почтилъ, какъ

¹⁾ Есть впрочемъ и отдѣльныя мѣста, подтверждающія эту мысль (см. примѣръ Migne, col. 541). Сказанному не противорѣчитъ маленькая лестъ, по мѣстамъ расточаемая Виссаріономъ: рѣчь XV-го вѣка безъ лести и подобныхъ «украшеній» была не мыслима. Отъ этого упрека не вполне свободенъ даже и прямодушный Маркъ. См. Συροκουλος, V, 2, 114; ср. Hald., IX, 615. С, гдѣ читаемъ увѣреніе Григорія протосинкелла, что Маркъ «τὸν ἄγιον Εὐθύμιον ἰστορήσεν, ἵνα δώσῃ τῷ πάπῃ καὶ προσφωνητικὸν ἔγραψε πρὸς ἐκεῖνον, γράφων καὶ τοῦτο: πάτερ Ἀβραάμ, ἔπαρον τὰς χεῖράς σου, καὶ εὐλόγησον τὰ τέκνα σου ἢ ἤχοντα ἐξ ἑσῶς».

²⁾ Трудно рѣшить, произносилъ ли онъ свою рѣчь въ одно съ Виссаріономъ засѣданіе или въ послѣдующее. Вѣроятнѣе впрочемъ второе предположеніе: если онъ съ одной стороны «во всемъ подражалъ» (κατὰ πάντα μιμηθεὶς) Виссаріону (Mansi, 507. С.), съ другой—«читалъ» (ἀνέγνω) свою рѣчь (Συροκουλος, VI, 17, 166), то очевидно ему нужно было время для подготовки.

³⁾ Mansi, XXXI, 507. С; Halduin, IX, 36. В.

слѣдуетъ, и соборъ похвалами, и соревнующа“ (Виссаріону, который—по аста—тоже говорилъ до вечера) „говорилъ въ этомъ родѣ дотолѣ, пока не настала вечеръ“ ¹⁾). Значить рѣчь Виссаріона обратила на себя большое вниманіе.

Пренія открылъ Маркъ. Но эти пренія не вдругъ вошли въ надлежащую колею: въ самомъ же началѣ между Маркомъ ефесскимъ и Андреемъ родосскимъ, выступившими на защиту ученія своихъ церквей, произошли пререканія изъ-за права слова ²⁾). Этотъ споръ, весьма характерный, а потому и самъ по себѣ интересный, представляетъ для насъ особенный интересъ по участию въ немъ Виссаріона. Дѣло—въ слѣдующемъ. Послѣ предварительныхъ замѣчаній о необходимости для обѣихъ сторонъ всячески соблюдать во время преній взаимную любовь, а возможные при этомъ рѣзкости въ выраженіяхъ объяснять лишь разностию возрѣній, а не желаніемъ нанести оскорбленіе противнику, Маркъ заявилъ о своемъ намѣреніи говорить о томъ, что латиняне не имѣли права дѣлать къ символу прибавку. Андрей, прервавъ повидимому рѣчь Марка ³⁾, высказалъ желаніе немедленно же оправдать эту прибавку. Маркъ возразилъ, что эта защита преждевременна, такъ какъ онъ, Маркъ, не развилъ еще и не подтвердилъ своей мысли. Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами въ томъ же родѣ, Маркъ наконецъ добился согласія высказать то, что онъ хотѣлъ сказать. Указавши на первую причину раздѣленія церквей, состоящую въ прибавкѣ къ западному символу *Filioque*, и на первое условіе воссоединенія—уничтоженіе этой прибавки, Маркъ потребовалъ прочтенія соборныхъ вѣроопредѣленій, изъ которыхъ—говорилъ онъ—откроется полное единомысліе нынѣшней греческой церкви съ тѣми св. соборами ⁴⁾ и неправда церкви западной. Стороны обмѣнялись еще нѣкоторыми общими замѣчаніями ⁵⁾ и затѣмъ засѣданіе было закрыто. Греки вышли изъ

¹⁾ Mansi, XXXI, 507. C.

²⁾ Споръ этотъ возникъ повидимому вслѣдствіе между прочимъ нѣкоторой неопредѣленности соглашенія между сторонами относительно порядка преній (Mansi, col. 507. C. D). Но были и другія причины, которыя выяснятся изъ послѣдующаго изложенія.

³⁾ Это видно, кажется, изъ отвѣта Марка. Mansi, col. 510. C.

⁴⁾ Mansi, col. 511—513. A.

⁵⁾ Ср. Mansi, col. 517—520. A; Συροπουλος, VI, 17, 161.

засѣданія съ увѣренностью, что въ слѣдующее собраніе будутъ читаться указанныя ими соборныя вѣроопредѣленія ⁴⁾). Такъ и быть повидимому должно было. Однако латиняне, какъ это впрочемъ было довольно естественно съ ихъ точки зрѣнія ²⁾), полагали иначе, и въ предстоявшее засѣданіе надѣялись слушать защиту *Filioque* изъ устъ Андрея ³⁾). Въ слѣдующее засѣданіе Андрей дѣйствительно и заявилъ свое намѣреніе защищать латинскую прибавку, притомъ по весьма подробной программѣ ⁴⁾) и повидимому специально. Если примемъ при этомъ въ соображеніе, что на тѣ общіе вопросы, которые были предложены Маркомъ въ предыдущее засѣданіе, Андрей далъ вполне достаточные, хотя и такіе же общіе отвѣты, такъ что въ настоящемъ засѣданіи специальное разсмотрѣніе спорнаго вопроса долженъ былъ по справедливости начать Маркъ, согласно состоявшемуся предварительному соглашенію между сторонами ⁵⁾), то мы поймемъ недоумѣніе, а затѣмъ раздраженіе противъ латинянъ, овладѣвшее греками ⁶⁾). Не могъ сдержать этого раздраженія и Виссаріонъ. На слова Андрея, утверждавшаго, что въ прошлое засѣданіе онъ не успѣлъ вполне отвѣтить Марку и потому долженъ сдѣлать это въ настоящій разъ, что поэтому теперь совсѣмъ не слѣдуетъ читать соборныхъ опредѣленій, какъ того требовалъ Маркъ, и что онъ, Андрей, и вообще западные дивятся этому требованію, — Виссаріонъ возразилъ: „о томъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ говорить, судить не слушающій, но говорящій ⁷⁾)... Не знаю, почему вы не хотите спокойно выслушать насъ. Сами вы вели такія длинныя рѣчи, а теперь

⁴⁾ Это можно заключать на основаніи того, что они говорили потомъ.

²⁾ Они и формально могли считать себя по своему правымъ (см. *М а н с і*, 520 sqq.). Затѣмъ: имъ очевидно не хотѣлось допускать чтенія соборныхъ вѣроопредѣленій (ср. «Исторію елор. собора», 76. 77; *С у р о п.*, VI, 18, 169; *М а н с і*, 525), въ виду повидимому стороннихъ слушателей, могшихъ соблюсти по «невѣжеству» соборными запрещеніями прибавокъ.

³⁾ *М а н с і*, col. 525. С. D.

⁴⁾ Ср. *М а н с і*, col. 520. А. В.

⁵⁾ См. выше; ср. *Migne*, CLXI, 356. В. С.

⁶⁾ Знаменательно, что Исидоръ русскій также не составлялъ исключенія при этомъ. *М а н с і*, col. 521. Е.

⁷⁾ *М а н с і*, XXXI, 520. D; *Harduin*, IX, 44. E: τὸ πρέπον ἢ μὴ πρέπον ὅσων εἴηκε ἕως τοῦ λέγειν, οὐκ ἀπὸ τοῦ ἀκούοντος, ἀλλ' ἀπὸ τοῦ λέγοντος κρίνεται. Ср. такъ наз. *acta Latina*, *Hard.*, IX, 764—765.

удивляетесь—по вашимъ словамъ—тому, что мы говоримъ. А мы, слава Богу, не дали вамъ, кажется, никакого повода для этого „удивленія“, какъ вы выражаетесь. И мы думаемъ поэтому, что въ душѣ вы совсѣмъ не дивитесь, хотя и выражаете это (удивленіе) на словахъ... Когда мы ставимъ положеніе, необходимо, чтобы вы выслушали и его доказательства, и уже послѣ того отвѣчали. А (пока), вопреки вашимъ словамъ, мы не требовали отъ васъ защиты: ибо какъ могли бы мы сдѣлать это, не выставивъ предварительно нашихъ доказательствъ?¹⁾

Эта маленькая рѣчь Виссаріона, какъ видимъ, носить отпечатокъ не только весьма сильнаго раздраженія противъ притязаній латинянъ, но и довольно ѣдкой ироніи,—фаетъ характерный. Мы видимъ затѣмъ отсюда, что Виссаріонъ безусловно стоялъ на сторонѣ Марва въ его спорѣ съ Андреемъ. Тоже самое видно и изъ дальнѣйшихъ словъ Виссаріона, сказанныхъ почти вслѣдъ за вышеприведенными и обращенныхъ на этотъ разъ въ кардиналу Чезарини. И предъ этимъ „княземъ римской церкви“, Виссаріонъ, не смотря на все свое уваженіе къ нему, не затруднился съ прежней рѣшительностью, хотя и безъ колкостей, настаивать на своей мысли²⁾. Упорство Андрея опять вывело Виссаріона изъ терпѣнія. Между ними завязался разговоръ, въ которомъ весьма ярко выразилась досада Виссаріона на непониманіе или нежеланіе Андрея понять дѣло. Онъ явно иронизировалъ надъ Андреемъ, хотѣлъ показать забвеніе имъ элементарныхъ вещей, когда обратился къ нему съ слѣдующими словами: „можно приводить доказательства высказаннаго положенія, или нѣтъ?“ „Можно“, отвѣтилъ Андрей. „А мы“, продолжалъ Виссаріонъ, „еще не входили въ (ближайшее) разсмотрѣніе ни одного пункта. Скажите же намъ, можемъ ли мы высказывать и доказательства наши и подтверждать нашу мысль, или желаете вы, чтобы мы оставили предметъ неподтвержденнымъ, хотя впрочемъ ты самъ допустилъ, чтобы мы высказали свои доказательства?“ „Я говорю“, замѣтилъ на это Андрей, „что святой отецъ (папа) и всѣ (латиняне) согласились на то, чтобы вы высказали (эти доказательства), если хотите,—подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы мы

¹⁾ Mansi, col. 520. D. E—521. A. B.

²⁾ Mansi, col. 521. D.

сначала дали отвѣтъ (на сказанное уже вами), какъ сами вы требовали“. „Мы требовали этого“, возразилъ Виссаріонъ, „съ оговоркой, именно (мы хотѣли слышать вашу отвѣтъ) послѣ того, какъ мы сами представили бы то, что кажется намъ идущимъ къ подтвержденію выставленнаго нами положенія“ ¹⁾).

Мы довольно подробно рассказали этотъ самъ по себѣ не особенно важный, но для выясненія настроенія Виссаріона имѣющій существенное значеніе эпизодъ. Изъ него видимъ мы съ достаточною ясностію, что Виссаріонъ въ эту пору твердо поддерживалъ интересы грековъ ²⁾. Что касается вопроса о прибавкѣ, то Виссаріонъ со всей рѣшительностію призналъ ее незаконною: «мы говоримъ, что не должно прибавлять, и писаніями святыхъ докажемъ, что отцы запрещаютъ прибавлять не только мысли, но даже слова» (λέξεων) ³⁾. Такимъ образомъ, не смотря на свои внутреннія колебанія, Виссаріонъ не рѣшался поддаваться имъ и со всей рѣшительностію стоялъ противъ латинянъ. Такъ теперь, такъ и нѣсколько позднѣе.

Доселѣ Виссаріонъ ограничивался лишь общими, хотя по своему смыслу довольно опредѣленными заявленіями, и пренія съ латинянами велъ почти исключительно Марѣъ. Скоро однако онъ выступилъ съ обширной рѣчью, продолжавшеюся цѣлыхъ полтора засѣданія, именно 1-го и 4-го ноября. Эта рѣчь не только прекрасно характеризуетъ его тогдашнее настроеніе и взглядъ на спорный вопросъ, но и составляетъ одинъ изъ немногихъ литературныхъ памятниковъ изъ той поры, когда онъ былъ еще православнымъ. Поэтому остановимся на ней подольше ⁴⁾.

¹⁾ Что Виссаріонъ съ Андреемъ говорили при этомъ запальчиво, это видно изъ послѣдовавшаго затѣмъ обращенія къ нимъ «магистра Іоанна» (Mansi, XXXI, col. 524. E), а также и изъ самыхъ рѣчей противниковъ. Рѣчи же эти повидимому записаны точно. Что онѣ могли быть записаны точно, видно изъ того, что на соборѣ было нѣсколько писцовъ. Авторъ же Аста гтаеса очевидно пользовался ихъ записями.

²⁾ Едва ли это была только наружная, формальная поддержка. Виссаріонъ вѣроятно и близкъ на латинянъ, какъ грекъ, и досадовалъ на грековъ за ихъ отказъ рассмотреть вопросъ по существу,—старался убѣдить себя въ вѣрности ученія своей церкви, и не могъ отдѣлаться отъ своихъ сомнѣній. Словомъ, въ немъ были смѣшанные чувства.

³⁾ Mansi, col. 524. D.

⁴⁾ У Сиропула (VI, 21, 174) читаемъ: τῆ δὲ πρώτῃ τοῦ Νοεμβρίου ἡμέρῃ

Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя наше вниманіе слѣдующій весьма знаменательный фактъ. Впослѣдствіи, когда начались пренія о самомъ догматѣ, Виссаріонъ, какъ увидимъ, сначала не принималъ въ нихъ почти никакого участія, а затѣмъ высказался въ пользу латинскаго ученія,—фактъ, свидѣтельствующій—какъ можно полагать—о томъ, что его доселѣшнія колебанія разрѣшились наконецъ полнымъ разрывомъ съ его матерью—церковію. Но въ рассматриваемое время Виссаріонъ даже и по вопросу о догматѣ намѣревался оставаться, повидимому, на чисто греческой почвѣ ¹⁾. Объясняя причину, почему онъ пока не хочетъ говорить о догматѣ по существу, что затронулъ отчасти архіепископъ родосскій, Виссаріонъ замѣтилъ, что теперь не время говорить объ этомъ (потому что по условію вопросъ долженъ идти собственно о прибавкѣ, какъ таковой): «это мы рассмотримъ, дастъ Богъ, въ слѣдующихъ за сѣданіяхъ, когда будемъ изслѣдовать догматъ самъ въ себѣ; мы имѣемъ много и другаго сказать объ этомъ, но этимъ займемся въ свое время» ²⁾. Какъ видимъ, Виссаріонъ надѣялся не только вообще говорить, но и говорить много,—фактъ зна-

σαββάτου γέγονε συνέλευσις ζ' καὶ διεξήλθη τὴν διάλεξιν ὁ Νικαίας, ἀνασκευάσας τὰ εἰρημένα παρὰ τοῦ Ἀνδρέου γενναίως καὶ λογικῶς. ταῦτα δὲ πάντα ἦσαν μεμελητημένα καὶ ἐσχεδιασμένα παρὰ τοῦ διδασκάλου τοῦ Σχολαρίου, δόντος αὐτοῦ ταῦτα τῷ βασιλεῖ καὶ αὐτοῦ τῷ Νικαίας. δε καὶ ἀπεστομάτισεν αὐτὰ. Этому свидѣтельству нужно противопоставить слѣдующія слова самаго Виссаріона: ὅτε καὶ θαρρῶ λέγειν, τοὺς ἰσχυροτέρους τῶν παρὰ Γραικῶν εἰρημένων λόγων αὐτὸς ἦν ὁ καὶ εὐρῶν καὶ εἰπών (Migne, CLXI, 341. C.). Упомянутые «λόγους» Виссаріонъ могъ высказать только въ рассматриваемое время (ср. непосредственно слѣдующія въ процитованномъ мѣстѣ слова Виссаріона о Чезарини съ Mansi, XXXI, col. 645). Въ виду этого, а также характера субъективности, который носятъ рѣчи Виссаріона, можно думать, что онъ получилъ отъ Схоларія лишь матеріалъ для рѣчи, которымъ и воспользовался, но воспользовался самостоятельно и съ весьма существенными собственными дополненіями (Ср. «Ист. вл. соб.», 89).

¹⁾ Hefele, VII, S. 690, говорить о Виссаріонѣ: er ziemlich unverhohlen die dogmatische Richtigkeit des filioque, also die Lehre, dass der heilige Geist auch vom Sohne ausgehe, zugeb. Ту же въ сущности мысль, хотя и не столь ясно, высказываетъ и Васъ, положившійся здѣсь очевидно на выводъ нѣмецкаго ученаго (pag. 71: cependant il n' avait pas contesté l'exactitude dogmatique du Filioque). Гефеле однако ни одной цитатою не подтверждаетъ своей мысли. Если онъ имѣетъ въ виду Mansi, 604. C. D, то это мѣсто ровно ничего не доказываетъ.

²⁾ τούτο γάρ ἐν τοῖς ἐξῆς ταμειουσμένοι Θεοῦ διδόντος, ὅταν κατ' αὐτὴν τὴν δόξαν αὐτὴν ἐξετάσομεν, ἔχοντας μὲν πολλὰ καὶ ἄλλα περὶ τούτου εἰπεῖν, ἐν δὲ τῷ οἰκείῳ καιρῷ ταῦτα ταμειούμενοι. Harduin, IX, 105. C; Mansi, XXXI, 604. B.

менательный, свидѣтельствующій о томъ, что Виссаріонъ въ эту пору совсѣмъ еще не думалъ занять положеніе, которое онъ занялъ въ своей, такъ называемой, «догматической рѣчи». Затѣмъ, при доказательствѣ непопозволительности прибавокъ къ символу, касаясь словъ Григорія Богослова о томъ, что онъ, Григорій, не заботится о слогахъ и словахъ, и доказывая, что это не опровергаетъ общаго положенія о недозволенности измѣненія въ символѣ, Виссаріонъ, между прочимъ, замѣтилъ: Григорій говорить о словахъ тождественныхъ; здѣсь же, въ вопросѣ о *Filioque*, и слова и предметы различны. «Ибо одно Лицо есть Отецъ, другое—Сынъ, такъ что выраженіе «отъ Отца» даетъ иную мысль, чѣмъ «отъ Отца и Сына»¹⁾. Черезъ нѣсколько строкъ затѣмъ читаемъ слѣдующее продолженіе этихъ же мыслей: «мы говоримъ, что въ томъ, что вы говорите (т. е. въ формулѣ «отъ Отца и Сына»), различны не только слова, но и предметы, (слѣдовательно) необходимо различны и мысли»²⁾.

Но Виссаріонъ въ этой своей рѣчи касается вопроса о догматѣ лишь мимоходомъ. Какъ уже замѣчено, онъ занимается здѣсь главнымъ образомъ прибавкой, какъ таковой. При этомъ онъ разбираетъ документальныя (историческія), раціональныя и даже формально-силлогистическія доказательства³⁾, представ-

¹⁾ ὡστε καὶ πρὸς ἄλληλῃ ἔννοιαν φέρει, τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς λέγεσθαι, ἢ τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ.

²⁾ ἡμεῖς γὰρ λέγομεν, οὐ μόνον εἶναι λέξεις διαφορὰς τὸ λεγόμενον παρ' ὁμῶν, ἀλλὰ καὶ πράγματα, ἐξ ἀνάγκης δὲ καὶ νοήματα. *Harcl.*, col. 113. С; *Mañsi*, col. 613. D. Ср. передачу рѣчи Виссаріона въ *acta latina*, *Harcluin*, col. 771.

³⁾ Къ послѣдняго рода доказательствамъ относится напимѣръ слѣдующее. Андрей Родосскій, въ подтвержденіе мысли, что прибавка есть собственно объясненіе и, какъ такое, дозволительна, привелъ такой силлогизмъ: всякая прибавка есть (=идеть) отвѣтъ; но объясненіе не есть отвѣтъ; слѣдовательно, объясненіе не есть прибавка (*Mañsi*, XXXI, 605. A). Свое возраженіе Виссаріонъ направляетъ главнымъ образомъ противъ второй посылки. Его аргументація весьма остроумна. Объясненіе (*Harcluin*, IX, col. 108. В и дагѣе, ср. передачу въ *acta latina*, *ibid.*, col. 770; *Mañsi* XXXI, 605. В. sqq.), говорить онъ, совсѣмъ не бываетъ изъ того, что въ текстѣ. «Всякое объясненіе и особенно то, которымъ мы теперь занимаемся и о которомъ говоримъ, т. е. богословское, сводится (*ἀναφέρεται*) къ какому нибудь выраженію, взятому отвѣтъ... Напимѣръ, мы все говоримъ: Духъ Святой исходитъ отъ Отца; это—положеніе (*ἐγκείμενον*, *textus*). Вы, желая показать, что Духъ исходитъ и отъ Сына, берете отвѣтъ нѣкоторое общее положеніе, именно: все что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ... и такимъ образомъ заключаете, что и отъ Сына исходитъ

ленные латинянами, съ своей стороны противопоставляя имъ иного рода данныя и соображенія. По поводу главнѣйшаго доказательства латинянъ, состоявшаго въ ссылкѣ на древнюю церковную практику, Виссаріонъ высказалъ слѣдующее. Прежде было позволительно пояснять то, что *implicite* содержалось въ основаніяхъ вѣры, и вносить эти поясненія, куда угодно, за исключеніемъ лишь Св. Писанія,—въ томъ числѣ и въ символъ. Позднѣ эта свобода была ограничена: объяснять вѣру не было запрещено и никогда не будетъ запрещено, но прибавлять къ символу поясненія было воспрещено. „И это сдѣлано по необходимости. Ибо до втораго вселенскаго собора (включительно) отцы были свободны пользоваться поясненіями, какъ имъ было угодно; послѣ же названнаго собора, такъ какъ нѣкоторые пользовались этимъ правомъ (*ἐξουσία*) во вредъ себѣ и, составляя символы, вносили въ нихъ ложныя и извращенныя ученія и (такимъ образомъ) причиняли вредъ людямъ, то собравшіеся на третьемъ соборѣ отцы, увидѣвъ (*συνιδόντες*), что упомянутое право не приноситъ вѣрующимъ никакой пользы, вредъ же причиняетъ большой, ненарушимо постановили, чтобы ничего такого впредь не было. Ибо очевидно, что для вѣрныхъ не послѣдуетъ никакого вреда изъ того, что нельзя дѣлать прибавокъ. Ибо какъ можетъ произойти вредъ отсюда? Они исповѣдуютъ тоже (ученіе), какъ и святые отцы. А это здравомыслящій осмѣлится обвинить послѣднихъ въ несовершенствѣ? Изъ позволительности же дѣлать перемѣны послѣдуетъ великій вредъ, потому что перемѣна словъ можетъ послужить когда нибудь причиною и перемѣны мыслей. А что они (т. е. отцы третьяго собора) первые сдѣлали указанное воспрещеніе, это видно какъ изъ многоаго другаго, такъ и болѣе всего изъ посланія блаженнаго Кирилла къ Акакію, еп. мелитинскому. Тамъ говоритъ онъ: святой и вселенскій соборъ, собравшійся въ городѣ Ефесѣ, по нуждѣ предусмотрительно постановилъ (*προνοήσας ἀναγκαίως*), что не должно вводить въ церковь Божию другаго изложенія вѣры, кромѣ существующаго,

Духъ Святой. И сила доказательства здѣсь въ томъ, что взято именно отнѣнъ. Такимъ образомъ, хотя бы выраженіе «и отъ Сына» было объясненіемъ, всетаки это не мѣшаетъ ему въ тоже время быть и прибавкой. А такъ какъ прибавки запрещены, то слѣдовательно и эта прибавка недовольтельна.

которое блаженнѣйшіе отцы наши опредѣлили Духомъ Святымъ“ ¹⁾). Анализируя это мѣсто, Виссаріонъ, на основаніи его, между прочимъ полагалъ, что ефесскій соборъ запретилъ другое изложеніе вѣры, а не изложеніе другой вѣры, какъ полагали латиняне, и что это запрещеніе распространяется на все тѣло церкви ²⁾). Впервые запретивъ это, отцы ефессаго собора и себѣ не дозволили такихъ перемѣнъ: „слово „Богородица“, которое по обстоятельствамъ того времени было нужно прибавить въ символъ и которое (по мысли) вполне ясно содержится въ немъ, они не прибавили, ставя себя образцомъ для послѣдующихъ и самымъ дѣломъ подтверждая то, что они постановили какъ законъ. А нужда (во внесеніи въ символъ слова «Богородица») была большая: возмутительныя (μοσαρά) ученія Несторія приводили тогда все въ смятеніе. И слово это совершенно ясно содержится въ божественномъ символѣ; ибо говорить, что единосущный Отцу Сынъ, „спешивъ съ небесъ, воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“ — не иное что значить, какъ то, что святая Дѣва родила Бога. Слово «Богородица» такимъ образомъ есть объясненіе, и однако оно не было прибавлено. Вы скажете: потому и не прибавлено, что слышимъ ясно содержится въ символѣ. Но было и другое нѣчто, что также содержится въ символѣ, и не ясно содержится, и однако не было прибавлено. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ (αὐτίμα), ипостасное единеніе Сына Божія съ принятою отъ насъ природою, о чемъ разсуждали тѣ же самые отцы третьяго собора, — или еще то, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ двѣ природы соблюлъ неслитными послѣ соединенія, о чемъ предстояло разсуждать четвертому собору, — также, что Онъ сохраняетъ двѣ воли и два дѣйствія, о чемъ только и разсуждали блаженнѣйшіе отцы на шестомъ соборѣ, — все это повидимому не вполне ясно содержится въ символѣ, и однако, хотя и было объяснено и раскрыто, но не было внесено въ это правило вѣры... Такимъ образомъ, какъ ни поставить вопросъ, оказывается, что не должно прибавлять ни то, что совершенно ясно содержится въ символѣ, ни то, что менѣе ясно и болѣе *implicite*. Это (правило) наблюдали всѣ

¹⁾ Mansi, XXXI, 609. A; Harduin, IX, 109. C. D.

²⁾ Mansi, 609. C. sqq.

послѣдовавшіе за третьимъ святыя соборы: четвертый, пятый, шестой и седьмой¹⁾. „Если послѣ третьяго собора иначе читался символъ какимъ либо изъ святыхъ соборовъ, если вообще къ нему прибавлено было слово, или слогъ, или что бы то ни было (τὸ τοῦόν),—если это докажете, то и мы послѣдуемъ за вами. Но вы не можете доказать этого... Ибо хотя часто представлялась необходимость (въ прибавкахъ) и хотя многія поясненія существовали, но ни одно изъ нихъ не было внесено въ божественный символъ; ибо отцы нашли средство, при помощи котораго они могли бы и удовлетворить предстоящей нуждѣ и вмѣстѣ соблюсти почтеніе въ (запретившимъ прибавки) отцамъ: они въ собственномъ опредѣленіи излагали свои мысли, священный же символъ сохраняли неизмѣннымъ и непривосновеннымъ. Благодаря этому“ — говорилъ Виссаріонъ, обращаясь повидимому къ Андрею— „откуда (т. е. изъ запрещенія прибавокъ) не слѣдуетъ никакого вреда для вѣрныхъ, какъ говорилъ ты: ибо и вѣру они раскрыли и чрезъ то принесли пользу вѣрующимъ, и символъ сохранили неизмѣненнымъ, такъ что и мы получили пользу отъ ихъ ученія, и они сами не подпали подъ наказаніе, положенное отцами“²⁾.

Переходя къ рациональнымъ основаніямъ прибавки, выставленнымъ латинянами, Виссаріонъ говорилъ³⁾: «Вы сказали, что начала и основанія каждой науки (ἐπιστήμη) содержать въ возможности и то, что за ними (μετ' αὐτά),—и что, выходя изъ началъ и основаній вѣры, вы покажете намъ, что это ученіе („и отъ Сына“) истинно... Этого и мы хотимъ отъ васъ⁴⁾. Если вы это намъ покажете (δείξητε), мы поблагодаримъ васъ; но къ основаніямъ вѣры, разумѣется, не прибавимъ (οὐ μὲν τοῖς ἰσως καὶ προσθήσομεν τοῦτο ταῖς ἀρχαῖς). Ибо по отношенію

¹⁾ Mansi, XXXI, 609. D. 612. A. B; Harduin, IX, 112. A—C. Въ послѣдней фразѣ Виссаріона слово: εἴ τετάρτη (σύνδος) въ текстѣ, изданномъ Манси, отсутствуетъ, хотя соответствующее ему латинское слово и имѣется въ параллельномъ латинскомъ переводѣ. Напротивъ, нѣсколькими строками выше на col. 611. A, замѣчается пропускъ въ латинскомъ текстѣ. Это, конечно, свидѣтельствуетъ только о небрежности, съ которой держалась корректура этого изданія.

²⁾ Mansi, col. 613. A. B.

³⁾ Mansi, col. 616. A—C; Harduin, col. 113. E, 116. A.

⁴⁾ οὐτω καὶ ἡμεῖς λέγομεν, т. е. говоримъ, что вамъ надлежитъ постараться доказать это.

къ большей части основаній это невозможно, и всего больше въ частности по отношенію къ этому (т. е. нашему), вслѣдствіе запрещенія. Ибо въ большей части, а можетъ быть (τάχα) и во всемъ, различаются начало и то, что послѣ начала (ἀρχή καί τὰ μετὰ τὴν ἀρχήν): ибо то есть общее, а это частное..., то посылка, это заключеніе. А какъ можетъ сдѣлаться частное общимъ?... Поэтому необходимо (допустить), что то, что послѣ началъ, содержится въ нихъ; но прибавлять это къ нимъ нѣтъ никакой необходимости. А если еще есть специальное запрещеніе, какъ въ настоящемъ случаѣ, то это и совсѣмъ невозможно; притомъ вѣдь и иное, (также) истинное, не прибавлено къ основаніямъ. Всѣ божественные догматы мы почерпаемъ изъ источника божественныхъ Писаній, которыя суть начала и основанія нашей вѣры; однако же къ нимъ ничего не прибавлено и не будетъ прибавлено ни нами, пока мы находимся въ здоровомъ умѣ (ἕως ἄν ὤμεν ἡμῶν αὐτῶν), ни другими христіанами. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что такъ какъ божественный символъ имѣетъ въ церкви значеніе основанія, то (и) къ нему ничего не слѣдуетъ прибавлять ¹⁾.

„Сказано вами“, продолжалъ Виссаріонъ ²⁾, переходя къ слѣдующему доказательству латинянь, „что святая Божія церковь, пребывая одною и тою же, должна имѣть и одну и ту же власть и авторитетъ. На это отвѣтимъ, что ей необходимо имѣть ту же власть; тѣмъ не меньше однако ей слѣдуетъ блюсти и рѣшенія прежнихъ отцовъ и какъ бы божественнымъ почитать то, что ими опредѣлено... Ибо ³⁾ при такомъ образѣ дѣйствованія церковь вѣрнѣе сохранить и свой всегда равный авторитетъ, и себя саму. Въ противномъ случаѣ она себя саму ниспровергнетъ, и отъ себя самой разрушится“.

„Вы сказали ⁴⁾, что изреченія святыхъ побудили римскую

¹⁾ Къ этой темѣ Виссаріонъ нѣсколько спустя опять возвратился. По его мнѣнію, всѣ такія выраженія, какъ «Единосущный», «Духа Святаго, Господа животворящаго» — нужно прибавить къ основанію нашей вѣры, Св. Писанію, если стать на точку зрѣнія латинянь, или ничего не нужно прибавлять и къ символу: «ибо онъ получилъ достоинство, равное съ Св. Писаніемъ, по рѣшенію самихъ отцовъ» (τὴν αὐτὴν γὰρ καὶ τοῦτο τιμὴν εἶληχε τῇ θείᾳ γραφῇ, ὅτι οὗ τῶν πατέρων αὐτῶν ἀξιώσαντων αὐτό—Hagd. IX, 117. D).

²⁾ Mansi, col. 616. D.

³⁾ Ibid., col. 617. A.

⁴⁾ Mansi, XXXI, 624. D. sqq.; Harduin, IX, 121. В и слѣд.

церковь сдѣлать прибавку къ символу. Но разсудить, побудили ли ее къ этому изреченія святыхъ, или нѣтъ, умѣстно будетъ въ послѣдующихъ засѣданіяхъ,—объ этомъ будетъ рѣчь потомъ, если Богъ дастъ. Если же побудили ее къ этому нужда или сознание права дѣлать это, то—хоть бы это и такъ было—все таки не слѣдовало дѣлать прибавки. Ссылка на нужду вамъ нисколько не помогаетъ, если въ (соборныхъ) опредѣленіяхъ прямо не выражено, что въ случаѣ нужды должно это дѣлать (т. е. прибавлять). При удобномъ случаѣ мы можемъ быть (ἰσως) спросимъ васъ съ любовію относительно этой нужды, какъ и когда это было ¹⁾. Относительно же власти западной церкви мы многое могли бы сказать ²⁾, если бы у насъ не было другой, ближайшей задачи. Мы знаемъ права и преимущества римской церкви; но не менѣе того знаемъ мы, до какихъ предѣловъ простираются эти преимущества. Мы желаемъ обратить ваше вниманіе на то, что мы не признаемъ этого права (т. е. дѣлать прибавку) у всей церкви и собора, даже вселенскаго, не только что у одной римской церкви. И такъ какъ римская церковь, какими бы прерогативами она ни пользовалась (καὶ ὅποσα ἰσχύει), все же меньше (ἤτοι ὅμως ἰσχύει) вселенскаго собора и всей церкви, то—если мы отрицаемъ это право у вселенской церкви—тѣмъ больше не признаемъ его за римскую церковь. Не признаемъ же этого не сами отъ себя, но потому, что, по нашему мнѣнію, это запрещено опредѣленіями отцовъ“.

Впечатлѣніе, произведенное на грековъ рѣчью Виссаріона, было весьма благопріятное ³⁾. По всей вѣроятности и на латинянъ она произвела нѣкоторое дѣйствіе. Они должны были понять, что съ этимъ противникомъ, умно и энергично защищавшимъ ученіе и права своей церкви, имъ придется серьезно считаться. Еще важнѣе то, что самъ Виссаріонъ былъ доволенъ впечатлѣніемъ своей рѣчи, и въ ту по крайней мѣрѣ

¹⁾ Виссаріонъ повидимому сказалъ это не безъ легкой ироніи. Ср. еще *Har d. IX, 774. C. 794.* (Е въ *acta latina*).

²⁾ Послѣдующія слова ясно показываютъ, въ какомъ смыслѣ могъ бы говорить Виссаріонъ по этому предмету.

³⁾ *Ευροπικολος*, VI, 21, 174; *Migne*, CLIX, 1037 A, гдѣ—замѣтимъ—содержится отзывъ уніата, Іосифа Меонскаго.

пору имѣлъ нѣкоторое, правда лишь кажущееся, основаніе думать, что онъ подавилъ латинянъ силою своихъ доказательствъ. Оканчивая свою рѣчь, Виссаріонъ высказалъ слѣдующее: „мы говоримъ, что постановленія отцовъ воспрещаютъ прибавки вообще, и когда они говорятъ, что не должно ни прибавлять, ни отнимать, ни иного чего дѣлать (съ символомъ), то говорятъ о слогѣ и реченіи. Важнымъ подтвержденіемъ этого служить для насъ ихъ дѣйствія“ ¹⁾. Сказавъ это, Виссаріонъ, согласно своему еще прежде оффиціально сдѣланному заявленію ²⁾, обратился въ латинянамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: „спрашиваемъ васъ, къ символу ли вѣры относятся эти опредѣленія и запрещенія, или къ чему либо иному“ ³⁾? На этотъ прямо и категорически поставленный вопросъ латиняне отвѣчали не вдругъ: они стали совѣщаться съ папою и между собою. Но и послѣ того не дали они яснаго и рѣшительнаго отвѣта на вопросъ Виссаріона ⁴⁾. Говорившій первымъ старшій изъ кардиналовъ отвѣтилъ, по словамъ автора такъ наз. *acta latina*, слѣдующее: „мы говоримъ, что запрещеніе (прибавокъ) относится ко всему, что было изложено въ Никее, и касается не болѣе символа, чѣмъ другихъ опредѣленій“ ⁵⁾. Еще болѣе уклончиво отвѣчалъ говорившій послѣ кардинала архіепископъ родосскій Андрей: подъ видомъ отвѣта онъ держалъ рѣчь о догматической вѣрности *Filioque*, о чемъ его никто не

¹⁾ Mansi, XXXI, 625. В; Hagd., IX, 121. D: ἡμεῖς λέγομεν, ὅτι οἱ ὄροι τῶν ἁγίων πατέρων πρὸς πάντας καὶ ὁποιασοῦν κώλυται φέρουσι καὶ ὅτε ἐκείνοι λέγουσιν, ὅτι οὐτε δεῖ προστιθέναι οὐτε ἀφαιρεῖν, οὐτ' ἄλλο τι ποιεῖν, καὶ περὶ συλλαβῆς τὸν λόγον ἐκείνοι ποιοῦνται καὶ λέξουσ. Cf. *acta lat.*, Hagduin, col. 774.

²⁾ Mansi, XXXI, 621. В.

³⁾ Mansi, XXXI, 625. С; Hagd., IX, 121, E; Συροп., VI, 21, 174.

⁴⁾ Сиропулъ и авторъ *acta* гл. утверждаютъ даже, что и послѣ своего совѣщанія латиняне отвѣчали не вдругъ. Отчего бы ни произошло это, греки, и прежде всего разумѣется Виссаріонъ, объясняли это по своему. Замѣтимъ впрочемъ, что свидѣтельства Сиропула и автора *acta graeca*, кажется, должны быть признаны въ данномъ случаѣ за одно свидѣтельство: близость ихъ текстѣвъ показываетъ повидимому, что или оба эти автора пользовались однимъ источникомъ, или одинъ изъ нихъ пользовался другимъ, т. е. Сиропулъ авторомъ *acta*, или наоборотъ.

⁵⁾ Hagd., IX, 775. А. Очевидно, кардиналъ хотѣлъ сказать, что запрещаются вообще прѣтвными христіанству ученія, — объясненіе, къ которому латиняне нерѣдко прибѣгали.

просил¹⁾. Виссаріонъ могъ объяснять и вѣроятно объяснялъ именно сиюю своихъ рѣчей и первоначальное молчаніе латинянъ и затѣмъ неудачный отвѣтъ Андрея. А если такъ, то этотъ фактъ способенъ былъ сдѣлать его еще болѣе высокомернымъ и по отношенію къ Марку²⁾ и по отношенію къ другимъ грекамъ³⁾, и дать ему поводъ думать, что онъ одинъ

¹⁾ Сироп., VI, 21, 174; Hard., col. 121. E—124. А въ acta gr. и 775 sqq. въ acta latina. Авторъ послѣднихъ (Andreas de Sancta Cruce) сообщаетъ важныя подробности, которыхъ не находимъ ни у кого больше. Такъ напротивъ него узнаемъ мы, что Виссаріонъ нѣсколько разъ, съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ, пытался остановить потокъ рѣчей Андрея, не относящихся къ дѣлу, и наконецъ, доведенный упорствомъ своего противника—какъ говорится—до отчаянія, воскликнулъ: «говорите, что вамъ угодно, но мы не станемъ отвѣчать на то, что къ настоящему дѣлу не относится» (Hard., col. 778. B). Впрочемъ Виссаріонъ не выдержалъ, да это и трудно было, такъ какъ Андрей—что называется—присталъ къ нему и даже дозволялъ себѣ ироническія и quasi—остроумныя догадки, говоря, что греки могутъ быть не прочь отвергнуть основаніе вѣры—Св. Писаніе, когда оно не мирится съ ихъ воззрѣніями. Противъ такихъ выходовъ, имѣвшихъ притомъ значеніе своего рода инсинуацій, Виссаріонъ, конечно, не могъ смолчать и сказалъ: «говорите, какъ хотите» (т. е. относительно значенія вашихъ доказательствъ); «но честию просимъ васъ, не утверждайте при этомъ, что мы отвергаемъ основаніе вѣры» (*dicite prout placet: sed rogamus, verbis honestis, nec asseratis nos fidei principium negare. Ibid.*). Затѣмъ, при этомъ же случаѣ, свой общій взглядъ на вопросъ онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Dicimus, et dicemus vestrae paternitati, quod quaestio nostra in duobus consistit. Primo, si vestrum dogma verum sit, vel non; et veritate inventa, an symbolo addi licuerit. Omnibus quidem notum est, ultimum praecedere primum. Nam et dato dogmate vero, dicimus addere non licuisse. Modus discussionis habitus longus est: videtur omissa discussione veritatis dogmatis, ut ad rem propositam veniamus; hoc videtur expediens isti rei. Nam ad ea quae dicta sunt, non videtur satisfactum, nec interrogationi nostrae responsum*» (col. 778. E—779. A).

²⁾ Ср. характерный разговоръ Виссаріона у Мины (Migne, CLXI, 340—341) и случай, рассказанный Сиропулломъ (VII, 14, 210).

³⁾ Ср. подобный примѣръ у Сиропула, VI, 20, 173. Сиропулъ рассказываетъ здѣсь о собраніи у патріарха, гдѣ греки разсуждали о нѣкоторыхъ вопросахъ (ἐπιμαζόν τῶν ζητημάτων), относящихся разумѣется къ собору. «Когда и я, повѣствуетъ Сиропулъ, началъ при этомъ случаѣ говорить нѣчто по обсуждавшемуся вопросу, Никейскій тотчасъ же (εὐθὺς) замѣтилъ мнѣ: «если ты изъ числа избранныхъ (для прерій съ латинянами), то говори; а если нѣтъ, молчи». Я сказалъ на это: «если ни здѣсь, ни въ засѣданіяхъ собора намъ ничего не позволено говорить, то намъ нѣлашне оставаться здѣсь, — пусть предоставятъ намъ свободу возвратиться на родину. Съ другой стороны, если мы будемъ упорно молчать (εἰ δὲ χερτερροῦμεν σιωποῦμεν), чего и ты желаешь, то... ты выразишь, какъ захочешь, свое мнѣніе, а мы окажемся не единомысленными съ тобой. Въ другой разъ, когда я на соборѣ подска-

значить чуть-ли не столько, сколько всё остальное, — самообольщение, бывшее для него весьма опаснымъ. Тѣмъ не меньше нѣкоторое время, официально по крайней мѣрѣ, Виссаріонъ былъ вполне единомысленъ съ Маркомъ и это свое единомыслие выражалъ весьма рѣшительно и довольно часто ¹⁾. Лишь къ концу феррарскихъ преній, если судить по *acta latina*, онъ, повидимому, пересталъ принимать участіе въ разсужденіяхъ съ латинянами ²⁾.

Пренія продолжались между тѣмъ, но понятно безъ всякаго результата. „Мы греки, пишетъ авторъ *acta graeca* ³⁾, начали досадовать (*ἀγαχαιεῖν*), не только архіереи, но и всё клирики, и члены сената (*οἱ συγκλητικοί*), и всё вообще, говоря: что (путнаго) мы дѣлаемъ, говоря и слушая безплодные рѣчи? Ни они не убѣдятъ насъ, ни мы ихъ. Надлежитъ намъ поэтому возвратиться въ нашъ городъ“. Но императоръ разумѣется не хотѣлъ и слышать этого. Приходилось такимъ образомъ продолжать пренія съ латинянами; но о чемъ? Латиняне уже не одинъ разъ высказывали настойчивое требованіе — оставить пренія о прибавкѣ и заняться самимъ догматомъ. Мы, говорили они ⁴⁾, не хотимъ толковать о томъ, какъ прибавлено къ символу выраженіе „и отъ Сына“. Разъ оно прибавлено, его уже нельзя удалить, если не будетъ доказано вами, что

заль что-то Евесскому (*εἰπόντος μὲν τι πρὸς ἀνάμνησιν τῆ 'Εφεσσοῦ*), Никейскій высказалъ: «не хотимъ, чтобы кто нибудь говорилъ здѣсь, кромѣ избранныхъ».

¹⁾ Кромѣ указанныхъ уже выше мѣстъ изъ *acta lat.* (Hagd., col. 775 — 778), см. Андреевъ de S. Cuce, и почти только имъ однимъ сообщенныя заявленія Виссаріона у Гардуина, col. 787, 790, 796, 799 (ср. въ *acta gr.*, *ibid.*, col. 144), 804, 838. Нѣкоторыя изъ этихъ заявленій весьма характерны. Такъ, на совѣтѣ епископа города Форли—не бояться слоговъ (*sed non sunt ita timendae syllabae*), Виссаріонъ замѣтилъ: «мы боимся тамъ, гдѣ слѣдуетъ бояться» (*Nos timemus ubi timendum est—col. 787. B*). Затѣмъ, отвѣчая на рѣчь кардинала Чеварина и весьма лестно о ней отозвавшись (между прочимъ потому, что она была сказана прямо на тему), Виссаріонъ высказалъ: «Мы полагаемъ, что многое, сказанное вами (=тобой), служитъ въ нашу пользу» (*nos putamus, quod plura quae per vos dicta sunt, pro nobis faciunt—col. 799. E*; срав. въ *acta graeca*, col. 144. D: ἡμεῖς νομίζομεν, ὅτι καὶ τὰ πλεῖστα τούτων εἰσὶν ὑπὲρ ἡμῶν).

²⁾ Ср. любопытное свидѣтельство Виссаріона въ посланіи къ Филианеропию (Migne, CLXI, 341. D).

³⁾ Mansi, XXXI, 692. B. C; Hagduin, IX, 169. D.

⁴⁾ Ibid.

оно содержитъ богохульство. Итакъ пусть оно подвергнется изслѣдованію, и если окажется богохульнымъ, пусть будетъ отвергнуто.

Въ своей рѣчи къ грекамъ, по поводу предложенія латинянъ перейти къ самому догмату, императоръ вполне ясно высказался за то, чтобы удовлетворить желанію латинянъ. Въ Исидорѣ и особенно Виссаріонѣ онъ встрѣтилъ энергическую поддержку: въ большихъ, повидимому, рѣчахъ они усердно поддерживали императора ¹⁾. Чѣмъ вызвана была такая ревность Виссаріона, скажемъ нѣсколько ниже; теперь же замѣтимъ только, что онъ долженъ былъ поддерживать царя совершенно искренно, по убѣжденію. Онъ всегда высказывался за разсмотрѣніе вопроса о Св. Духѣ по существу. Теперь обстоятельства опять выдвинули этотъ вопросъ, и Виссаріонъ радъ былъ случаю вторично вотировать въ пользу разсмотрѣнія самаго догмата. Поэтому фактъ поддержки, оказанной Виссаріономъ императору, не набрасываетъ на него тѣни ²⁾, хотя бы мы и признали, что большинство грековъ было безусловно право, требуя отмѣны прибавленія къ символу и только подъ этимъ условіемъ соглашавшаяся на разсужденія о догматѣ по существу.

Мнѣніе царя было принято. Выигравши одно, царь приступилъ къ улаженію другаго дѣла, именно относительно перенесенія собора во Флоренцію. До тѣхъ поръ, пока онъ не заручился согласіемъ грековъ на обсужденіе самаго догмата, царь изъ осторожности не настаивалъ сразу на другомъ своемъ, также уже принятомъ имъ, рѣшеніи — перенести соборъ во

¹⁾ Συροπουλος, VII, 10, 201: εἶτα διεδέξαντο τὸν λόγον ὁ Ῥωσίας, καὶ ὁ Νικαίας, καὶ ἐπλάτουντο ἐπὶ τοῦτου καὶ μάλιστα ὁ Νικαίας συνηγοροῦντες τῷ βασιλεῖ.

²⁾ Нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же о другихъ членахъ собора. До сихъ поръ греки высказывались вообще противъ перехода къ догмату; устраивались даже соглашенія—официально выступить съ этимъ рѣшеніемъ (Сυροπουλος, pag. 188—196 и др.). Что же видимъ теперь? Когда императоръ, предварительно высказавши свой взглядъ на вопросъ, подвергалъ его голосованію, лишь у очень немногихъ нашлось достаточно смѣлости, чтобы выступить противъ воли императора, и — что особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ—между прочимъ у того лица, отъ котораго можно было всего меньше ожидать этого,—у слабохарактернаго, подавленнаго болѣзнію патріарха (Сυροπουλος, VII, 10, 202, cf. VII, 4, 190 — 191). Въ этомъ же смыслѣ высказались еще только трое: Сиропулъ, протекдигъ Георгій и хартофилаксъ Михайлъ Вальсамонъ (Сυροπουλος, VII, 10, 203—204).

Флоренцію; онъ даже отрицалъ, что онъ когда нибудь что либо слышалъ объ этомъ ¹⁾. Чтобы не возбуждать въ грекахъ чрезвычайныхъ опасеній, если онъ потребуеть отъ нихъ согласія на эту мѣру, еще не проведши другаго своего, притомъ болѣе важнаго и столь же неприятнаго для нихъ рѣшенія (касательно разсужденій о самомъ догматѣ), — а можетъ быть также и затѣмъ, чтобы—вполнѣ устроивши дѣло перенесенія собора безъ вѣдома или, по крайней мѣрѣ, безъ участія грековъ—просто познакомить ихъ потомъ съ совершившимся фактомъ и потребовать ихъ согласія, — во всякомъ случаѣ царь до времени скрывалъ состоявшееся у него соглашеніе съ папой. Слухи о замыслахъ царя и латинянъ тѣмъ не меньше продолжали ходить, возбуждая тревогу въ грекахъ. Послѣдніе инстинктивно догадывались, что задумавъ перенести соборъ во Флоренцію, латиняне преслѣдуютъ какія-то темныя, не общающія добра для грековъ цѣли. Протестуя противъ перенесенія, Григорій духовникъ говорилъ ²⁾: „если папа перейдетъ (во Флоренцію) и повлечетъ и насъ за собою дальше отсюда, не будетъ добра для нашей церкви; а латиняне добьются всего, къ чему стремятся“. И очень вѣроятно, что надежда—вынудить у грековъ побольше уступокъ, завлекши ихъ подальше въ Италію—дѣйствительно руководила латинянами. Уже въ Феррарѣ папа видѣлъ, что греки, не имѣя собственныхъ средствъ для жизни, находятся почти въ его рукахъ. Но изъ Феррары несочувствующіе уніи греки могли все же сравнительно легче, чрезъ знакомую и дружественную имъ Венецію, отправиться во свояси; во Флоренцію этотъ путь былъ бы для нихъ затрудненъ ³⁾. Съ самаго начала собора чрезъ всю его исторію мы можемъ слѣдить то просьбы грековъ объ отпускѣ домой, то прямыя попытки къ бѣгству и даже случаи бѣгства ⁴⁾. Что же могло быть естественнѣе со стороны латинянъ, какъ не то, чтобы

¹⁾ Συροπουλος, VII, 10, 202—203; conf. VII, 3, 188; VII, 11, 205. Mansi, 693—696.

²⁾ Συροπουλος, VI, 23, 180.

³⁾ Ср. Συροπουλος, VII, 1, 184.

⁴⁾ Συροπουλος, VI, 1, 141—142; VI, 7, 151—153 и мн. др. Императоръ былъ вынужденъ даже принимать весьма обидныя въ сущности для грековъ мѣры противъ попытокъ къ бѣгству въ Феррарѣ (ibid., p. 141. 212), также какъ потомъ во Флоренціи (p. 221), гдѣ имъ не позволялось даже выѣзжать за городъ на конѣ, хотя бы для простой прогулки.

положить рѣшительный конецъ всѣмъ такимъ попыткамъ ¹⁾? Но самое сильное побужденіе для папы перенести соборъ заключалось въ недостаткѣ денегъ въ Феррарѣ и въ возможности получить ихъ въ избыткѣ отъ флорентинцевъ, въ случаѣ перенесенія собора въ ихъ городъ ²⁾. Это же послѣднее соображеніе, безъ сомнѣнія, по преимуществу руководило и императоромъ въ его хлопотахъ объ устройствѣ этого дѣла. Принималъ ли онъ въ расчетъ другія указанныя выше соображенія въ пользу перенесенія собора, мы не знаемъ, да это и не представляетъ для насъ, при нашей задачѣ, особенной важности. Для насъ важно, напротивъ, и интересно было бы узнать, былъ ли посвященъ Виссаріонъ въ упомянутыя планы и помогалъ ли онъ при этомъ латинянамъ своимъ совѣтомъ или прямымъ содѣйствіемъ? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, приходится — за недостаткомъ положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ — оставить почти открытымъ. Въ виду однако доселѣшняго поведенія Виссаріона нельзя не предположить, что онъ могъ согласиться на перенесеніе собора въ виду финансовыхъ затрудненій папы и по этой причинѣ съ своей стороны помогать улаженію этого дѣла: онъ искренно служилъ идеѣ соединенія и долженъ былъ способствовать устраненію всего, что мѣшало ея осуществленію. Нельзя отрицать и того, что онъ могъ желать перенесенія собора также и ради прекращенія попытокъ грековъ къ бѣгству: вѣдь принималъ же

¹⁾ Фромманъ (*Krit. Beiträge*, S. 25) отрицаетъ, что случаи бѣгства грековъ были однимъ изъ побужденій къ перенесенію собора, но отрицаетъ голословно, ничѣмъ не подтверждая своей мысли. Могутъ сказать: развѣ не могли греки убѣгать и изъ Флоренціи? Безъ сомнѣнія могли, но далеко не съ такой легкостью и удобствомъ, какъ это возможно было въ Феррарѣ и близкой къ ней Венеціи. Флоренція была для грековъ совершенно незнакомымъ городомъ, гдѣ они не имѣли никакихъ связей; съ Венеціей напротивъ они имѣли достаточно времени хорошо познакомиться и даже завязали тамъ нѣкоторыя, болѣе или менѣе дружественныя, связи; притомъ Венеція находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ востокомъ, что едва ли можно сказать о Флоренціи (срав. *Migne*, CLXI, 728. В). Не забудемъ и того, что по окончаніи собора греки направлялись изъ Флоренціи домой не прямо моремъ, а опять черезъ Венецію, и даже, отправляясь изъ Феррары во Флоренцію, думали возвращаться на родину именно черезъ Венецію (*Hard*, IX, 176. А.). Замѣчательно, что и католическій писатель *Hefele* (VII, 695) признаетъ вышеуказанный мотивъ для перенесенія собора.

²⁾ *Harduin*, IX, 173; *Συροποῦλος*, VII, 12, 207; *Фромман*, 13 и 25; *Hefele*, VII, 694.

онъ прежде довольно энергическія мѣры противъ подобныхъ попытокъ ¹⁾. Разница между нимъ и латинянами въ этомъ случаѣ заключалась лишь въ томъ, что онъ желалъ удержать грековъ въ Италиі, вѣруя въ возможность соединенія съ Римомъ на честныхъ условіяхъ, тогда какъ латиняне уже заранѣе опредѣлили свои условія, хотя и скрывали ихъ ²⁾.

Протестовавшіе противъ перенесенія собора греки въ концѣ концовъ должны были уступить уже вслѣдствіе одного того, что имъ нечѣмъ было жить, такъ какъ имъ не платили выговореннаго содержанія цѣлые пять мѣсяцевъ ³⁾, — не на что было возвратиться и на родину, если бы даже они и рѣшились на это вопреки волѣ императора. Между тѣмъ стояло имъ согласиться на перенесеніе собора, и всѣ ихъ денежныя затрудненія, настоящія и будущія, должны были прекратиться: такъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ императоръ съ латинянами. Послѣдніе не поскупились и на другія обѣщанія ⁴⁾. И греки согласились. 10-го января 1439 года, въ послѣднемъ засѣданіи собора, было официально объявлено о перенесеніи собора во Флоренцію „вслѣдствіе язвы“ ⁵⁾.

Во Флоренціи, какъ ниже увидимъ, начался новый періодъ въ исторіи собора и новый періодъ въ жизни самого Виссаріона. Поэтому, прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ во Флоренцію, не лишне сдѣлать общій выводъ изъ сказаннаго о доселѣ подмѣченномъ нами настроеніи и образѣ мыслей Виссаріона,

¹⁾ Συροπουλος, VI, 7, 151.

²⁾ Mansi, XXXI, col. 696. В: ἔλθετε οὖν εἰς Φλωρεντίαν, говорили папа, καὶ εἰς διορίαν τριῶν μηνῶν ἢ τεσσάρων, ἵνα ἔχητε ἐξουσίαν ἐπιστροφῆς, καὶ τε ἐνωθῆμεν, καὶ τε μὴ.

³⁾ Συροπουλος, VII, 12, 205. 207.

⁴⁾ Mansi, col. 696.

⁵⁾ Это было лишь оффициальною причиною (Mansi, XXXI, 700; Συροπουλος, VII, 14, 211). Замѣчательно, что такъ повидимому смотрѣли на дѣло и ближайшіе къ этому времени греки-унионисты. Иосифъ Мееонскій на примѣръ указываетъ только на безденежье папы, какъ на причину перенесенія собора (Migne, CLIX, 1045. C). Но осенью 1438 года чума дѣйствительно повидимому свирѣпствовала, такъ что, по словамъ Сиропула (VI, 3, 145), навела паническій страхъ на латинянъ и заставила бѣжать изъ Феррары большинство ихъ кардиналовъ и епископовъ. Сиропулъ утверждаетъ, что изъ 11 кардиналовъ и 150 епископовъ, присутствовавшихъ при открытіи собора, остались только 5 кардиналовъ и 50 епископовъ. Началась язва еще въ июлѣ мѣсяцѣ. См. Мегусово изданіе А. Traversarii Epist. lib. VII, ep. 11, по цитатѣ у Гете на стр. 192—193.

чтобы знать отчетливо, съ чѣмъ, съ какими намѣреніями и цѣлями повинулъ онъ Феррару, насколько, по крайней мѣрѣ, мы можемъ судить объ этомъ по сохранившимся источникамъ.

По вопросу о Filioque, какъ прибавкѣ, Виссаріонъ во время пребыванія въ Феррарѣ официально оставался вѣренъ греческому взгляду, хотя внутренно и не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ сомнѣній. Эти сомнѣнія условливались какъ собственными изслѣдованіями дѣла и разъясненіями латинянъ ¹⁾, такъ и тѣмъ, болѣе чѣмъ второстепеннымъ, значеніемъ, которое онъ давалъ вопросу о Filioque, какъ прибавкѣ. Такъ какъ Виссаріонъ никогда не придавалъ особенной важности этому вопросу и всегда ставилъ его значеніе въ зависимость отъ такого или иного рѣшенія вопроса о самомъ догматѣ, то, понятно, съ измѣненіемъ взгляда на этотъ послѣдній вопросъ долженъ былъ до извѣстной степени измѣняться и его взглядъ на первый вопросъ. Къ вопросу же о догматѣ Виссаріонъ также, повидимому, относился теперь нѣсколько иначе, чѣмъ прежде; онъ во всякомъ случаѣ внутренно колебался ²⁾, и можетъ быть даже нѣсколько

¹⁾ Migne, CLXI, 341. С. D. Не забудемъ при этомъ, что латиняне располагали цѣлой массой рукописей въ сравненіи съ тѣми относительно немногими кодексами, которые привезли съ собою греки. Вслѣдствіе этого грекамъ неоднократно приходилось быть голословными (см. выше). Этотъ прискорбный фактъ, въ которомъ виновата была собственная оплошность и удивительная непредусмотрительность грековъ и на который съ такимъ торжествомъ указывали имъ латиняне, былъ въ концѣ концовъ признанъ и греческимъ императоромъ. Вотъ что говорилъ онъ однажды, грекамъ, когда они находились уже во Флоренціи: Νομιζω μὴ ἂν ἄλλως ἔλθεῖν ἡμᾶς εἰς συμπέρασμα, εἰ μὴ πρότερον περιστῆ εἰ γνήσια εἰσι τὰ ῥητὰ τῶν δυτικῶν ἁγίων, ἃ προεκόμεσαν οἱ λατίνοι εἰς τὴν σύνοδον, ἢ νόθα. Διὸ σκέψασθε περὶ τούτου κατὰ τὸ παρόν, μνημονεύοντες ὅτι ὁ θεῶν εἰπεῖν ταῦτα νόθα ἀναγκασθήσεται ἀποδείξει πῶς εἰσι νόθα. καὶ δεῖ αὐτὸν ἔχειν βιβλία πλείω καὶ κρείττω, ὧν ἔχουσιν οἱ λατίνοι. αὐτοὶ οὖν δυνήσονται προκομίσει β (—2000), ὑμεῖς δὲ οὐδὲ ἐν ἔχετε, καὶ οὐκ οἶδα πῶς ἂν τις ἀποδείξειεν αὐτὰ νόθα. ὁμῶς ὁ βουλόμενος ἀποδείξάτω. Συροп. IX, 2, 252; ср. Goethe, 190.

²⁾ Такое колебаніе, вызывавшееся самымъ существомъ дѣла, а ничуть не сторонними какими нибудь соображеніями, наблюдаемъ и въ патріархѣ Иосифѣ Сиропулѣ (VII, 8, 197—198) разсказываетъ, какъ однажды патріархъ еще въ Феррарѣ пригласилъ къ себѣ Гемиста и, съ глазу на глазъ, просилъ его сказать откровенно и по чистой совѣсти, чье ученіе объ исхожденіи Св. Духа вѣрнѣе: восточной ли, или западной церкви. Передавъ содержаніе отвѣта, даннаго Гемистомъ, Сиропулъ заканчиваетъ свой разсказъ слѣдующими словами: τοιαῦτα καὶ πολλῶ πλείονα καὶ ἰσχυρότερα διεξήλαθε πρὸς τὸν πατριάρχην, καὶ ἐβεβαίωσεν, ὅπως οὐ δεῖ ἀμφιβάλλειν τινὰ περὶ τῆς δόξης ἣν δοξάζει ἡ ἡμετέρα ἐκκλησία περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου Πνεύματος.—Припоминается и примѣръ

склонился на сторону латинянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ склонился и къ уніи на условіяхъ нѣсколько иныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ мечталъ онъ прежде. При этомъ дѣйствовали не только

Георгія Схоларія, впоследствии патриарха Геннадія. Читая и перечитывая его известное «воззваніе» (παράκλησις) и три «рѣчи» (λόγος) къ елорентійскому собору, неизбежно приходишь къ мысли, что это воззваніе и эти рѣчи принадлежали человеку, который по вопросу о Filioque внутренне тяготѣлъ къ латинянамъ и который эту свою склонность къ нимъ выражалъ весьма не двусмысленно. Схоларій позволялъ себѣ крайне проницаясь отзываться о надеждахъ грековъ на побѣду надъ латинянами при полной неподготовленности грековъ къ преніямъ и при силѣ, обнаруженной латинянами въ защитѣ Filioque (Migne, t. CLX, с. 388—389). По его мнѣнію, ученіе о Filioque до такой степени ясно доказано латинянами, что только «ослѣпленный собственной страстію» можетъ не признать этого (col. 401, conf. 421, 424, 436 et al.). Схоларій рѣшительно порицалъ манеру грековъ съмыслять на порчу твореній латинскихъ отцовъ (col. 481), энергически опровергалъ представленное греками толкованіе соборнаго запрещенія прибавокъ къ символу (col. 469, cf. 524) и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ еще прежде въ Константинополѣ (Συροποῦλος, III, 6, 50), высказывался противъ призрочной или мнимой уніи и желалъ уніи дѣйствительной (Migne, l. c., col. 409, 412, 413, 429, 441), признавая ее теперь вполне возможною. Правда, Схоларій въ этихъ своихъ рѣчахъ дѣлалъ нѣкоторые внушенія и латинянамъ (col. 448); но это обстоятельство нисколько не ослабляетъ общаго впечатлѣнія, получаемаго при чтеніи его «воззванія» и «рѣчей» къ собору и приводящаго къ мысли, что авторъ ихъ сильно склонился къ латинскому учению, хотя и выражалъ при этомъ готовность отказаться отъ своего мнѣнія, въ случаѣ несогласія съ нимъ большинства грековъ (conf. col. 516), — что онъ, высказываясь за латинянъ, руководился убѣжденіемъ, а не какими либо расчетами (срав. также заявленіе Схоларія у Harduin, IX, 392—393). Правда, Маркъ Ефесскій (въ письмѣ къ Георгію Схоларію, написанномъ повидимому во время собора) объяснялъ переходъ Схоларія въ число латиноумудрствующихъ иначе, именно тѣмъ, что онъ или убоился угрозъ, или увлекся обѣщаніями даровъ, почестей и т. п. (Migne, CLX, 1093. A. 1096. A). При этомъ Маркъ, обличая Схоларія, продолжалъ относиться къ нему съ любовью, — обстоятельство также повидимому свидѣтельствующее о томъ, что Схоларій въ глубинѣ своей души остался православнымъ (срав. также, ibid., col. 529—533). Вполнѣ разъяснить и примирить свидѣтельство Марка съ собственными заявленіями Схоларія въ указанныхъ его рѣчахъ — мы не въ состояніи. Но въ виду нѣкоторой нерѣшительности Марка въ объясненіи латинизма Схоларія, показывающей, что онъ судилъ о фактѣ лишь предположительно, — въ виду того, что подобныя Маркову объясненія были въ ту пору стереотипными и — слѣдовательно — могли примѣняться даже и тамъ, гдѣ въ сущности онъ были неумѣстны или по крайней мѣрѣ недостаточны, — въ виду, дагѣе, отеческой любви Марка къ Схоларію, которая могла побудить его пройти молчаніемъ такой тяжкій грѣхъ Схоларія, какъ внутренняя измѣна его православію, — позволительно, кажется, не придавать мнѣнію Марка особеннаго значенія. Та искренность, которую — такъ сказать — дышутъ «рѣчи» Схоларія, не могла быть поддѣльною; по крайней мѣрѣ трудно допустить такую поддѣль-

тавѣ внутреннїя причины, какъ изученіе святоотеческой и тогдашней ученой литературы по этому вопросу ¹⁾, но и причины и побужденія внѣшнія, именно: съ одной стороны стѣсненное положеніе отечества ²⁾ и новые опасные для него замыслы турокъ ³⁾, съ другой — больше и больше выступавшее наружу охлажденіе грековъ въ униѣ съ латинянами. Очень естественно, что тѣмъ холоднѣе становились другіе, тѣмъ ревностнѣе взялся за это дѣло Виссаріонъ: самое охлажденіе грековъ должно было служить для него побужденіемъ—своей личной энергіей поправить дѣло. Столь же естественно, что при этомъ увлеченіи онъ могъ забыть даже ту сдержанность и осто-

ность. Такимъ образомъ мы склонны думать, что Схоларій дѣйствительно поддавался вліянію латинянъ на соборѣ; но потомъ, возвратившись въ Константинополь, гдѣ господствующее настроеніе было далеко не въ пользу латинянъ, онъ опять сталъ строго православнымъ человѣкомъ и даже сдѣлался энергичнымъ борцомъ за православіе, его опорой и лучшимъ украшеніемъ.

¹⁾ Συροπουλος, VII, 8, 197: δεῖ συνελθεῖν, говорилъ по одному случаю Плинеонъ, τοὺς ἡμετέρους ἰδίως, καὶ σκέψασθαι καὶ γυμνάσαι τὰ παρὰ τῶν λατίνων λεχθησόμενα. Οἷδας γὰρ τινὲς τῶν ἡμετέρων, ὅσα ἔχουσιν εἰπεῖν ἑκεῖνοι, καὶ δύναται εἰπεῖν καὶ ἀπεφθεῖναι ταῦτα, καὶ κρείττον ἑκείνων. Подъ τινὲς здѣсь или исключительно, или прежде и болѣе всего разумѣются Виссаріонъ съ Маркомъ. Не забудемъ при этомъ и вліянія на Виссаріона сношеній съ такими людьми, какъ Амброджіо Траверсари и Джуліано Чезарини. Эти сношенія могли дѣйствовать на Виссаріона незамѣтно для него самого, но тѣмъ не меньше весьма сильно. Притомъ съ Амброджіо былъ повидимому въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ и другой близкій къ Виссаріону грекъ—Исидоръ (см. Мегусово изданіе Ambr. Camald. Epist. lib. VII, ep. 13, по цитатѣ у Goethe, S. 172). Припомнимъ и то, что Исидоръ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ провелъ цѣлый годъ въ Базелѣ, въ качествѣ одного изъ пословъ греческаго императора (см. Goethe, 73).

²⁾ Не можемъ не привести здѣсь слѣдующаго характернаго свидѣтельства Плинеона (Migne, CLX, 979. В. С): ἐγὼ οὐ τοῦτο δέδια μήποτε κρείττους τῶν ἡμετέρων ἐν τοῖς περὶ τοῦ ἀμφισβητουμένου τούτου λόγοις Λατῖνοι φανῶσιν οὐ γὰρ οὐδὲ μέχρι νῦν ἐφάνησαν, καίπερ πολλὰ κάμνοντες ἐν τοῖς ὑπὲρ τούτου σοφίσμασιν. Ἐπεὶ καὶ ἐν Ἰταλίᾳ, ὅτε οἱ ἡμέτεροι ἐκείνοις συνέθεντο, οὐ τῷ λόγοις ἠττήσθαι καὶ συνέθεντο, ἀλλ' ἴσμεν ὃν τρόπον συνέθεντο· διὰ τοῦτο οὐδ' ἀλόγως οἱ πολλοὶ τῶν τότε συνθεμένων οὐδ' οἷς συνέθεντο ἐνέμειναν. Ἄλλ' ἑκείνους δέδια τῶν ἡμετέρων, οἷς δοκεῖ, κἂν εἰ εὐσεβέστερά ἐστι τὰ γε πάτρια ἡμῖν, ἀλλ' ὅμως τὰ Λατίνων πρὸ αὐτῶν αἰρετέα, διὰ τὸ ταῦτα καὶ τοῖς πράγμασι λωιτελήσειν τι δοκεῖν. Ἰσως δ' ἂν τις καὶ ὁπως ἔχοι, ὥστε καὶ ἀμφοτέρων μὲν ὁμοίως καταφρονεῖν· ὁ δ' ἀμείλιχος τοῦ τί το κράτιστον ἐν τοῖς τοιοῦτοις ζητεῖν, πρὸς τὸ τοῖς πράγμασι μόνον συνοίσαι τι δοκοῦν, οἶεται δεῖν τὴν αἴρεσιν ποιεῖσθαι. Молчаніе Плинеона о томъ, что иной изъ грековъ могъ при этомъ руководаться убѣжденіемъ въ правильности латинскаго ученія, достаточно объясняется тѣмъ, что Плинеонъ писалъ для грековъ.

³⁾ Συροπουλος, V, 10, 125; ep. VIII, 3, 219.

рожность, въ какой самъ въ другую пору былъ способенъ, и еще рѣшительнѣе отдаться тѣмъ чисто политическимъ планамъ и надеждамъ, которыми занять былъ императоръ и въ которыя онъ по всей вѣроятности посвятилъ и Виссаріона. А императоръ, какъ можно думать, уѣхалъ изъ Феррары съ положительными надеждами на соединеніе ¹⁾, хотя—какъ увидимъ—и предполагалъ достигнуть его инымъ способомъ, чѣмъ какъ это случилось потомъ на самомъ дѣлѣ. Передъ отъѣздомъ во Флоренцію, приглашая греческихъ епископовъ собираться въ путь, патріархъ посовѣтовалъ имъ „взять съ собою въ дорогу немногія, (лишь) необходимыя вещи, потому что тамъ—сказалъ онъ—произойдетъ соединеніе“ ²⁾, разумѣя подъ этими необходимыми вещами, какъ и самъ онъ сказалъ, епископскія облаченія ³⁾. Если мы сравнимъ поведеніе патріарха до этого времени, какъ оно выяснено у Сиропула, съ теперешнимъ его образомъ дѣйствій, то убѣдимся, что эта мысль объ уніи во Флоренціи была мыслию собственно императора, но никакъ не самого патріарха. На какихъ же основаніяхъ предполагалъ царь или его совѣтники заключить унію во Флоренціи?

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для предположенія, что императоръ думалъ въ эту пору объ уніи на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она дѣйствительно состоялась потомъ; даже позднѣе, уже въ самой Флоренціи, онъ не хотѣлъ ничего слышать о такой уніи и довольно рѣшительно поговаривалъ объ отъѣздѣ изъ Италіи ⁴⁾. Судя по дальнѣйшимъ событіямъ, можно догадываться, что предполагаемое теперь царемъ основаніе для соединенія было именно то, которое онъ впослѣдствіи съ такой настойчивостью рекомендовалъ, именно неопредѣленныя, допускающія толкованіе какъ въ православномъ, такъ и въ латинскомъ смыслѣ, формулы. Впрочемъ оффиціально и ясно онъ пока еще не высказывалъ, что именно на такого рода соглашеніе рассчитываетъ, и настаивалъ лишь на томъ, чтобы по

¹⁾ Это предугадывали всѣ греки, въ томъ числѣ и Маркъ, потому что, только допустивъ это, можно объяснить себѣ слова Марка предъ отъѣздомъ во Флоренцію (Συροπουλος, VII, 14, 210).

²⁾ φέρειν δ' ἐν τῇ δδῶ ὀλίγα τινὰ ἀναγκαῖα. Ἐπεὶ ἔφη γενήσεται καὶ ἡ ἔνωσις ἐκείσε—Συροπουλος, VII, 13, 208.

³⁾ Συροπουλος, VII, 14, 209.

⁴⁾ Συροπουλος, VIII, 8, 229.

прибытіи во Флоренцію соборъ, въ лицѣ особо избранныхъ на то лицъ, занялся изысканіемъ какого либо способа соединенія, помимо официальныхъ преній ¹⁾. Въ свои планы онъ посвятилъ, вѣроятно, и патриарха, и соединеніе церквей въ смыслѣ императора вѣроятно разумѣлъ патриархъ, проговорившись предъ отъѣздомъ изъ Феррары объ униі во Флоренціи. По всей вѣроятности съ предположеніями царя былъ знакомъ и Виссаріонъ. Какъ ни мало соотвѣтствовали эти предположенія его собственнымъ доселѣшнимъ надеждамъ и стремленіямъ, тѣмъ не меньше, въ виду критическаго состоянія греческой имперіи, онъ могъ и самъ применить къ нимъ. Впрочемъ онъ повидимому еще не отказался совершенно отъ мысли достигнуть цѣли, поставленной греками, и путемъ преній съ латинянами. Не задолго до отъѣзда изъ Феррары, когда греки въ одномъ изъ предварительныхъ собраній порѣшили-было не оставлять вопроса о прибавкѣ и не начинать преній о самомъ догматѣ, Виссаріонъ, по словамъ Сиропула, одинъ не согласился съ этимъ рѣшеніемъ, но сказалъ, что нужно начать пренія о догматѣ. Мы имѣемъ, замѣтилъ онъ, сказать много важнаго относительно догмата, и намъ не должно робѣть предъ латинянами ²⁾: если по поводу прибавки Кавасила написалъ (только)

¹⁾ *Ἐδοξε τῷ γαληνότατῳ κυρίῳ τῷ βασιλεῖ, говорилъ по этому поводу нѣсколько позднее кардиналъ Чезарини, συμφέρον ἕσσεσθαι, πρὶν ἂν ἀρξώμεθα τῶν συνοδικῶν διαλέξεων (во Флоренціи), ἵνα ἐκλεξώμεθα τινὰς ἐξ ἑκατέρου μέρους, τοὺς διασχεφομένους ἰδίᾳ μετὰ ἀγαπῆς, ἐφ' ᾧ εὐρεθῆναι τινα τρόπον ποιοῦντα πρὸς τὴν ἔνωσιν... Καὶ οὕτω τελευταῖον εἴρηται μετὰ τοῦ γαληνότατου βασιλέως καὶ τῶν περὶ αὐτὸν, ὅτι μετὰ τὸ ἐπιδηῆσαι εἰς τὴν Φλωρεντίαν, πρῶτον ἰδίᾳ καὶ μυστικῶς σκέψασθαι τὴν μεταχείρισιν τῆς ἐνώσεως, καὶ εὐρεῖν τρόπον τινὰ, δι' οὗ ἂν ἔλθωμεν εἰς τὴν ἔνωσιν. καὶ εἰ μὲν τούτῳ τῷ τρόπῳ γένηται τέλος καὶ ἐπακολουθήσῃ συμπεράσμα, καὶ γένηται ἔνωσις, ἥδη καλὸν· εἰ δὲ μὴ, ὀφείλομεν χωρὶς ἀναβολῆς συνέρχεσθαι τοῦλάχιστον τρις τῆς ἐβδομάδος... Ἐπειδὴ οὖν ὁ γαληνότατος βασιλεὺς πρῶτος πρότεινε τοῦτο, ὥστε ἡμᾶς ἰδίᾳ σκέψασθαι, ἔδοξε γάρ αὐτῷ ὁ τρόπος οὗτος μάλιστα ἄριστος· διὰ τοῦτο πεπεισμένος ἐστὶν ὁ μακαριώτατος πατὴρ τὸν βασιλέα εὐρεῖν τρόπον τινὰ τὸν ἄξιον εἰς τὴν ἔνωσιν. καὶ διὰ τοῦτο ἀξιοί, ἵνα θελήσητε δεῖξαι τὸν τρόπον ἐκεῖνον etc. (Hagdun, IX, 181; conf. Συροπούλου, VIII, 1, 216). Въ виду той настоячивости, съ которою латиняне, притомъ нѣсколько разъ (Hagdun, col. 185 sq.), выражали желаніе услышать отъ императора, въ чемъ состоитъ найденный имъ способъ соглашенія сторонъ, можно съ увѣренностью полагать, что царь возлагалъ на этотъ способъ большія надежды.

²⁾ Последнія слова довольно характерны. Сознаніе неподготовленности грековъ къ преніямъ о догматѣ слышится и въ опасеніяхъ, высказанныхъ Сиропуломъ въ VII, 7, 195. Объясняя царю причину, почему греки не желали

четыре листа, а то, что мы говорили объ этомъ предметѣ, составило цѣлую книгу, то—если Кавасила о догматѣ пишетъ цѣлую книгу—развѣ не сможемъ и мы сказать объ этомъ много дѣльнаго ¹⁾? Думать, что Виссаріонъ говорилъ такъ только затѣмъ, чтобы сильнѣе побудить грековъ рѣшиться на переходъ къ преніямъ о самомъ догматѣ, мы не имѣемъ права. На основаніи, по крайней мѣрѣ, доселѣ извѣстныхъ источни-

бы начинать преній о догматѣ раньше, чѣмъ латиняне согласятся исключить Filioque изъ символа, Сиропуль между прочимъ говорилъ: οἰδασιν οἱ ἡμέτεροι, ὅτι εἶπον μὲν πολλὰ γενναῖα καὶ ἰσχυρὰ περὶ τῆς προσθήκης, ἤνυσαν δὲ οὐδὲν. τίνα γὰρ ἂν εὐρεθεῖεν ἰσχυρότερα τῶν συνοδικῶν ὄρων τῶν ἀναθεματιζόντων τοὺς προστιθέντας ἢ ἀφαιρούοντας; λέγουσιν οὖν (т. е. греки) ὅτι εἰ ἐν τῷ ζητήματι τούτῳ, ἔνθα ἔχομεν τοσαύτην ἰσχύον ἀναντιρρήτον, ἐκείνοι συμπλάττουσιν ἀντιλογίας, καὶ οἴονται καλῶς λέγειν, καὶ μὴ προϊάσασθαι αὐτοῖς τοὺς ὄρους διατείνονται, εἰ χωρήσωμεν εἰς τὸ περὶ τῆς δόξης, ἔνθα ὡς ἀκούομεν καυχῶνται, ὅτι ἔχουσι συμπλαχίαν τινὰ ἀπὸ δοτικῶν ἁγίων, οὐκ ἔτι δὲ οἶδαμεν ποῖαν τινα, ἐροῦσι μὲν ἐκείνοι ὅσα ἂν ἐθέλωσιν... ἡμεῖς δὲ εἰ τι ἂν καὶ εἴποιμεν, ὡς οὐδὲν παρ' ἐκείνους λογισθήσεται, καὶ ἀπρακτοῦ εὐρεθήσόμεθα. ἐπεὶ οὐδὲ ἔχομεν τὸν διακρινόντα etc. Не лишень также интереса совѣтъ Гемиста, обращенный къ императору, патриарху и ко всѣмъ вообще грекамъ, о томъ, чтобы—прежде чѣмъ рѣшиться на пренія съ латинянами о самомъ догматѣ—греки взвѣсили силу латинскихъ доказательствъ и свои будущія возраженія на эти доказательства; καὶ εἰ μὲν ἔχουσιν οἱ ἡμέτεροι εἰπεῖν ἰσχυρότερα, καὶ θαρρήσουσιν ὁμολογοῦμένως ὅτι ἀνατρέψουσι τὰ ἐκείνων, οὕτω καὶ εἰς διαλέξεις προβαίνέτωσαν. εἰ δὲ ἴδωσιν ἔχειν ἐκείνους ἐν τοῖς τοιοῖσι ἰσχύον, μὴ χωρεῖτωσαν εἰς διαλέξεις. ἀλλὰ σκεψάσθωσαν πῶς ἂν ἐτέρῳ τρόπῳ τὸ λυσιστελοῦν διαπράξωσι (Συροπ., VII, 8, 197). Замѣтимъ при этомъ, что Гемистъ оставилъ подъ сомнѣніемъ не самую истинность греческаго догмата (въ ней онъ ни мало не сомнѣвался, какъ это видно изъ его бесѣды съ патриархомъ Исаѣомъ), а собственно способность грековъ отстоять этотъ догматъ на соборѣ. Въ эту способность онъ, какъ видно, не особенно вѣрилъ.

¹⁾ Συροποῦλος, VII, 6, 193: δεῖν ἔλεγε (ὁ Νικαῖας) διαλέξεις γενέσθαι περὶ τῆς δόξης. ἔχομεν γὰρ εἰπεῖν πολλὰ καὶ καλὰ περὶ τῆς δόξης, καὶ οὐ δεῖ ἡμᾶς ὑποπτήσσειν τοὺς λατίνους. ὅμως εἰς τὸ περὶ τῆς προσθήκης λέγει ὁ Καβάσιλας πολλὰ δ καὶ οἱ λόγοι οὐς εἶπομεν ἡμεῖς εἰς αὐτὸ εἰσι βιβλίον ἓν. εἰς δὲ τὸ περὶ τῆς δόξης ἔνθα γράφει ἐκεῖνος βιβλίον ὀλόκληρον, οὐ δυνασόμεθα καὶ ἡμεῖς εἰπεῖν πολλὰ καὶ καλὰ.— Последнее выраженіе Виссаріона, какъ и вообще многія его слова и поступки, перетолковывалось нѣкоторыми въ неблагопріятномъ для него смыслѣ. Въ выраженіи: οὐ δυνασόμεθα καὶ ἡμεῖς εἰπεῖν πολλὰ καὶ καλὰ хотѣли видѣть признакъ и доказательство того, что Виссаріонъ въ преніяхъ съ латинянами имѣлъ въ виду показать собственно свое ораторское искусство. Но подобное соображеніе достаточно опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что греческое слово καλός часто употребляется у греческихъ писателей, и въ частности у Сиропула, въ смыслѣ русскаго слова «хорошій», которое, какъ извѣстно, имѣеть довольно общее значеніе. Такъ самъ Сиропуль въ бесѣдѣ съ царемъ, послѣдовавшей вслѣдъ за вышеприведеннымъ заявленіемъ Виссаріона, на одно замѣчаніе царя отвѣтилъ: «καλὸς ὁρίζεῖ ἡ ἅγια βασιλεία σου» (Συροп., VII, 7, 196), выражая этимъ свое одобреніе мысли царя.

ковъ, мы можемъ допустить только то, что Виссаріонъ колебался относительно исключительной вѣрности греческаго ученія объ исхожденіи Св. Духа; но само собою понятно, что это колебаніе не мѣшало ему рѣшиться вновь открыто выступить на защиту ученія своей церкви, хотя бы ради того, чтобы лучше выяснить дѣло и вмѣстѣ поддержать честь своей церкви, которой онъ, по крайней мѣрѣ недавно еще, очень дорожилъ ¹⁾. Кроме того и съ психологической точки зрѣнія представляется нисколько не удивительнымъ, если Виссаріонъ въ Феррарѣ не былъ еще открытымъ и рѣшительнымъ защитникомъ латинскаго ученія, а во Флоренціи сдѣлался такимъ: промежутокъ времени между приготовленіями къ отъѣзду изъ Феррары, когда Виссаріонъ высказалъ вышеприведенныя слова, и открытымъ выступленіемъ его на защиту латинскаго ученія во Флоренціи, не такъ малъ, чтобы въ это время не могъ произойти рѣшительный переломъ въ его взглядахъ и образѣ дѣйствій.

Дѣятельность Виссаріона на соборѣ во Флоренціи на первыхъ порахъ была незначительна. Пренія съ латинянами велъ почти исключительно Маркъ; Виссаріонъ ограничивался повидимому крайне рѣдкими и весьма краткими замѣчаніями ²⁾, насколько

¹⁾ Срав. напримѣръ Migne, CLXI, 340—341, гдѣ разсказывается споръ Виссаріона съ Маркомъ о значеніи одного апостольскаго изреченія (Галат., I, 9) и одного изреченія св. Діонисія.

²⁾ Эти замѣчанія можно читать въ изданіи Гардуина, IX, col. 201, 224 (здѣсь два замѣчанія), 225 и 268. Онѣ приписываются Виссаріону и въ новѣйшемъ изданіи греч. актовъ флорентійскаго собора, вышедшемъ въ Римѣ въ 1864 г. подъ заглавіемъ: *Ἡ αἴα καὶ οἰκουμενικὴ ἐν Φλωρεντία συνοδός. Διὰ μνησίου Βενεδικτῆρου*. Срав. въ этомъ изданіи страницы 175, 195 (съ варіантомъ или вѣрнѣе опечаткой *ὀρίσταται*, вмѣсто *ὀρίστατα*), 196 и 233. Въ изданіи Манси имена лицъ, участвовавшихъ въ преніяхъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, по меньшей мѣрѣ въ половинѣ случаевъ не отмѣчаются, и это повидимому вслѣдствіе простой небрежности издателя. Такимъ образомъ его свѣдѣтельство не имѣетъ важности. (Разсматриваемыя мѣста находятся въ XXXI томѣ его изданія, на col. 733, 766, 768 и 824). Въ виду сказаннаго принадлежность Виссаріону этихъ замѣчаній представляется вѣроятною; однако въ виду почти полного отсутствія критическаго аппарата въ названныхъ изданіяхъ все же нельзя съ полной увѣренностью сказать, что только эти замѣчанія и были сдѣланы Виссаріономъ и что онъ, такимъ образомъ, крайне слабо участвовалъ въ преніяхъ. Что же касается точности передачи указанныхъ замѣчаній, то въ этой точности нѣтъ особенныхъ основаній сомнѣваться: записывавшіе рѣчи грековъ нотаріи могли записать ихъ хорошо, пока переводчикъ переводилъ ихъ на латинскій языкъ для западныхъ членовъ собора; къ тому же писцы свѣрjali свои записи. А авторъ *Acta graeca* несомнѣнно пользовался

объ этомъ можно судить по существующимъ изданіямъ такъ называемыхъ *Acta graeca* ¹⁾). Вслѣдствіе этого мы поставлены въ совершенную почти невозможность сказать что либо вполнѣ опредѣленное относительно настроенія Виссаріона въ теченіе марта мѣсяца 1439 года ²⁾); а въ исторіи внутренней жизни Виссаріона этотъ небольшой промежутокъ времени долженъ былъ имѣть, судя по обстоятельствамъ, довольно важное значеніе. Вышеуказанныя замѣчанія его такъ кратки и по большей части такъ мало содержательны, что по нимъ рѣшительно нельзя догадаться, переживалъ ли онъ за это время какую нибудь внутреннюю борьбу, или нѣтъ. Не имѣя положительныхъ и вполнѣ рѣшительныхъ данныхъ въ пользу предположенія, что Виссаріонъ въ эту пору былъ уже въ душѣ почти совершеннымъ латиняниномъ, мы должны однако признать это предположеніе весьма правдоподобнымъ. Упомянутыя краткія замѣчанія, которыя съ своей стороны вставлялъ изрѣдка Виссаріонъ во время преній Марка съ латинянами, именно своею краткостью и малочисленностью свидѣтельствуютъ о томъ, что, дѣлая ихъ, онъ соблюдалъ лишь формальность; внутренне же былъ на сторонѣ латинянъ. Виссаріонъ былъ во Флоренціи уже не тотъ, какимъ онъ еще не задолго хотѣлъ быть здѣсь ³⁾). Но

этими записями. Но допуская, что смыслъ и сущность Виссаріоновыхъ заявленій переданы здѣсь вѣрно, не слѣдуетъ при этомъ забывать и того, что всѣ вообще рѣчи на соборѣ, произносившіяся экспромптомъ, записывались не съ буквальною точностію, но болѣе или менѣе кратко и кратко.

¹⁾ Авторъ такъ называемыхъ *Acta latina* совсѣмъ не упоминаетъ объ этихъ замѣчаніяхъ Виссаріона, такъ же какъ и Сидоуль.

²⁾ Первое засѣданіе во Флоренціи было 26-го февраля 1439 года (*Har- d u i n*, IX, col. 180); послѣднее, посвященное преніямъ, общее засѣданіе здѣсь было 24-го марта (*ibid.* col. 309), послѣ чего Виссаріонъ сталъ высказываться болѣе опредѣленно (*ibid.* col. 312. D. sqq.).

³⁾ Сравни *Συροπουλος*, V, 13, 130; VII, 6, 193. Припомнимъ, что къ прежнимъ знакомымъ Виссаріона присоединились здѣсь, вѣроятно, такія лица, какъ гуманистъ Леонардо Аретино. (Ср. *Har d u i n*, IX, 253. A). Затѣмъ знакомство съ Джуліано Чезарини повело во Флоренцію къ весьма важному для Виссаріона сближенію съ Николо Перотто, бывшимъ въ послѣдствіи архиепископомъ синоптинскимъ. Послѣдній, по словамъ *Paradropoli* (*Hist. Gump. Patav.*, II, 176), *in aulam Cardinalis Caesarini receptus, cum eo fuit Florentiae, cum ibi Synodus habebatur, placuitque eius ingenium Bessarioni usque adeo, ut illum a Caesarino Cardinali obtinuerit, ut sibi ad purpuram evecto inter aulae praecipuos a latinis libellis esset.* Сравни свидѣтельство Веспасіано въ его *біографіи* Перотто (*S p i c. R o m.*, I, 276 sqq.).

свой дѣйствительный образъ мыслей онъ обнаружилъ не сразу. Это обнаруженіе произошло впрочемъ довольно скоро.

По истеченіи одного мѣсяца, проведеннаго греками въ преніяхъ съ латинянами объ исхожденіи Св. Духа, стало уже для всѣхъ яснымъ, что эти, какъ и доселѣшнія пренія по разнымъ другимъ вопросамъ, не ведутъ ни къ чему. Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить, и каждая изъ нихъ ясно видѣла невозможность убѣдить другую въ правильности своего ученія. Словесную борьбу приходилось оставить ¹⁾ и обратиться къ

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы отмѣтить одну изъ довольно многихъ неточностей, встречающихся въ существующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи флорентійскаго собора. Авторъ русской «Исторіи флорентійскаго собора» (стр. 132), Гефеле (VII, 703) и Вастъ (р. 85—86), основываясь на свидѣтельствѣ автора *Acta graeca* (Harduin, IX, 308, Mansi, XXXI, 877), говорятъ, что императоръ воспретилъ Марку, какъ и Автонію пракаійскому, являться на тѣ торжественныя засѣданія собора, которыя, какъ показало время, были послѣдними въ ряду засѣданій, посвященныхъ преніямъ,—запретилъ потому-де, что онъ не хотѣлъ преній. Но названные изслѣдователи, за исключеніемъ отчасти Васта (pag. 85 not.), не справились съ другими свидѣтельствами, изъ которыхъ слѣдуетъ нѣчто совсѣмъ иное. Самъ Маркъ, говоря о своемъ отсутствіи на указанныхъ засѣданіяхъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ императорскомъ запрещеніи (Migne, CLIX, 1061. C); а скрывать его онъ не имѣлъ никакого побужденія. Причиной своего отсутствія онъ выставлялъ болѣзнь (τὴν ἀσθένειαν; ср. и предыдущія слова: ἐπὶ τοῦτοις κατέλοιπα τὰς πρὸς αὐτοὺς ὁμιλίαις, ἣ μὴκέτι συνελεύσεσθαι μετ' αὐτῶν, ἣ γοῶν αὐτὸς ἀσπῆσαι βεβαίωσάμενος, а также col. 1069. A). О воспрещеніи царя не говоритъ и Иосифъ мееонскій (ibid., col. 1061. D, 1064. A, 1068. B. C, 1069. C, 1125); а свидѣтельство послѣдняго, не смотря на прикрасы въ частностяхъ (см. напр. col. 1068), въ общемъ можетъ быть признано заслуживающимъ нѣкотораго довѣрія, потому что Иосифъ повидимому пользовался источниками довольно хорошими, которые притомъ до насъ не дошли. Затѣмъ и изъ изложенія Сиропула (VIII, 2, 218) повидимому слѣдуетъ, что Маркъ не явился въ указанные засѣданія исключительно по собственной волѣ и по своимъ соображеніямъ, и что императоръ даже и послѣ указанныхъ засѣданій побуждалъ Марка къ отвѣту латинянамъ (ibid., cf. pag. 217 et Harduin, IX, 312. B; впрочемъ сравн. *Сурок.* VIII, 4, 220). Наконецъ Андрей, авторъ такъ наз. *Acta latina*, самыя слова императора, послужившія основаніемъ для вышеприведеннаго мнѣнія ученыхъ, передаетъ совсѣмъ иначе, и именно слѣдующимъ образомъ: *nos et postri non vimus ragati* (т. е. для отвѣтовъ латинянамъ), *et dominus Ephesinus ex suo casu non potuit venire, nec potui loco illius deputare* (т. е. когонибудь другаго), *quia non dictum fuit mihi etc.* (Harduin, IX, 927. D; ср. вышеуказанныя цитаты изъ Иосифа мееонскаго, гдѣ онъ говоритъ о послыдавшихъ къ Марку приглашеніяхъ явиться въ засѣданіе собора). Въ виду всего сказаннаго можно, кажется, признать несомнѣннымъ, что Маркъ не явился на разсматриваемыя засѣданія по собственному почину, хотя—допустимъ—и согласно съ внутреннимъ желаніемъ царя. Останавливаемся на разъ-

другимъ способамъ соглашенія, если не хотѣли отказаться отъ самой мысли объ уніи, хотя бы и фиктивной. Виссаріонъ впрочемъ съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе, и вотъ при этомъ-то и обнаружилась впервые съ полною ясностью происшедшая въ немъ перемѣна. Послѣ прекращенія публичныхъ преній съ латинянами, патриархъ Іосифъ въ частномъ собраніи грековъ ¹⁾ сообщилъ послѣднимъ слѣдующій ультиматумъ папы ²⁾: или найти до пасхи способъ соединенія, или пріискать средства для возвращенія въ свое отечество ³⁾. Въ завязавшихся по этому случаю разсужденіяхъ или вѣрнѣе преніяхъ между представителями православной и латинумудрствующей партіи принялъ участіе и Виссаріонъ. Онъ прямо высказалъ, что греки должны принять латинское ученіе, и это какъ по причинѣ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ ⁴⁾, такъ и въ виду истинности самаго этого ученія. При этомъ между Маркомъ и Виссаріономъ произошелъ слѣдующій характерный діалогъ. Маркъ утверждалъ, что латиняне суть не только раскольники, но и еретики, что церковь греческая поѣтому именно и прекратила общеніе съ ними; умолчала же о такомъ своемъ взглядѣ на нихъ только по причинѣ ихъ численности ⁵⁾. „Итакъ“, спросилъ Виссаріонъ, „говорящіе, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, суть еретики?“ „Именно“ (ναι), отвѣчалъ Маркъ. „Господи помилуй!“ воскликнулъ Виссаріонъ. „Значить и святые, говорящіе это, еретики? Нѣмы да будутъ коварныя (δόλια) уста, говорящія противъ

ясненія этого потому между прочимъ, что подозрительная мысль легко можетъ поставить на счетъ Виссаріону и это мнимое запрещеніе царя Марку—являться на соборъ.

¹⁾ По словамъ автора Acta graeca, это было 30-го марта, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ (Har duin, IX, 312. D).

²⁾ Весьма характерично, что къ подобнымъ ультиматумамъ и латиняне и греки прибѣгали весьма нерѣдко, причемъ совсѣмъ не рассчитывали приводить свои угрозы въ исполненіе—по очень простой причинѣ: обѣ стороны нуждались одна съ другой.

³⁾ Har duin, IX, 312. D: ἡ εὐρεῖν τρόπον ἐνώσεως ἕως τοῦ πάσχα (т. е. до 5-го апрѣля), ἡ εὐρεῖν μέθοδον ὅπως ἐπιστρέψωμεν εἰς τὴν πατρίδα ἡμῶν. Изъ этихъ и слѣдующихъ (col. 312. E) словъ видно, что папа грозилъ грекамъ отказомъ въ средствахъ для возвращенія ихъ на родину, не желая помнить о своихъ прежнихъ, почти влгвенныхъ обѣщаніяхъ въ Константинополѣ и Феррарѣ.

⁴⁾ Har duin, IX, 312. E.

⁵⁾ Ibid., col. 313. A. B.

святыхъ! А вы“, сказалъ онъ, обращаясь повидимому къ грекамъ, „благоразумно выслушайте слѣдующее. Западные и восточные святые не разногласятъ, но одинъ и тотъ же Духъ говорилъ во всѣхъ святыхъ. И если угодно, пусть будутъ сравнены писанія ихъ однѣ съ другими,—тогда обнаружится ихъ единогласіе“. „А кто знаетъ, не искажены ли латинянами книги отцовъ?“ возразилъ Маркъ, и получилъ на это слѣдующій энергичный, но разумѣется черезчуръ смѣлый отвѣтъ: „Кто же осмѣлится сказать это!? Искажены цѣлыя бесѣды, толкованія на Евангеліе, цѣлыя богословскіе трактаты по ихъ поводу! Да вѣдь если мы вычеркнемъ (*ἀπαλείψωμεν*) изъ книгъ всѣ эти (заподозриваемыя) мѣста, то въ книгахъ не останется ничего, кромѣ бѣлыхъ листовъ“ ¹⁾.

Нѣсколько времени спустя ²⁾, Виссаріонъ высказался еще яснѣе и рѣшительнѣе. Онъ сдѣлалъ это въ своей извѣстной „Догматической рѣчи“ ³⁾. Задумавъ эту рѣчь, онъ впрочемъ повидимому не хотѣлъ разрывать съ своею, т. е. греческою церковію. Онъ желалъ лишь представить на возрѣніе греческаго собора свои мысли, оговорившись при этомъ, что подчинится рѣшенію собора, каково бы оно ни было. Послѣ одного изъ собраній грековъ, на которомъ Маркъ высказалъ, что ученіе латинской церкви о Св. Духѣ не есть ученіе нераздѣленной церкви, Виссаріонъ, очевидно несогласный съ Маркомъ по этому предмету, выходя, сказалъ въ слухъ царя, патріарха и всѣхъ: „я открыто выскажу (отличное отъ этого) мнѣніе и взглядъ, которыхъ я держусь относительно этого предмета. И если мое мнѣніе встрѣтитъ сочувствіе и у другихъ, то хорошо; если же нѣтъ, то я подчинюсь моей церкви“ ⁴⁾.

¹⁾ Har duin, IX, 313. В. С.

²⁾ По расчету на основаніи Acta graeca (Har d. col. 320. В, ср. предыд.) выходитъ, что рѣчь Виссаріона, которая имѣется здѣсь въ виду, была произнесена имъ 13 и 14 апрѣля, т. е. въ понедѣльникъ и во вторникъ на Фоминъ недѣль. Между тѣмъ Траверсари въ одномъ изъ писемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, говоритъ, что эта рѣчь была сказана 21 апрѣля. Въ виду такихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ, можно кажется утверждать пока только то, что Виссаріонъ рѣшительно высказался въ пользу латинянъ около половины апрѣля.

³⁾ О написаніи ея сравн. собственное свидѣтельство Виссаріона въ письмѣ къ Филанеропину (Migne, CLXI, 324. В). Мы цитируемъ ее по изданію Мина; но она напечатана также въ собраніяхъ Гардуина и Манси.

⁴⁾ Συροπουλος, VIII, 2, 219: ἐγὼ ἐρῶ ἀναφανδὸν τῆν γνῶμην μου, καὶ

Переходимъ къ самой этой рѣчи. Мы изложимъ ее возможно кратко и внимательно рассмотримъ лишь тѣ мѣста, которыя особенно рельефно представляютъ или точку зрѣнія Виссаріона, или его тогдашнее настроеніе.

Было нѣкогда время,—такъ почти началъ Виссаріонъ свою рѣчь,—когда церковь Божія была едина и нераздѣльна, единодушно вѣруя въ то, что предано, или что, по требованію нужды, постановлялось ею же самою на общихъ соборахъ. Но съ того времени, когда на западѣ была сдѣлана прибавка къ символу безъ вѣдома и согласія на то востока, тѣло церкви распалось,—восточная церковь прервала общеніе съ западною. И она была права, въ виду древней обще-церковной практики—важныя догматическія опредѣленія принимать не иначе, какъ на вселенскихъ соборахъ. Но вотъ теперь латиняне явились на общій соборъ всѣхъ церквей, выразили готовность подчиниться рѣшенію собора послѣ того, какъ дѣло выяснится на совѣщаніяхъ, и показали основанія своего вѣрованія. Такимъ образомъ упреки, умѣстные прежде, теперь потеряли значеніе, — нужно изслѣдовать по существу самый спорный вопросъ. Мы это и дѣлали, но какъ, съ какимъ результатомъ? Есть опасность и можно сомнѣваться, выйдемъ ли мы, греки, изъ этого „великаго сраженія“ (μέγαν ἀγώνα) безупречно сдѣлавшими свое дѣло. „Вотъ они уже дали отчетъ относительно того, что они говорятъ и чему учатъ; на сказанное ими мы, по мѣрѣ возможности, представили возраженія, но на иное отвѣтили полнымъ молчаніемъ или дали отвѣты, не стоющіе вниманія“ ¹⁾. Намъ нужно вдуматься въ наше положеніе. „Ибо теперь недостаточно

τὴν δόξαν ἣν ἔχω περὶ τῶν τοιούτων. Καὶ εἰ μὲν ἀρέσει καὶ τοῖς ἄλλοις, καλὸν, εἰ δ' οὐ ἐγὼ πάλιν ἀκολουθήσω τῇ ἐκκλησίᾳ μου. Подъ «ἐκκλησία μου», какъ намется, нужно на основаніи контекста разумѣть именно современную Виссаріону греческую церковь.

¹⁾ Ἦδη γὰρ αὐτοὶ τε λόγον ὑπέσχον ὧν λέγουσι τε καὶ δογματίζουσι, καὶ ἡμεῖς πρὸς τὰ παρ' αὐτῶν εἰρημένα διὰ τῶν δυνατῶν ἀπηντήσαμεν, πρὸς ἃ μὲν καὶ παντελῶς ἀσιγήκοτες, πρὸς ἃ δὲ οὐδὲν ὅτι καὶ ἄξιον λόγου ἀποκρινάμενοι (Migne, CLXI, 549. A). Срав. собственный переводъ Виссаріона: Siquidem illi quoque jam rationem reddiderunt eorum quae et dicunt et sentiunt, passim etiam singulis quibusque petentibus rationes de his quae Ecclesia credit, afferentes; et nos ad aliqua quidem ex his quae dixerunt, quoad fieri potuit, obviam ivimus, ad plura vero opportunioraque, et illorum opinionem maxime confirmantia, nihil omnino locuti sumus, neque fortassis dignum aliquod, quod loqui possimus, habemus (ibid., C).

будеть просто сказать: „не хотимъ соединенія“, но нужно тщательно разсмотрѣть, что сказали латиняне и что представили мы; нужно старательно изслѣдовать, въ чемъ они согласны съ нами и съ истиной, и гдѣ уклоняются отъ прямого пути и удаляются отъ истины,—и чему нужно научить ихъ, и что послушать у нихъ,—и чѣмъ нужно попользоваться отъ нихъ, и чѣмъ слѣдуетъ быть полезными имъ, и какъ намъ сблизиться съ таковыми и столь многочисленными (*τοιούτους τε καὶ τοιούτους*) братьями, разъединеніе съ которыми по справедливости возбуждаетъ сожалѣніе и въ нихъ и въ насъ“¹⁾. Рѣшая дѣло о томъ, соединиться или не соединиться съ латинянами, не должно, разумѣется, идти въ ту или другую сторону очертя голову,—не слѣдуетъ заранѣе соглашаться ни съ тѣми, которые, не приводя никакихъ доказательствъ, говорятъ, что нужно остаться въ разъединеніи съ латинянами, которые-де и не мыслятъ и не говорятъ ничего здраваго,—ни съ тѣми, кто хлопочутъ о соединеніи съ латинянами, но не указываютъ основаній для этого. Нужно идти въ цѣли путемъ изслѣдованія истины, подъ руководствомъ отцовъ и учителей церкви. Виссаріонъ и намѣревается теперь показать, какъ это слѣдуетъ, хотя хорошо сознаетъ неприятели, которыя навлечетъ на него его смѣлый шагъ²⁾.

Здѣсь пока нѣтъ ничего такого, чего бы не могъ сказать всякій православный, но только не узко ортодоксальный, грекъ. Здѣсь вполнѣ вѣрно, разумѣется, указывается грекамъ точка зрѣнія, которую—на взглядъ Виссаріона—они должны были имѣть въ виду, если хотѣли безпристрастно оцѣнить сравнительную силу основаній за и противъ *Filioque*. Иное уже впечатлѣніе, какъ сейчасъ увидимъ, оставляетъ чтеніе слѣдующихъ отдѣловъ „Догматической рѣчи“. Далѣе³⁾ Виссаріонъ, опровергая повидимому противоположное мнѣніе нѣкоторыхъ⁴⁾, доказывалъ, что учителя во-

¹⁾ Migne, CLXI, 549. A. B.

²⁾ Ibid., col. 550. B.

³⁾ Глава 2-я «Догматической рѣчи».

⁴⁾ Нижеслѣдующее разъясненіе было направлено, какъ кажется, противъ мнѣнія грековъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ читаемъ въ посланіи къ Филанерошну (Migne, CLXI, 360. A): *ἦσαν δ' οἱ καὶ ἑτέρας ἠπόρησαν ἀπολογίας, δηλονότι: πληνθήνασι τοὺς δυτικoὺς ἀγίους καὶ φεύσασθαι ἐν τούτῳ*. Повидимому это мнѣніе о несогласіи восточныхъ и западныхъ отцовъ было довольно распространено, потому что Виссаріонъ опять возвратился къ нему (col. 603 и 607). О томъ же самомъ считалъ нужнымъ говорить и Схоларій (Migne, CLX,

сточные и западные не могут другъ другу противорѣчить, такъ какъ въ нихъ и чрезъ нихъ говорилъ самъ Спаситель и Духъ Святой ¹⁾). При изложеніи богословской системы Виссаріона мы будемъ имѣть случай болѣе подробно раскрыть его мысли по этому предмету; теперь же достаточно замѣтить, что установить указанный пунктъ было весьма важно для Виссаріона не только потому, что чрезъ то устранялись всякія колебанія по этому вопросу, но и потому, что отсюда необходимо слѣдоваль другой выводъ, который Виссаріонъ тотчасъ же и сдѣлалъ, именно: если восточные отцы говорятъ объ исхожденіи Духа отъ Отца и отъ Отца чрезъ Сына, а западные — отъ Отца и Сына, то въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть дѣйствительнаго противорѣчія, а только противорѣчіе кажущееся, на подобіе тѣхъ, которыя въ большемъ числѣ встрѣчаются въ Священномъ Писаніи ²⁾). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нашъ долгъ признать не противорѣчіе, но слабость собственнаго ума, который не въ силахъ сразу уловить мысль того или другаго св. отца, и постараться ее понять. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ упомянутымъ различнымъ выраженіямъ объ исхожденіи Св. Духа, намъ помогаютъ сами св. отцы, поясняя другъ друга ³⁾). Мы всегда идемъ отъ простаго къ темному и послѣднее поясняемъ первымъ. Такъ же должны мы поступать, встрѣчаясь съ неодинаковыми по своей ясности выраженіями западныхъ и восточныхъ отцовъ. Западные—допустимъ—яснѣе учили о Filioque, чѣмъ восточные; слѣдовательно ихъ ученіемъ нужно изъяснить менѣе отчетливое ученіе восточныхъ о томъ же предметѣ, ибо въ сущности ученіе тѣхъ и другихъ суть глаголы одного и того же Духа Святаго. — Но если мы ближе всмотримся въ ученіе греческихъ отцовъ объ исхожденіи Духа и отъ Сына; такъ что здѣсь, строго говоря, мы можемъ обойтись совсѣмъ безъ руководства западныхъ отцовъ. Различіе предлоговъ ⁴⁾), употребляемыхъ восточными отцами

392 и др.). Замѣчательно, что и Маркъ повидимому не выискилъ себѣ вполне отчетливо, какъ смотрѣть на западныхъ отцовъ.

¹⁾ Migne, CLXI, 551. B.

²⁾ См. примѣры на coll. 556—557, въ 3-й главѣ «рѣчи».

³⁾ Глава 4-я «рѣчи».

⁴⁾ Глава 5-я «рѣчи».

при обозначеніи исхожденія Св. Духа, совсѣмъ не означаетъ и различія самыхъ исхожденій Духа отъ Отца и Сына по существу. Исхожденіе Духа отъ Отца и исхожденіе Его отъ Сына тождественны; если же отцы восточные, говоря объ исхожденіи Духа отъ Сына, употребляютъ предлогъ διὰ, по употребленію не тождественный съ предлогомъ ἐκ, то этимъ они показываютъ, что Сынъ въ актѣ извожденія Духа находится въ известномъ отношеніи къ Отцу и что Онъ не есть первая причина Духа, но силу извожденія имѣетъ отъ Отца. А что Онъ изводитъ Духа такъ же существенно, какъ и Отецъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ анализъ тѣхъ мѣстъ у восточныхъ отцовъ, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Духа чрезъ Сына ¹⁾. Тоже самое видно изъ разсмотрѣнія изреченій восточныхъ отцовъ, гдѣ говорится объ исхожденіи Духа даже отъ Сына ²⁾. Къ тому же приводитъ разсмотрѣніе мѣстъ изъ тѣхъ же отцовъ, обыкновенно относимыхъ греками къ изліянію даровъ Духа ³⁾. Притомъ ⁴⁾, по ученію западныхъ учителей, Отецъ и Сынъ вмѣстѣ суть единое и тоже самое начало и вина Духа, а не два начала и не двѣ вины. Съ этимъ падаетъ обвиненіе противъ латинянъ, будто они признаютъ двѣ вины Духа. Такъ же несостоятельно и другое обвиненіе ихъ въ томъ, будто они исказили первоначальный текстъ латинскихъ отцовъ, внесши туда ученіе о Filioque. Мысли въ писаніяхъ западныхъ отцовъ объ исхожденіи Духа отъ Сына

¹⁾ Глава 6-я «рѣчи».

²⁾ Глава 7-я «рѣчи».

³⁾ Глава 8-я «рѣчи».

⁴⁾ Глава 9-я «рѣчи». Девятою по счету показана эта глава въ римскомъ изданіи Аста граеса 1864 года (σελ. 456) и въ изданіяхъ Гардуина (col. 365) и Манси (col. 956). Минъ (t. CLXI, col. 603—604), перепечатавшій эту рѣчь изъ собранія Лаббе (t. XIII), поставилъ надъ ней заголовокъ «κεφαλ. Η'», такъ же какъ и надъ предыдущей главой, но значенія такого страннаго раздѣленія не объяснилъ,—страннаго тѣмъ болѣе, что въ изданіи Лаббе (col. 445) надъ греческимъ текстомъ разсматриваемой главы стоитъ заголовокъ: «κεφαλαιον θ'». Въ латинскомъ Виссаріоновомъ переводѣ «Догматической рѣчи» разсматриваемая глава также во всѣхъ изданіяхъ считается 8-ю, и такимъ образомъ оказывается двѣ осмыхъ главы. Думается, что здѣсь мы имѣемъ простую ошибку въ счетѣ главъ и что разсматриваемая глава есть отдѣльная глава, а не продолженіе 8-й главы, такъ какъ это довольно ясно видно изъ слученія ихъ. Впрочемъ рѣшить этотъ вопросъ навѣрное пока едва ли возможно, такъ какъ о рукописяхъ разсматриваемой рѣчи Виссаріона, объ ихъ происхожденіи и взаимномъ отношеніи ни одинъ издатель, къ удивловію, не проронилъ ни одного слова.

находятся въ такой тѣсной связи съ предшествующими и послѣдующими мыслями, что для указаннаго подозрѣнія рѣшительно нѣтъ мѣста.

„Прошу и молю васъ“, говорилъ Виссаріонъ послѣ этихъ разъясненій предъ греческимъ соборомъ ¹⁾, „разсмотрѣвши это и тщательно сообразивши все, постановить рѣшеніе соответствующее дѣлу... Примите при этомъ въ расчетъ прежде всего то, что потомъ у насъ уже не будетъ, какъ прежде, извиненія въ раздѣленіи съ братьями и во враждѣ противъ латинянъ, столь многочисленныхъ, такъ украшенныхъ мудростію и знаніемъ, и всевозможными достоинствами (καὶ ἀρετῶν ἰδέα παντοῖα), какъ тѣми, которыя касаются души, ея состоянія и облагороженія (βελτίωσιν), такъ и тѣми, которыя относятся въ тѣлу и временнымъ благамъ (τὰ σωματικά). Прежде вселенскаго собора бремя защиты лежало на латинянахъ; теперь же, когда состоялся всеобщій соборъ, обвиненія, лежавшія на нихъ, обратятся на насъ, если мы не сможемъ показать приличнаго основанія (εὐπρόσωπον αἰτίας) по которому отдѣлились отъ нихъ“. Такого основанія не существуетъ, ибо всѣ отцы одинаково признаютъ Сына причиною Духа, съ той лишь разницей, что западные несравненно отчетливѣе восточныхъ учать объ этомъ, — и такое ученіе западныхъ отцовъ есть несомнѣнно ихъ подлинное ученіе. Это доказывается, кромѣ сказаннаго о контекстѣ, и невозможностью порчи такой массы древнихъ книгъ, разсѣянныхъ по всей землѣ. Доказывается это и тѣмъ также, что, въ самомъ началѣ раздѣленія, мѣста изъ латинскихъ отцовъ объ исхожденіи Св. Духа читались такъ же, какъ читаются теперь, — и наконецъ тѣмъ въ особенности, что у грековъ нѣтъ такихъ кодексовъ, въ которыхъ бы ученіе латинскихъ отцовъ объ исхожденіи Духа было изложено иначе, чѣмъ какъ оно читается въ кодексахъ латинянъ, и изъ сравненія съ которыми можно было бы доказать неподлинность спорныхъ мѣстъ ²⁾. Не видѣть всего этого и не признавать истин-

¹⁾ Migne, CLXI, 605. В. аqq. въ κεφάλαιον δέκατον (ср. предшеств. примѣчаніе).

²⁾ ἄλλως τε καὶ μὴδ' ἄλλων παρ' ἡμῶν ὄντων βιβλίων, πρὸς ἃ παραβάλλοντες τὰ τῶν Λατίνων, τὸ νόθον αὐτῶν ἐφαράσμεν ἄν (col. 608. A). Содержащуюся здѣсь мысль Виссаріонъ передалъ потомъ по латыни слѣдующимъ образомъ: potissimum cum nec existent apud nos alia eorum doctorum antiqua volumina lingua

нымъ латинскаго ученія значить намѣренно закрывать глаза противъ свѣта, губить себя и греческій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать большой опасности всѣ вообще христіанскіе народы и страны ¹⁾). „Кто не знаетъ, что намъ, въ нашихъ опасностяхъ, осталось единственное прибѣжище — латиняне и соединеніе съ ними; только здѣсь у насъ надежда подняться на ноги ²⁾ и поразить враговъ; этого только и боялся нашъ недругъ, одно это сдерживало его ярость противъ насъ, и заставляло его противъ воли оставаться спокойнымъ. Липенные этого, куда пойдемъ? Какой будетъ конецъ бѣдствій? Гдѣ спасеніе отъ несчастій?—Если бы мы еще узнали, что латиняне заблуждаются въ догматахъ и извращаютъ вѣру, я и самъ не посовѣтовалъ бы вамъ съ любовію соединиться съ ними (τὴν μετ' αὐτῶν ἀσπάσασθαι ἐνωσιν) и имѣть съ ними единомысліе изъ страха временныхъ бѣдъ, предпочитая вещественныя блага духовнымъ и свободу тѣла благу души. Я самъ вытерпѣлъ бы

Latina scripta, ad quae, facta comparatione, possemus reprehendere eorum corruptionem (col. 608. C).

¹⁾ Ὅσα γὰρ ἡμῖν καὶ σωματικὰ ἐνεγούθεν (т. е. изъ отказа отъ униі) ἐπέσει δευῖα, καὶ ὡς ισχυρότερον μὲν τὸν κοινὸν ἐχθρὸν καὶ πολέμιον (т. е. турокъ) ὀπίσσομεν καθ' ἡμῶν, καὶ ὡς κινδυνεύει σχεδὸν παντελῆς ὀλεθρὸς εἶσεσθαι τῶν ὑφ' ἡμᾶς καὶ τὴν Ἐκκλησίαν τὴν ἡμετέραν Χριστιανῶν, καὶ τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ ἐκεῖθεν τέλειον ἐκτριβῆσεσθαι, οὐδαὶς ἀγνοεῖ. Καὶ διήλθον ἄν πάντα καθ' ἐν, καὶ ἐτραγώδησα τὰ ἐπίοντα τῷ γένει δευῖα καὶ πᾶσι τοῖς ἀπὸ Χριστοῦ καλουμένοις, τοῖς τε ἐν νήσοις, τοῖς τε ἐν ταῖς ἡπείροις, τοῖς ἐν ἀνατολῇ, τοῖς ἐν ἀρκτῶ, καὶ τοῖς ἐν δύσει τοῖς ἡμῖν ὁμογνώμοσι τε καὶ ὁμόφροσιν etc. (col. 608. B—609. A). Въ виду того, что Виссаріонъ и впоследствии, какъ увидимъ, всегда съ полнымъ убѣжденіемъ и большой настойчивостію указывалъ на опасность турокъ для запада, можно думать, что и въ настоящій разъ онъ говорилъ объ этой опасности по искреннему убѣжденію въ ней, а не ради напримѣръ только того, чтобы привести побольше оснований въ пользу соединенія съ латинянами, какъ можетъ пожалуй показаться челоуѣку предубѣжденному противъ Виссаріона. Серьезность мысли и глубина чувства, которыми отличается вся разсматриваемая рѣчь Виссаріона, не позволяетъ допустить и того, что самъ онъ внутренно не вѣрилъ и въ опасность турокъ для сѣвера, на которую теперь указывалъ грекамъ. Въ наше время такое указаніе можетъ представиться довольно страннымъ и даже нѣсколько подозрительнымъ. Но въ ту пору, къ которой относится рѣчь Виссаріона, когда греки буквально были загнаны успѣхами турокъ въ Азіи и Европѣ, упомянутая мысль Виссаріона могла явиться у него совершенно естественно. Впрочемъ впоследствии онъ измѣнилъ свое мнѣніе на счетъ того, могутъ ли турки угрожать и сѣверу. Сравни Migne, CLXII, 650. D.

²⁾ σφᾶς αὐτοὺς ἀναστήσεσθαι (col. 609. A); въ латинскомъ переводѣ: pos proos tueti posse (ibidem, C).

самое худшее и вамъ бы посовѣтовамъ это, а не сталъ бы уговаривать васъ соединиться съ ними. Но теперь является опасеніе, какъ бы съ вредомъ для тѣла намъ не получить вреда и для души, если латиняне мыслятъ и истинно и благочестиво, и въ вѣрѣ нисколько не заблуждаются..., а мы, къ собственной пагубѣ, признаемъ справедливымъ отдѣлиться отъ таковыхъ мужей ¹⁾. Нѣтъ, отцы и братія, не будемъ держаться этой мысли (о раздѣленіи), не будемъ такъ худо пещись о себѣ самихъ, — не явимся волками вмѣсто пастырей для тѣхъ, кто взирають на насъ, — не погубимъ ихъ души и тѣла, выдавая ихъ врагамъ. Что до меня касается, я никогда не буду такого мнѣнія и никогда по доброй волѣ не выдамъ (врагу) тѣла, дѣши, вѣру, города, гробницы отцовъ, свободу и все дорогое (τίμον), — и пусть это мое слово послужить вѣчнымъ свидѣтельствомъ предъ всѣмъ народомъ и предъ всѣми христіанами. А указанныя бѣды, по моему мнѣнію, (неизбѣжно) послѣдуютъ за раздѣленіемъ христіанъ и за нашимъ, совершенно неосновательнымъ, отдѣленіемъ отъ латинянъ...: ибо я не вижу никакой разумной причины, по которой бы я могъ избрать для себя таковыя и столь великія злоключенія и которая бы уравнивала ихъ ²⁾. Молю и васъ, чтобы и вы всѣ или большинство усвоили такой же, какъ и я, взглядъ. Если же этого не будетъ, то я съ своей стороны призываю во свидѣтели Бога всяческихъ и васъ, нынѣ здѣсь присутствующихъ, и послѣдующія наши поколѣнія, что я безпристрастно (ἀπαθῶς, sine passione), истинно и неложно (ἀδόλως) съ начала и до сего дня, по требованію обстоятельствъ (παρηκολουθηκῶς τῷ πράγματι), не переставалъ говорить то, что мнѣ казалось истиннымъ, справедливымъ и полезнымъ, и никогда не воздерживался изъ страха отъ выраженія своего мнѣнія, и собственную

¹⁾ Nūn δὲ θεός ὑφέρει, μὴ τὴν σωματικὴν μετὰ καὶ τῆς ψυχικῆς βλάβης ἐλώμεθα: καὶ τάληθῆ τε καὶ εὐσεβῆ φρονούντων αὐτῶν, καὶ οὐδὲν πλανωμένων περὶ τὴν πίστιν..., ἡμεῖς ἐπὶ κακῷ τῷ σφετέρῳ διαιρεθῆναι τῶν τοιοῦτων ἀνδρῶν δικαιοσύμην (col. 610. A).

²⁾ "Α πάντα εὕρισκω λογίζομενος τῇ τῶν Χριστιανῶν διαιρέσει ἐψόμενα, καὶ τῇ ἀπὸ Λατίνων ἡμῶν σὺν οὐδενὶ δικαίῳ ἀποστάσει... Οὐδεμία γάρ μοι εὐλογος φαινόμενη αἰτία δοκεῖ, δι' ἣν ἂν τὰ τοσαῦτα ἐλοιμῆν κακὰ, καὶ ἧς ἂν ταῦτα ἀντιστάσωσιν (col. 611 A). По латыни: quae omnia invenio secutura schisma, et nostram a Latinis absque aliqua ratione divisionem. Quaenam digna causa est, ob quam tot et tam horrenda eligamus pericula (ibid., C)?

безопасность не предпочиталъ общей пользѣ; но вручивъ себя и свою судьбу Богу и предавшись волѣ Его, который съ моихъ юныхъ лѣтъ всю жизнь мою направилъ лучше, чѣмъ какъ самъ я желалъ,—я постоянно думалъ объ общемъ благѣ, съ нимъ однимъ сообразовалъ я всѣ свои дѣйствія и слова, заботясь, по своему разумѣнію, и о матеріальной пользѣ нашего народа, при соблюденіи истины въ вѣрѣ. Поступайте, какъ хотите: вы господа вашихъ рѣшеній. Однако, при Божіемъ водительствоѣ, да побѣдитъ и у васъ лучшее. Если же возьметъ верхъ худшее..., то пусть знаетъ весь родъ людской, люди всякаго возраста и положенія, что я не виновенъ въ злѣ раздѣленія, не былъ причастенъ этому рѣшенію и не считаю справедливымъ раздѣляться съ латинянами вопреки всякимъ разумнымъ основаніямъ ¹⁾). Ибо я не убѣждаюсь, что они не истинно и не благочестиво вѣрують, и мыслить не одинаково съ святыми мужами и нашей церковью ²⁾). Съ другой стороны, я очень хорошо знаю, какія ужасныя несчастія будутъ слѣдствіемъ раздѣленія для нашего народа и что будетъ за этимъ роковымъ событіемъ (*καὶ πάσης τραγῳδίας ἐπέχεινα*). Но я и предвидѣлъ, и говорилъ, и всѣмъ разъяснялъ это, и по мѣрѣ силъ заботился, чтобы этого не случилось. Если же я не смогъ этого сдѣлать, то это вина не говорившаго, но не послушавшихъ“.

Рѣшительнѣе этого нельзя было, кажется, и высказать согласія съ церковью западною по спорному вопросу и симпатій къ униі. На основаніи разсмотрѣнной рѣчи можно съ увѣренностью полагать, что Виссаріонъ для себя самаго навсегда и окончательно порѣшилъ спорный вопросъ. Но высказываясь такимъ образомъ, думалъ ли онъ, въ случаѣ несогласія остальныхъ грековъ съ его взглядомъ, формально перейти

¹⁾ οὐδὲ δικαίῳ διασευχθῆναι Λατίνων παρὰ πᾶν τὸ ἐκ τῶν λόγων εἰκός (col. 612. B).

²⁾ Ὅτε γὰρ ἑμαυτὸν πείθω, μὴ ἀληθῶς τε καὶ εὐσεβῶς δοξαίνει αὐτοὺς, καὶ ταυτὰ τοῖς ἁγίοις καὶ τῇ ἡμῶν Ἐκκλησίᾳ φρονεῖν (ibid). Подъ вѣрованіемъ греческой церкви Виссаріонъ разумѣетъ очевидно вѣрованіе этой церкви, какъ оно — на его взглядъ — выражено въ писаніяхъ отцовъ и учителей восточной церкви, а не вѣрованіе современной Виссаріону греческой церкви, заблуждавшейся, какъ онъ думалъ, по рассматриваемому предмету. Это и само собою понятно, и видно кромѣ того изъ латинскаго перевода Виссаріона, гдѣ говорится только объ учителяхъ церкви (col. 612. C).

въ латинской церкви? Мы видѣли, что когда на одномъ изъ собраній грековъ Маркъ выразилъ увѣренность, что Filioque не есть ученіе нераздѣленной церкви, и когда предложеніе Марка доказать это было отклонено, Виссаріонъ, выходя изъ собранія, сказалъ: „я открыто выскажу свое мнѣніе и свой взглядъ на это. И если то, что я скажу, будетъ и другими одобрено, хорошо; а если нѣтъ, то я опять послѣдую моею церкви“¹⁾. Тогда Виссаріонъ рѣшилъ уже высказать взглядъ на исхожденіе Св. Духа, совершенно расходящійся съ традиціоннымъ ученіемъ греческой церкви; но онъ все же, какъ кажется, не хотѣлъ выступить изъ этой церкви, и готовъ былъ опять возвратиться къ исконному греческому ученію, въ случаѣ неодобренія его мнѣнія. Теперь, какъ видимъ, Виссаріонъ сталъ гораздо рѣшительнѣе и довольно ясно намекнулъ, что не найдя сочувствія къ униі въ другихъ, онъ самъ, по крайней мѣрѣ, не затруднится соединиться съ латинянами²⁾.

Разсмотрѣнная рѣчь Виссаріона важна не только для выясненія его собственнаго настроенія, но и для выясненія тогдашняго образа мыслей и многихъ другихъ грековъ. Не говоря уже объ отдѣльныхъ выраженіяхъ, весь тонъ рѣчи показываетъ, что ораторъ обращался къ людямъ, которые уже разстались съ мыслию, что у латинянъ не можетъ быть и нѣтъ доказательствъ ихъ ученія, — которые чувствовали свое бессиліе доказать ложность латинскаго ученія и истинность своего и которые смутились этимъ. И это станетъ совершенно понятнымъ, если вспомнить, какъ плохо готовились къ преніямъ восточные члены собора и какъ мало были они начитаны въ отцахъ не только латинскихъ³⁾, но и греческихъ, — и если съ другой

¹⁾ Συροποῦλος, VIII, 2. 219. Задуманная Виссаріономъ рѣчь есть, очевидно, его «Догматическая рѣчь». Доказывать это нѣтъ, повидимому, и нужды. Впрочемъ кратко укажемъ на слѣдующія основанія для нашего мнѣнія: 1) судя по обстоятельству, въ «Догмат. рѣчи» Виссаріонъ высказался въ латинскомъ смыслѣ впервые послѣ вышеприведеннаго заявленія; 2) онъ намѣревался выразить нѣчто несогласное съ традиціоннымъ ученіемъ восточной церкви; это и имѣемъ мы въ «Догматической рѣчи».

²⁾ Migne, CLXI, 611. A; ср. вышеприведенное свидѣтельство Амброджіо Траверсари.

³⁾ Къ сказанному по этому предмету выше слѣдуетъ еще присоединить одно весьма характеристичное свидѣтельство Сиропула. Когда позднѣе между греками возникъ споръ о томъ, считать ли приводимыя латинянами изъ запад-

стороны принять въ соображеніе мастерскую діалектику латинскихъ ораторовъ на соборѣ, — діалектику, которой вообще, по характеру своего воспитанія и образованія, придавалъ великую цѣну каждый грекъ. Греки не могли не поддаться, хотя бы въ нѣкоторой степени, влиянію этой діалектики, подкрѣпляемому притомъ ихъ малымъ знакомствомъ съ патристической литературой. Они не могли не сознаться, что латинское ученіе тоже не безъ основаній, и это смутило повидимому большинство ихъ, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ помирило съ латинскимъ ученіемъ ¹⁾. Что такое смущеніе дѣйствительно существовало

иныхъ отцовъ мѣста подлинными или подложными, Сиропулъ, спрошенный о мнѣніи, призналъ не только затруднительнымъ, но и совсѣмъ невозможнымъ для грековъ прямое рѣшеніе этого вопроса. Упомянувъ вообще о трудности рѣшать вопросъ о подлинности или неподлинности чего бы то ни было, онъ высказалъ затѣмъ слѣдующее: *εἰ οὖν κατὰ πολλοὺς τρόπους νοθεύονται τὰ βιβλία, καὶ ἐπὶ τινῶν λόγων τοῦ θεοῦ Χρυσοστόμου τὸ νόθον εὐρίσκατο. ἔνθα οὐδὲ τοιαύτη ἀνάγκη τοῦτο γενέσθαι ἐβίασατο. πλὴν δὲ οὐκ ἔχομεν διακρίναι τοῦτο ὁμολογουμένως, οὐχ ἡμεῖς μόνον, ἀλλὰ καὶ οἱ διδάσκαλοι... ἐν οἷς ἦν καὶ ὁ πολὺς τὴν τε θεῖαν σοφίαν καὶ τὴν ἐκτός ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης κύριος Εὐθύμιος, ἀμφιβάλλων καὶ αὐτὸς ἐν τισὶ τῶν λόγων, καὶ ποτὲ μὲν ὡς νόθους, ποτὲ δὲ ὡς γνήσιους ἀποφανόμενος τοὺς αὐτοὺς. εἰ οὖν ἐπὶ τῶν Χρυσοστομικῶν λόγων, οὓς ἐκ νεότητος, καὶ μέχρι γήραος ἡμῶν ἀναγινώσκοντες καὶ εἰδότες τὴν φράσιν καὶ τὴν ἰδέαν αὐτῶν, οὐκ ἔχομεν ὁμολογουμένως διακρίναι τὸ νόθον τε καὶ τὸ γνήσιον. Πῶς ἂν ἐπὶ τῶν δυτικῶν ἁγίων, ὧν τὰ συγγράμματα οὔτε οἶδαμεν οὐτ' ἀνέγνωμεν ποτέ; οὐδὲ γὰρ εἶχομεν αὐτὰ οὔτε ἀρχῆθεν μετεγλωττίσθησαν, κἀντεῦθεν οὐδ' ὅλως εἰσὶν ἡμῖν γνῶριμα, θαρρόοντες εἴποιμεν γνήσια ταῦτ' εἶναι ἢ νόθα; ἐν οἷς οὔτε φράσιν, οὔτε ἰδέαν οὔτε ὑφήν ἢ ρυθμὸν τινα τοῦ λόγου γνωρίσαι πόθεν ἔχομεν... Διὰ ταῦτα τοίνυν πάντα, οὐκ ἔχω οἶκθεν ὡς γνήσια διακρίναι ταῦτα ἢ νόθα. ἐπεὶ δ' ἔχω καὶ αὐτὸς ἀνάγκην εἰπεῖν, ὅσα ἐρχεται εἰς τὴν ἐμὴν εἰδησιν καὶ διάνοιαν λέγω, ὅτι ὅσα τῶν τοιοῦτων ῥητῶν εἰσὶ σύμφωνα τῇ ἐπιστολῇ τοῦ ἁγίου Μαξίμου, καὶ τοῖς τοῦ ἁγίου Κυρίλλου, ὡς γνήσια δέχομαι ταῦτα. ὅσα δ' ἐναντιοῦνται τούτοις, οὐ παραδέχομαι, ὡς νόθα etc. (Συροποουλος, IX, III, 253). Заявленіе Сиропула, весьма авторитетное само по себѣ, приобретаетъ еще болѣшую силу при сопоставленіи его съ показаніями другихъ современниковъ, воплѣвъ его подтверждающими. Одно лишь невѣрно въ свидѣльствѣ Сиропула, именно его замѣчаніе о несуществованіи въ то время греческихъ переводовъ латинскихъ отцовъ. Но и эта невѣрность, показывая, что упомянутые переводы не были распространены на востокѣ, также служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ мысли о малой подготовленности грековъ къ преніямъ съ латинянами. Эту свою недостаточную подготовку признали и сами они, заявивъ впоследствии: *οὐδέποτε εἶδομεν τοὺς δυτικοὺς ἁγίους, οὐδέποτε ἀνέγνωμεν αὐτοὺς, νῦν οὖν οἶδαμεν, καὶ ἀνέγνωμεν, καὶ στέργομεν αὐτοὺς* (Harduin, IX, 392. A).*

¹⁾ Срав. наприимѣръ такъ называемое «воззваніе» и «рѣчи» Георгія Схоларія (Migne, (LX, 385—524). Здѣсь читаемъ: *ὁράτε πάντες, ὅτι Λατίνοι τῆς ἑαυτῶν ὑπερῆγωνίασαντο δόξης καλῶς· ὥστε μηδένα ἂν αὐτοῖς ἐγκαλεῖν ἔχειν, εἰ βούλοιο δίκαιος εἶναι* (col. 3ῃ8. D) и т. п. См. объ этомъ выше. Срав. также Harduin, IX, 317. A.

и что въ глубинѣ души греки (разумѣется далеко не всѣ) колебались, это видно не только изъ разсмотрѣнной рѣчи Виссаріона, но также между прочимъ изъ слѣдующаго факта. Послѣ того, какъ они отказались отъ рѣшенія дѣла посредствомъ преній, папа предложилъ слѣдующую мѣру: каждый изъ грековъ долженъ былъ надѣ Евангеліемъ или надѣ Тѣломъ и Кровію Господнею чистосердечно объявить свое мнѣніе: такимъ образомъ, полагалъ папа, всѣ легко придуть къ рѣшенію ¹⁾). Какъ могъ папа предложить такое рискованное средство, если онъ не былъ по меньшей мѣрѣ склоненъ думать, что греки нѣсколько поколебались и въ страшную минуту клятвы рѣшатся высказать по крайней мѣрѣ это свое колебаніе? Замѣтимъ при этомъ еще тотъ знаменательный фактъ, что мысль рѣшить дѣло посредствомъ клятвы принадлежала митленскому архіепископу ²⁾). Ясное дѣло, что и этотъ греческій архіепископъ думалъ такъ же точно. Наконецъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ вліянія на грековъ латинскихъ разъясненій на соборѣ можетъ служить и то, что папа, послѣ отказа грековъ отъ преній, весьма сильно настаивалъ на нихъ. Эта настойчивость была бы неполнѣ понятна, если не предположить, что папа ожидалъ отъ преній благоприятнаго для латинянъ результата. Будь онъ увѣренъ, что пренія не ведутъ ни къ чему, онъ не сталъ бы такъ упорно настаивать на возвращеніи къ нимъ. Ясно, что онъ не придавалъ значенія заявленіямъ грековъ о бесплодности состязаній, и въ отказѣ грековъ видѣлъ ихъ невысказанное сознаніе въ своей слабости ³⁾).

¹⁾ Συροπουλος, VIII, 8, 230: λέγω, объявилъ папа, ἵνα ταχῶς ἡμέρα, καὶ συνέλθῃτε ἐνταῦθα ὅσοι τοῦ ἱερατικοῦ καταλόγου τυγχάνετε, μετὰ ἐνὸς μεταγλωττιστοῦ, καὶ προκειμένου τοῦ ἱεροῦ εὐαγγελίου ἀνεκτυγμένου προσέρχηται ἕκαστος. καὶ ἐπιτιθεῖς τὴν χεῖρα, καὶ ὁμῶν ἐπ' αὐτῷ λέγῃ τίνα γνώμην ἔχει εἰς ὅσα ἤκουσε παρὰ τῶν ἡμετέρων. καὶ οὕτως νομίζο συνελθεῖν πάντας εὐκόλως πρὸς τὸ συμπέρασμα. По словамъ автора такъ наз. греческихъ актовъ, папа предлагалъ грекамъ «брехъ еіс τὸ τίμιον σῶμα καὶ αἷμα τοῦ Χριστοῦ» (Har duin, IX, 317. B, conf. 316. E).

²⁾ Συροπουλος, I. с.

³⁾ Сказанному не противорѣчитъ свидѣтельство автора греческихъ актовъ о томъ, что οἱ Γραικοὶ οὐδὲ ὅλως ἤθελον ἀκοῦσαι αἰτίαν τὸν Υἱὸν τοῦ Πνεύματος (Har duin, IX, 380. E), такъ какъ во 1-хъ авторъ актовъ въ приведенномъ мѣстѣ имѣетъ въ виду мнѣніе большинства грековъ, во 2-хъ изъ контекста этого мѣста (кромя ближайшаго контекста на col. 380. E—381. A, срав 384. A. B и 385. C) видно, что греки уклонялись отъ наименованія Сына винокъ

Итакъ нѣкоторые греки колебались. Это даетъ намъ точку опоры для правильнаго сужденія и о Виссаріонѣ. Если греки, вслѣдствіе главнымъ образомъ разъясненій латинянъ, испытывали теперь нѣкоторыя сомнѣнія, то что сказать о Виссаріонѣ, который, помимо этихъ разъясненій, самостоятельно и спеціально изучалъ святоотеческую и средневѣковую литературу спорнаго вопроса? Что удивительнаго, если онъ пошелъ дальше сомнѣній и напримѣръ въ „Догматической рѣчи“ прямо призналъ вселенскимъ ученіемъ латинскій догматъ? Мы дальше увидимъ и отчасти уже видѣли, что при защитѣ уніи Виссаріономъ руководили разнаго рода побужденія; но послѣ всего связаннаго позволительно утверждать, что онъ могъ сдѣлаться горячимъ сторонникомъ уніи и вслѣдствіе одного своего убѣжденія въ истинѣ латинскаго ученія; а что таково было дѣйствительно его убѣжденіе, въ этомъ едвали можно сомнѣваться.

Ни авторъ греческихъ актовъ, ни Сиропуль не сообщаютъ намъ, какое впечатлѣніе произвела вышеприведенная рѣчь Виссаріона на грековъ. Мы можемъ впрочемъ, уже въ виду связаннаго выше, предполагать, что эта рѣчь, будучи смѣлымъ и яснымъ выраженіемъ мыслей, которыя въ большей или меньшей степени, въ болѣе или менѣе отчетливомъ видѣ предносились сознанію и нѣкоторыхъ другихъ грековъ, присутствовавшихъ на соборѣ, если не помирила послѣднихъ съ латинянами, то во всякомъ случаѣ усилила ихъ сомнѣнія ¹⁾. Положительное свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью Виссаріона, мы имѣемъ отъ Амброджіо Траверсари. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ кардиналу Джуліано Чезарини въ самый день произнесенія этой рѣчи и очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ толковъ объ ней: „Возвѣщаю тебѣ, отецъ, радость, общую обоимъ намъ или—лучше—всей церкви, чтобы ты вторично узналъ и еще больше порадовался ²⁾, если уже

Духа потому главнымъ образомъ, что такое наименованіе не извѣстно отцамъ и учителямъ восточной церкви.

¹⁾ Само собою понятно, что на нѣкоторыхъ изъ греческихъ отцовъ собора, которые или по убѣжденію или по чувству простой, но крѣпкой вѣры ни за что и не смотря ни на что не хотѣли знать объ уніи, эта рѣчь должна была произвести крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

²⁾ Въ подлинникѣ — gratuleris. Ср. Du Cange, *Glossarium mediæ et infimæ latinitatis*, tom. III, Parisiis, 1844, p. 560.

слышалъ о ней; а если нѣтъ, то вмѣстѣ со мной порадовался бы и возблагодарилъ Бога. Нашъ Нивейскій сегодня въ публичномъ собраніи грековъ, въ присутствіи императора и всѣхъ епископовъ, разразился словомъ исповѣданія и хвалы, говоря предъ всѣми открыто, что святая римская церковь право мыслить въ таинствѣ вѣры, что прибавка въ символѣ сдѣлана совершенно правильно, и что онъ хочетъ эту свою вѣру, это устное исповѣданіе изложить письменно“¹⁾.

Виссаріонъ повидимому желалъ принятія греками латинскаго ученія въ той его формѣ, въ какой выражали это ученіе

¹⁾ Вотъ это письмо въ томъ видѣ, въ какомъ напечатано оно у Мартеня (Ambr. Samald. Ep. lib. XII, ep. 40): «Domno amantissimo patri Iuliano. Nuntio tibi, pater, gaudium, quod utrique commune est, immo ecclesiae omni, ut, siquidem audisti, recognoscas et gratuleris magis; sin minus, mecum pariter gaudeas, et una gratias Deo referamus. Nicænus noster hodie in publico conventu Graecorum, adstante imperatore et episcopis omnibus, erupit in vocem confessionis et laudis, dicens omnibus palam sanctam Romanam Ecclesiam recte sentire in mysterio fidei, et additionem in symbolo rectissime factam; et se velle hanc fidem, hanc confessionem, quam ore profitebatur, in scriptis dare... (точки и въ изданіи Мартеня), cum illis discedere hinc ab eis, etiam pro fide deponendum et passurum omnia, si opus esset. Nostrorum facta et saecularium, concursus muliercularum quotidianos ad ecclesiam miris attollit laudibus: qua in re longe ipsi essent inferiores, et alia plura quæ fervor dictabat. Ivit in ejus sententiam confessor ille imperatoris, et plerique fleverunt. Humilitas Pontificis nostri elata summis laudibus, quod Heracliensi responderit hodie benigne etc. Ea omnia ex Macario nostro addisces uberius, quem ad te huius rei gratia mitto. Vale, mi pater, XXI Aprilis. Florentiae». Нельзя конечно съ полною увѣренностью сказать, что Амбродію имѣеть здѣсь въ виду именно «Догматическую рѣчь» Виссаріона. Этому повидимому нѣсколько противорѣчатъ слова: «se velle hanc fidem, hanc confessionem, quam ore profitebatur, in scriptis dare», и затѣмъ указанныя дальше заявленія Виссаріона, которыхъ въ «Догмат. рѣчи» мы не находимъ. Однако, съ нашей точки зрѣнія, и эти частности могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Словами: «se velle» etc. Виссаріонъ выразилъ желаніе—подтвердить и ооормить свое согласіе съ римскою церковію какимъ нибудь особымъ письменнымъ документомъ, каковымъ едвали могла считаться произнесенная имъ устно, хотя и по тетради, «Догматическая рѣчь». Что же касается заявленій Виссаріона, о которыхъ упоминается въ концѣ письма, то онъ могли быть сдѣланы Виссаріономъ экспромтомъ и не быть внесенными имъ въ текстъ рѣчи. Не забудемъ при этомъ и отмѣченнаго выше пробѣла въ изданіи Мартеня. Наконецъ противъ мысли (которая—замѣтимъ—весьма естественно можетъ явиться, хотя мы ее и не встрѣчали у наслѣдователей), что Траверсари имѣеть здѣсь въ виду то выраженіе мнѣній Виссаріономъ, о которомъ говорится въ Acta graeca у Гардуина IX, 313 и о чемъ было упомянуто нами выше,—достаточно указать на большую разницу въ датахъ (21-е апрѣля, дата письма Траверсари, и 30-е марта, время выраженія Виссаріономъ этихъ мнѣній. Ср. Har duin, IX, 312. D).

латиняне. Но на такую полную уступку латинянамъ могло согласиться лишь самое ограниченное число грековъ. Греки могли пожалуй допустить, что вопросъ объ исхожденіи Св. Духа не есть вполне выясненный вопросъ; но отъ этого было еще далеко до признанія истинности латинскаго ученія. Противъ этого должна была возставать и долголѣтняя вѣра ихъ въ правду своей церкви, и чувство народно-конфессиональной гордости; а это чувство всегда было сильно въ грекахъ ¹⁾). Такимъ образомъ, чтобы не погубить совершенно дѣла уніи, сторонникамъ ея между греками оставалось одно: добиваться заключенія ея на основаніи компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ ²⁾ и притомъ въ частныхъ, неофициальныхъ совѣщаніяхъ. Вопросъ объ этомъ былъ повидимому окончательно рѣшенъ императоромъ въ его совѣщаніяхъ съ великимъ протосинкелломъ Григоріемъ, Исидоромъ Русскимъ и Виссаріономъ Никейскимъ ³⁾). Латиняне,

¹⁾ Ср. между прочимъ Hauguin, IX, 385. С; Migne, CLX, 392, 444—453, гдѣ Схолярій вооружается противъ опасеній «безславія», въ случаѣ уступки противной сторонѣ.

²⁾ Вотъ какъ характеризовалъ Маркъ этотъ періодъ въ исторіи собора послѣ произнесенія Виссаріономъ его знаменитой рѣчи (Migne, CLIX, 1076. В): Ὁὗτως κατὰ μικρὸν ὁ Λατινισμὸς ἐξεργάγη καὶ περὶ τοῦ τρόπου λοιπὸν τῆς ἐνώσεως ἤρξαντο πρᾶγματεῦσθαι, καὶ τίνα ρητὰ περιεργάζεσθαι, δι' ὧν ἐνωθῆσονται, μέσῃ ἐπέχοντα χάραν, καὶ δυναμένα κατ' ἀμφοτέρας τὰς δόξας λαμβάνεσθαι, καθάπερ τις κώθορος. Τοῦτο γὰρ αὐτοῖς πρὸς τὴν ἐπίνοιαν ἔδοξε σφόδρα συμβάλλεσθαι, τῶν τε ἡμετέρων δι' αὐτῶν ῥᾶον προσαγομένων, καὶ τῶν ἐναντίων ἐπιτιζομένων ἀνεξέταστος αὐτὰ παραδέξασθαι.

³⁾ Замѣчательно, съ каждымъ изъ нихъ императоръ совѣщался отдѣльно (Συροπούλος, VIII, 4, 221). Очевидно, въ этихъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, царь хотѣлъ узнать действительный, откровенный взглядъ каждаго на тогдашнее незавидное положеніе дѣла грековъ и на средства выйти изъ такого положенія. Изъ изложенія Сиропула выходитъ, какъ будто эти три приближенные къ императору лица лишь одобрили его планы. Но вѣроятно предположить, что такіе энергичные люди, какъ Исидоръ и Виссаріонъ, столько же слушали предначертанія императора, сколько и сами совѣтовали ему. Это необходимо предположить не только въ виду ихъ энергіи, но и того, что впоследствии, какъ увидимъ, они оказались гораздо настойчивѣе императора въ преслѣдованіи уніональныхъ дѣлей. Тѣмъ не меньше въ томъ случаѣ, что царь приближалъ къ себѣ Виссаріона и притомъ ради именно улаженія дѣла объ уніи, что онъ съ тѣмъ выѣздъ способствовалъ удаленію Виссаріона отъ общества и сдерживающаго вліянія правосмыслищихъ грековъ, нельзя не видѣть обстоятельства, смягчающаго вину Виссаріона по переходу его въ латинство. Въ латинизмъ Виссаріона ковенно и отчасти повиненъ императоръ и потому еще, что онъ, какъ уже не разъ было замѣчено, нити рѣшительно всѣхъ соборныхъ дѣлъ, насколько послѣднія касались грековъ, соединялъ и держалъ въ своихъ рукахъ.

хотя и не вдругъ, также согласились въ концѣ концовъ на перенесеніе дѣла въ комиссію. Изъ словъ императора къ грекамъ по этому поводу ¹⁾ и изъ самаго хода дѣлъ мы можемъ заключать, что императоръ съ особенной настойчивостью хлопоталъ объ этомъ въ надеждѣ, что здѣсь, въ маленькихъ и притомъ совершенно частныхъ собраніяхъ ²⁾, членамъ можно будетъ по домашнему, запросто предлагать какія угодно средства и пути для уніи, что въ торжественныхъ засѣданіяхъ было бы, разумѣется, неудобно. Было повидимому предположено держать работы комиссіи до времени въ секретѣ, и обѣщаніе императора сообщать остальнымъ грекамъ результаты ежедневныхъ совѣщаній въ ней было вѣроятно простою уловкою: только этимъ и можно объяснить то, что греки не имѣли регулярныхъ, а лишь случайныя сообщенія о засѣданіяхъ комиссіи ³⁾. Держать же дѣло въ тайнѣ нужно было и потому, что императоръ съ своими совѣтниками очевидно уже помирился съ мыслию сдѣлать кой какія, хоть и небольшія, уступки латинянамъ ⁴⁾; а императоръ уже по опыту зналъ, что гораздо проще и цѣлесообразнѣе знакомить своихъ грековъ съ совершившимся фактомъ. Мы имѣемъ и довольно рѣшительное подтвержденіе этого въ словахъ одного изъ самыхъ выдающихся членовъ греческой комиссіи — Виссаріона,

¹⁾ Συροπουλος, VIII, 11, 233.

²⁾ Μυστικάι по выраженію автора греческихъ актовъ. Harduin, IX, 377. D.

³⁾ Συροπουλος, VIII, 12, 234.

⁴⁾ Сиропулъ (VIII, 12, 234—235) сообщаетъ слѣдующее характерное заявленіе патриарха, сдѣланное въ эту пору предъ собравшимися у него православными греками: Ἡ ἔνωσις καὶ ἡ εἰρήνη τῶν ἐκκλησιῶν λίαν ἐστὶν ἀναγκαία, καὶ ὠφέλιμος ἡμῖν. δεῖ οὖν καὶ ἡμᾶς χρῆσασθαι οἰκονομίᾳ τινὶ ὡς ἂν εὐρωμεν αὐτήν. εἰ γὰρ ποιήσοιμεν μαρικήν τινα συγκατάβασιν, καὶ δι' αὐτῆς εὐρωμεν πρῶγμα ἐσόμενον εἰς μεγάλην βοήθειαν ἡμῶν, καὶ εἰς σύστασιν καὶ αὔξησιν τῆς πατρίδος. ὁ καὶ ἀκούσαντες καὶ οἱ ἐχθροὶ ἡμῶν δευλιόσοιαι καὶ συσταλήσονται, καὶ φρίζουσι, καὶ πρὸς τὸ θεραπεύειν ἡμᾶς, καὶ τὴν φιλίαν ἡμῶν πραγματεύεσθαι τραπήσονται, οὐδὲν ἀδικήσει ἡμᾶς, εἰ καὶ μέρος τι ποιήσοιμεν συγκαταβάσεως. Εἰρηκότων δὲ ἡμῶν ὅτι εἰς τὰ τῆς πίστεως οὐκ ἔγχευεῖ συγκατάβασις. ἡ γὰρ συγκατάβασις ἐλάττωσιν ἐργάζεται τῆς πίστεως. ἔφη ὁ πατριάρχης, ὅτι μὲν ἐλάττωσιν τινα ποιεῖ ἡ συγκατάβασις, οὕτως ἔχει. ἂν δὲ πρὸς τὸ κέρδος ὁ κερδανοῦμεν διὰ τῆς συγκαταβάσεως ἀποβλέψωμεν, οὐδεμίαν εὐρήσομεν ἐλάττωσιν. εἰ γὰρ συγκαταβῶμεν ἐν ἐκ τῶν κτ̄ κεφαλαίων, πάλιν, τὰ κτ̄ ἀναπληροῦσι τὸ ὑστέρημα τοῦ ἐνός. καὶ διὰ τῆς συγκαταβάσεως τοῦ ἐνός τούτου εὐρήσομεν τὸ μέγα κέρδος, ἐκεῖνο ὅπερ ἐστὶ εἰς μεγάλην βοήθειαν καὶ ὠφέλειαν τοῦ γένους ἡμῶν. καὶ ἄλλοτε δὲ δις τε καὶ τρις εἴρηκε τοιαῦτα τινα ὁ πατριάρχης προβιάζων τοὺς πειθόμενους αὐτῷ πρὸς συγκατάθεσιν τοῦ λατινισμοῦ.

брошенных во время спора съ Сиропуломъ изъ-за правъ комиссіи: „мы съ тѣмъ и избраны были, что все, что мы ни ска-зали бы, будетъ одобрено и всѣми“ ¹⁾. Когда же Сиропуль за-мѣтилъ, что всѣ принятыя комиссіею рѣшенія должны были (какъ это обѣщаль императоръ) представляться на разсмотрѣ-ніе остальныхъ грековъ, то Виссаріонъ „съ досадою“ сказалъ: „въ такомъ случаѣ незачѣмъ было намъ собираться и трудиться и толковать понапрасну, если вы не принимаете того, что мы говоримъ“ ²⁾.

Въ эту комиссію со стороны грековъ избраны были импе-раторомъ, кромѣ Виссаріона, еще слѣдующія лица: Антоній ираклійскій, Маркъ ефесскій, Исидоръ русскій, Досиѳей монем-васійскій, Дорошея трапезунтскій, Митрофанъ кизикскій и еще три неизвѣстныхъ по имени митрополита ³⁾. Въ первомъ же засѣданіи комиссіи Виссаріонъ высказалъ планъ, съ которымъ онъ очевидно уже давно носился и который по всей вѣроятности уже былъ предметомъ обсуждения между нимъ и импера-торомъ. „Въ первомъ собраніи, читаемъ у Сиропула, Никей-скій подробно говорилъ о томъ, что обѣимъ сторонамъ нужно принять то, что говоритъ святой Максимъ объ исхожденіи Св. Духа въ письмѣ къ Марину, и соединиться на основаніи смысла словъ его“. „Но латиняне, продолжаетъ Сиропуль, совсѣмъ не при-няли этого“ ⁴⁾. Последнее замѣчаніе, выраженное притомъ въ такой рѣшительной формѣ, весьма важно для насъ. Оно ясно показываетъ, что въ это и ближайшее время Виссаріонъ не имѣлъ особенно близкихъ сношеній съ латинянами,—не имѣлъ ихъ не только непосредственно предъ внесеніемъ въ комиссію этого своего предложенія, но и въ ту пору, когда оно предва-рительно обсуждалось имъ съ императоромъ. Въ противномъ случаѣ какъ могъ Виссаріонъ носиться съ своимъ проекомъ и затѣмъ представить его въ комиссію? Вѣдн онъ близкія сно-шенія съ латинянами, онъ разумѣется узналъ бы, что они не примутъ его предложенія, какъ это и случилось. — Предложе-

¹⁾ οὕτως ἐξελήγημεν, ἵνα πᾶν ὄπερ ἂν εἴποιμεν στήρηται παρὰ πάντων (Συρο-πουλος, VIII, 16, 240).

²⁾ Συροπουλος, VIII, 16, 240. Подобный взглядъ на задачу и объемъ полномочій комиссіи вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характеристиченъ и по отно-шенію къ Виссаріону, показывая въ немъ гордую и властолюбивую натуру.

³⁾ Συροπουλος, VIII, 12, 234; Harduin, IX, 377.

⁴⁾ Συροπουλος, VIII, 12, 234; conf. VIII, 5, 222; Harduin, IX, 377.

ніе Виссаріона не прошло потому, что латиняне толковали письмо Максима иначе, чѣмъ греческая церковь ¹⁾. Въ слѣдующее или одно изъ слѣдующихъ засѣданій выступилъ Маркъ съ своимъ предложеніемъ ²⁾. Необходимымъ условіемъ соединенія онъ поставилъ уничтоженіе прибавки въ символѣ. Нечего и прибавлять, что это предложеніе было отвергнуто, какъ это вѣроятно заранѣе предполагалъ и Маркъ ³⁾. Такъ же отвергнуто было предложеніе (внесшій его неизвѣстенъ) — принять за основаніе для формулы соединенія посланіе св. Тарасія, гдѣ сказано было, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына ⁴⁾. Были ли сдѣланы въ эту пору другія предложенія въ родѣ вышеприведенныхъ, мы навѣрное не знаемъ ⁵⁾.

¹⁾ Mansi, XXXI, 972. В. С; Harduin, IX, 377. С. D; ср. Συροποολος, VIII, 15, 239.

²⁾ Ср. Συροп., VIII, 12, 234 и Hard. IX, 377. D. E. Что Маркъ долженъ былъ сдѣлать какое нибудь предложеніе, это необходимо предполагается его выдающимся положеніемъ на соборѣ и въ комиссіи; а что онъ сдѣлалъ именно нижеприводимое предложеніе, это подтверждается, кромѣ прямого свидѣтельства Сиропула, и тѣмъ, что съ своимъ прозваніемъ онъ выступалъ и прежде. Еще на первыхъ порахъ по прибытіи грековъ въ Италію онъ, въ своемъ похвальномъ словѣ (τῷ ἐγκωμίῳ) папѣ, высказалъ между прочимъ, по изложенію Сиропула, слѣдующіи мысли: εἰ θελήσαι (ὁ πάπας) ἐκβαλεῖν τὴν προσθήκην ἐκ τοῦ ἁγίου συμβόλου, παῦσαι δὲ καὶ τὴν δι' ἀζύμων νεκρῶν θυσίαν, εὐθὺς γενήσεται καὶ ἡ ἔνωσις, καὶ στερηθήσεται καὶ παρὰ πάντων. δύναται οὖν ὁ πάπας τοῦτο ποιῆσαι, καὶ εἰς μίαν ἐκκλησίαν πάντας συναγαγεῖ τοὺς Χριστιανοὺς (Συροποολος, V, 2, 114).

³⁾ За этимъ требованіемъ повидимому лишь виднѣея уступка, какъ понялъ ошибочно, а можетъ быть и намѣренно (ср. «Ист. елор. соб.», стр. 143) и Виссаріонъ, скрывалось невысказанное условіе, что латиняне должны отказаться отъ Filioque, и какъ догмата (Συροποολος, VIII, 16, 240—241).

⁴⁾ Harduin, IX, 377; Mansi, XXXI, 972.

⁵⁾ Правда, кардиналъ Чезарини въ общемъ обзорѣ дѣятельности собора, сдѣланномъ имъ нѣсколько поздне въ присутствіи латинскихъ членовъ собора и сообщенномъ Андрею de S. Cruce (Harduin, IX, 979—980), упомянулъ и о нѣкоторыхъ другихъ предложеніяхъ. Но онъ, къ сожалѣнію, не опредѣлялъ точно, въ какому времени относятся эти предложенія, и вообще не особенно заботился о соблюденіи строгой хронологической послѣдовательности и полной точности въ упомянутомъ обзорѣ, какъ это видно напримѣръ изъ сравненія его свидѣтельства о первомъ по времени предложеніи грековъ (col. 980. A) съ свидѣтельствомъ о томъ же Сиропула и автора греческихъ актовъ. (Срав. мѣтне Goethe, 136). Впрочемъ, эта неточность можетъ быть поставлена въ вину и Андрею, невѣрно изложившаго сообщеніе кардинала. Вотъ слова Чезарини: fuit proposita alia (via), quod illi (Graeci) confiterentur bene tenere, et nos, et quod ipsi bene tenerent secundum suum intellectum. Ita via fuit relecta per nos (Latinos), quia veritas non capit divisionem... Deinde fuit propositum, ut diffiniretur, quod procedit a Patre et a Filio, et a Patre

Но греческіе защитныя идеи соединенія на основаніи обоюдныхъ формулъ, и въ числѣ ихъ Виссаріонъ, еще не потеряли надежды на такого рода соединеніе. Когда, послѣ упомянутыхъ засѣданій, латиняне представили грекамъ свое изложеніе ученія объ исхожденіи, ученія, ни на одну іоту не отступавшаго отъ обычнаго римскаго воззрѣнія и потому отвергнутаго громаднымъ большинствомъ греческаго собора, Виссаріонъ, Исидоръ, Дороеей митиленскій и великій протосинкелль Григорій высказали предположительно, что можетъ быть возможно будетъ принять латинское изложеніе, измѣнивши въ немъ все что ¹⁾). Виссаріонъ и его единомышленники, повидимому, разумѣли подъ этимъ измѣненіемъ замѣну предлога „отъ“ предлогомъ „черезъ“, потому что на вопросъ противниковъ, какое измѣненіе могутъ они имѣть въ виду, Виссаріонъ и Исидоръ, по словамъ Сиропула, начали доказывать тождество предлога „черезъ“, употребляемаго восточными отцами, съ предлогомъ „отъ“ („изъ“), употребляемымъ западными ²⁾). Маркъ отрицалъ это тождество, и потому между нимъ съ одной стороны и Виссаріономъ, Исидоромъ и Григоріемъ протосинкелломъ съ другой — завязался горячій споръ (*καὶ πολὺς λόγος καὶ ἄφων ἐγένετο*) ³⁾, возобновившійся и въ слѣдующія собранія грековъ ⁴⁾. Формула латинянъ не была принята; большинство грековъ продолжало стоять за обоюдныя формулы и даже намѣтило въ главныхъ чертахъ содержаніе новой формулы, которую предполагалось представить латинянамъ ⁵⁾. Въ комиссіи, которая была образована для редактиврованія такой формулы и которая состояла изъ Виссаріона, Исидора, Гемиста, Георгія Схоларія и великаго хартофилакса, была предложена Схоларіемъ формула, гдѣ, правда, греческое ученіе объ исхожденіи Св. Духа было изложено словами отцовъ, но все же не прямо дѣлались латинянамъ значи-

per Filium: et haec via non visa est bona... Deputati sanctissimi domini Papae, замѣчаетъ въ заключеніе кардиналъ, semper steterunt constantes, ut diffinitur difficultas secundum dogma sanctae Romanae Ecclesiae: et post multos labores aliquando fuimus propinquoires desperationi quam conclusioni etc. (H. d., IX, 980. C).

¹⁾ Ἐὰν ἐναλλάξωμεν τι τῶν ἐγκειμένων αὐτῇ (ἐκθέσει) οὐ δεξώμεθα αὐτήν; (Συροποουλος, VIII, 14, 237).

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Συροποουλος, VIII, 15, 239.

⁵⁾ Συροποουλος, VIII, 16, 241—243.

тельные догматическія уступки ¹⁾). Виссаріонъ съ Исидоромъ одобрили эту формулу; одобрена она была большинствомъ голосовъ и на греческомъ соборѣ и затѣмъ передана латинянамъ. Послѣдніе не пошли однако и на эту сдѣлку: они потребовали или разъясненія различныхъ неопредѣленныхъ или двусмысленныхъ выраженій въ греческой формулѣ (что, разумѣется, не повело бы ни къ чему полезному въ практическомъ отношеніи), или простаго принятія латинской формулы ²⁾). Такимъ образомъ и эта попытка не удалась, и вслѣдствіе того почти всѣ греки, въ томъ числѣ, повидимому, и нѣкоторые радѣтели уніи, начали серьезно думать объ отъѣздѣ ³⁾).

Что же дѣлалъ въ эту пору Виссаріонъ? „Не проходило дня, рассказываетъ Сироцуль ⁴⁾, когда бы Русскій, Никейскій и великій протосинкеллъ не сходились для тайныхъ совѣщаній“. Сироцуль и самъ не говоритъ и никакихъ слуховъ не передаетъ о томъ, что было предметомъ этихъ совѣщаній. Но результатъ ихъ скоро самъ собою открылся: 27-го мая Виссаріонъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и епископами лакедемонскимъ и митиленскимъ заявили императору, что если послѣдній не соединится съ латинянами, то они соединятся ⁵⁾). Еще недавно императору приходилось, какъ говорится, подтапливать членовъ собора къ уніи; теперь обстоятельства и роли перемѣнились: названные выше лица сами производили давленіе на царя ⁶⁾). Виссаріонъ со своими единомышленниками началъ теперь съ царемъ ту же систему застрачиваній, которую практиковалъ

¹⁾ Συροπούλος, VIII, 17, 243—244; Harduin, IX, 380. E—381. A.

²⁾ Συροπούλος, VIII, 19, 245—247; Harduin, IX, 381.

³⁾ Mansi, XXXI, 976. E—977. A; Harduin, IX, 381. C. D. Не забудемъ, что это пишетъ вообще расположенный къ уніи человекъ.

⁴⁾ Συροπούλος, IX, 2, 250.

⁵⁾ εἰς τὴν ἡ βασιλεία σου οὐ θέλει ἐνωθῆναι, ἡμεῖς ἐνωόμεθα (Harduin, IX, 389. A; Mansi, XXXI, 985. E). День, въ который сдѣлано было это заявленіе, ἡμέρα τῆς τετάρτης τῆς πεντηκοστῆς (ibid.), т. е. среда 1-й седмицы по Пятидесятницѣ. Срав. выше, стр. 79.

⁶⁾ πολλὰ τοῦτου (τὸν βασιλέα) ἠνάγκασαν περὶ τῆς ἐνώσεως, читаемъ въ изданіяхъ греческихъ актовъ Labbei et Cosvartii (XIII, 473. E), Mansi (XXXI, 985. E) и въ римскомъ изданіи «монаха бенедиктинскаго». Срав. старыи латинскій переводъ Каріолина: multos etiam ei stimulos admoverunt ad concipiendam unionem (Harduin, IX, 390. A). Въ виду этого пропуска слова πολλὰ въ вышеприведенномъ текстѣ греческихъ актовъ, замѣчаемый въ изданіи Гардуина (IX, 389. A), слѣдуетъ повидимому считать простой корректурной ошибкой.

дотолѣ одинъ царь. Расчетъ партіи Виссаріона оказался вѣрнымъ: царь еще съ большимъ, чѣмъ прежде, рвеніемъ сталъ хлопотать объ униі 1). Весьма вѣроятно также, что благодаря въ значительной степени именно ихъ соединеннымъ усиліямъ, въ ближайшихъ послѣ указанного событія собраніяхъ грековъ 2) было принято чрезвычайно важное рѣшеніе: признавать творенія западныхъ отцовъ, на которыхъ ссылались латиняне, подлинными и принимать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ имѣютъ ихъ сами латиняне 3); а такого рода рѣшеніемъ уже предполагалось принятіе и латинскаго ученія, какъ дѣйствительно и случилось. Роль Виссаріона на этихъ собраніяхъ была очень видная. Онъ прочиталъ изъ писаній восточныхъ отцовъ тѣ мѣста, которыя, какъ ему казалось, подтверждаютъ латинское ученіе объ исхожденіи Духа и отъ Сына. Сиропуль утверждаетъ, что онъ читалъ ихъ внѣ связи, безъ начала и конца мысли 4). Очень возможно, что Виссаріонъ дѣйствительно дозволилъ себѣ нѣчто подобное. Въ это и вообще въ послѣднее время онъ видимо спѣшилъ съ унией и, самъ высказываясь за исключительную истинность латинскаго ученія 5), рѣшительно выходилъ изъ себя, когда кто нибудь изъ грековъ начиналъ колебаться даже относительно тѣхъ уступокъ, которыя уже сдѣ-

1) ταῦτα ἀκούσας ὁ βασιλεὺς, ἐδειλίασε τὴν στάσιν αὐτῶν, καὶ δὴ ἤρξατο τὴν ὁρμὴν τῆς ἐνώσεως (Harduin, IX, 389. A).

2) 28-го и 29-го мая, по свидѣтельству автора Acta graeca (Harduin, IX, 389. 392).

3) Harduin, IX, 389. 392; Συροποῦλος, IX, 3, 253.

4) Συροποῦλος, IX, 7, 258: συνήλθομεν, καὶ προκομίσας ὁ Νικαίας βιβλίον ἀνέγνω ῥητά τινα τοῦ ἁγίου Κυρίλλου, τῶν μὲν τὰ περὶ τὰς ἀρχὰς ἀφαιρῶν καὶ παρασιωπῶν, τῶν δὲ περιχόπτων τὰ τέλη καὶ κολοβῶν. εἶτ' ἀνέγνω τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου παρεφθαρμένα τινα καὶ ἀσύμφωνα, καὶ μετὰς ἐποίησε τὰς ἀκοὰς τῶν γνωμοδοτησάντων. καὶ πολλαγοὺ λέγουσι: τοῦτ' οἱ ἅγιοι ἔφασκεν. Cf. Harduin, IX, 389. E. Замѣтимъ при этомъ къ слову, что Виссаріонъ въ разсматриваемое время повидимому занимался у себя на дому и изученіемъ актовъ вселенскихъ соборовъ. См. Συροп., IX, 4, 254. Ср. еще Goethe, 188.

5) Въ собраніи грековъ 2 іюня, при дачѣ голосовъ относительно Filioque, εἶπεν ὁ τοποτηρητὴς τοῦ Ἀντιοχείας πατριάρχου ὁ Ῥωσίας Ἰσιδώρος. Καὶ τὰ ῥητά τῶν ἁγίων τῶν δυτικῶν δεχτέα, καὶ τὸ Πνεῦμα ἔχει τὸ εἶναι ἐκ τοῦ Υἱοῦ, καὶ ὁ Πατὴρ καὶ ὁ Υἱὸς μία ἀρχὴ τοῦ Πνεύματος τοῦ ἁγίου. οὕτω συντίθεμαι, οὕτως ὁμολογῶ, καὶ οὕτω κηρύττω ἐνώπιον Θεοῦ καὶ ὁμῶν. Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Νικαίας Βησσαρίων εἶπε γνώμην ταυτὰ συμφρονῶν πλὴν ἐδημηγόρησεν ἔριμον εὐρῶν τὴν γνώμην αὐτοῦ, καὶ παρέστησεν ἐναργῶς, ἀδύνατον εἶναι σωθῆναι Χριστιανόν, μὴ ὁμολογοῦντα τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἐκ τοῦ Πατρὸς καὶ ἐκ τοῦ Υἱοῦ (Harduin, IX, 396. E).

лалъ латинянамъ ¹⁾). Само собою разумѣется, что ни въ чемъ не уступавшаго Марка онъ теперь совсѣмъ терпѣть не могъ ²⁾).

Согласіе большинства грековъ на унію однако еще не было обезпечено. Лишь послѣ того, какъ патріархъ воспользовался своимъ личнымъ вліаніемъ на нѣкоторыхъ епископовъ ³⁾, — послѣ того, какъ Исидоръ устроилъ богатое угощеніе для однихъ епископовъ и здѣсь выманилъ у нихъ согласіе ⁴⁾, а императоръ разными способами привлекъ на сторону уніи другихъ ⁵⁾, — только послѣ этого благоприятный исходъ окончательнаго голосованія былъ обезпеченъ ⁶⁾).

Но оставались еще другіе пункты разностей. Чтобы легче уладить дѣло, императоръ, можетъ быть по совѣту Виссаріона, Исидора и Григорія ⁷⁾, предоставилъ веденіе предварительныхъ переговоровъ депутатамъ, расположеннымъ къ уніи ⁸⁾). Въ числѣ ихъ былъ и Виссаріонъ. При такомъ составѣ депутатовъ уступки латинянамъ были неизбежны. Онѣ и были сдѣланы. Прежде всего по вопросу о хлѣбѣ для евхаристіи депутаты признали безразличнымъ употребленіе кваснаго или прѣснаго хлѣба ⁹⁾). Еще болѣе важную уступку сдѣлали они по вопросу о словахъ пресуществленія. Они признали, что съ произнесеніемъ словъ Спасителя: „пріимите, ядите“ и проч., хлѣбъ и вино немедленно претворяются въ тѣло и кровь Христову, и что

¹⁾ Въ одномъ изъ собраній грековъ, рассказываетъ Сиропулъ (IX, 5, 255), εἶπεν ὁ Ἰρακλειῆς ὅτι καλὸν ἂν ἦν εἰ παρείχετε ἡμῖν τὴν ἕκθεσιν ἣν ἐστάλατε τοῖς Λατίνοις. Ἄπαξ γὰρ μόνον ἤκούσαμεν αὐτῆν. ἔδει δὲ πλεονάκις ἰδεῖν καὶ ἀκέψασθαι περὶ αὐτῆς. καὶ εὐθὺς ἔφη ὁ Νικαίας, ὅτι αἰσχρὴν ἔσται τοῦτ' ὑμετέρα, τὸ δόξαι, ὡς ἤκούσατε μὲν, ἐπελάθεσθε δὲ ταύτης. οὐ γὰρ δεῖ ὑμᾶς οὕτως ἐπιλανθάνεσθαι τῶν λεγομένων καὶ ἀκουομένων ἐνθάδε. Καὶ οὕτως ἀπερρήτισε καὶ παρεκρούσατο τὸν λόγον τοῦ Ἰρακλειῆς.

²⁾ Припомнимъ характерную сцену между Маркомъ и Виссаріономъ, рассказанную Сиропуломъ (IX, 6, 257) и уже приведенную нами выше на стр. 29.

³⁾ Συροπουλος, IX, 8, 260—261.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Συροπ., IX, 8, 261; IX, 9, 262.

⁶⁾ Harduin, IX, 400—401.

⁷⁾ Ср. Συροп., X, I, 277, гдѣ говорится: Ἐκδημήσαντος τοῦ πατριάρχου μόνος καταλειφθεὶς ὁ βασιλεὺς διαπραγματεύετο γραφῆναι τὸν ὕρον καὶ τὴν ἐνωσιν τελεσθῆναι. ἔχων συμβούλους πρὸς τοῦτο καὶ συνέρχους, τὸν Ῥωσίας, τὸν Νικαίας, καὶ τὸν μέγαν Πρωτοσύγκελλον, ἧ τότε ἀληθέστερον εἶπεῖν δεξιῶς περισκελιστάς.

⁸⁾ Harduin, IX, 401. E.

⁹⁾ Harduin, IX, 401. E, 404. A; cf. Συροπουλος, V, 2, 114; Макарий, Православно-догматическое богословіе, 1852, т. IV, § 214.

слѣдующая затѣмъ въ греческомъ чиноположеніи молитва о предложениі относится собственно къ причащающимся: этою молитвою испрашивается, чтобы Духъ Святыи сошелъ на приобщающихся и въ нихъ содѣлалъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію, дабы освященные дары были имъ въ очищеніе души и въ оставленіе грѣховъ, а не въ судъ или осужденіе ¹⁾). Уклончиво и неясно, а потому и не вполне противно ученію своей церкви, высказались депутаты по вопросу о чистилищѣ ²⁾); впрочемъ день спустя они сами лично были по видимому готовы уступить латинянамъ и по этому вопросу ³⁾). За то къ чести ихъ нужно сказать, что они, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, съ большой энергіей и съ большой свободой протестовали противъ папскихъ привиллегій и въ частности противъ права папы—дѣлать прибавки къ символу ⁴⁾). Къ сожалѣнію, они не остались при первоначальномъ своемъ мнѣніи по этому вопросу, и имъ принадлежитъ неслестная заслуга—добиться отъ императора и грековъ согласія на полную почти уступку латинянамъ и по этому пункту ⁵⁾), всего оцутительнѣе затрогивавшему интересы грековъ и — какъ показало время—послужившему однимъ изъ главнѣйшихъ псевдо-каноническихъ основаній для ученія о непогрѣшимости и главенствѣ папы ⁶⁾).

Какую роль игралъ собственно Виссаріонъ въ вышеуказанныхъ переговорахъ, опредѣлить трудно. Можно сказать лишь то, что онъ былъ вполне согласенъ съ вышеприведенными заявленіями или—точнѣе—мнѣніями греческихъ делегатовъ. То же слѣдуетъ сказать и о послѣдовавшихъ затѣмъ заявленіяхъ нѣкоторыхъ грековъ, о которыхъ разсказываетъ авторъ Астагтаеса. Послѣ смерти патріарха Іосифа, папа — читаемъ въ астахъ—призвалъ къ себѣ Исидора русскаго, Виссаріона ни-

¹⁾ Harduin, IX, 404. В. С.

²⁾ Ibid. А.

³⁾ Harduin, IX, 405. А; Mansi, XXXI, 1008. В; cf. 1005. Е, 1004. Е.

⁴⁾ Harduin, IX, 405. А; Mansi, XXXI, 1008. А. В.

⁵⁾ Harduin, IX, 413; Mansi, XXXI, 1020.

⁶⁾ Виссаріону, какъ и другимъ уніонистамъ, разумѣется, и въ голову не приходило, какіе выводы сдѣлаетъ изъ ихъ опредѣленія ватиканскій соборъ 1870 г. при Піѣ IX. Если бы они могли предугадать это, то безъ всякаго сомнѣнія были бы гораздо осторожнѣе въ своихъ уступкахъ латинянамъ: догматъ папской непогрѣшимости и имъ, какъ и всякому не воспитанному въ воззрѣніяхъ запада человѣку, долженъ былъ показаться не инымъ чѣмъ, какъ возмутительнымъ и нетерпимымъ кощунствомъ.

вейскаго и Дороея митиленскаго и вновь поставилъ вопросъ о разностяхъ. Названныя лица дали такой отвѣтъ: „Соборомъ восточныхъ мы не уполномочены отвѣчать; но частнымъ образомъ, лично отъ себя самихъ, мы говоримъ слѣдующее: квасный хлѣбъ преданъ намъ отцами, такъ же какъ и опрѣсноки у васъ, и то и другое да будетъ безразлично. Что же касается чистилица, то не ради его мы раздѣлились, и вопросъ о немъ не есть неотложный вопросъ; пусть произойдетъ соединеніе, и тогда разсудимъ и объ этомъ. Относительно главенства папы говоримъ: пусть папа послѣ соединенія пользуется тѣмъ, что ему по праву принадлежить. Что касается прибавки къ символу, то сами мы никогда не примемъ ея, но дозволяемъ вамъ имѣть ее въ вашихъ церквахъ, только не въ восточныхъ,—и говоримъ, что этой прибавкой вы разъяснили символъ подъ давленіемъ необходимости, и не говоримъ, что выраженіе „отъ Сына“ содержитъ иную вѣру или есть какая нибудь прибавка (въ собственномъ смыслѣ): оно благочестиво и есть разъясненіе нашего символа; и оба символа благочестивы и по смыслу тождественны, и вслѣдствіе того символъ можетъ читаться въ римской церкви такъ, какъ вы читаете, а въ восточной такъ, какъ мы читаемъ,—и на этихъ условіяхъ пусть состоится соединеніе ¹⁾. Что же касается тайнъ тѣла и крови Господней, то признаемъ, что онѣ совершаются словами Господними, хотя мы и дѣлаемъ потому особое призываніе въ словахъ: да будутъ хлѣбъ и вино тѣломъ и кровію Христа“ ²⁾. Какъ видимъ, греческіе делегаты по нѣкоторымъ пунктамъ разностей высказали свое полное согласіе съ латинянами, по другимъ выразились уклончиво; однако самая эта уклончивость, свидѣтельствуя объ ихъ дипломатическихъ способностяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ въ нихъ людей, способныхъ уступить и здѣсь. Правда, чрезъ нѣсколько времени Виссаріонъ, по порученію императора, велъ еще пренія съ Иоанномъ изъ Рагузы или съ Черной Горы (de Monte Nigro) ³⁾ по вопросу о власти папы; но ближайшія

¹⁾ καὶ οὐ λέγομεν τὴν, ἐκ τοῦ Υἱοῦ, φωνήν, ἢ ἕτεραν πίστιν ἢ προσθήκην τινά, ἀλλ' εὐσεβῆ, καὶ σαφένειαν τοῦ ἡμετέρου συμβόλου· καὶ εἰσι τὰ σύμβολα ἀμφότερα εὐσεβῆ, καὶ ὁμονοημένα λέγεσθαι ἐν τῇ τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίᾳ καθὼς ὑμεῖς λέγετε, καὶ ἐν τῇ ἀνατολικῇ καθὼς αὐτοὶ ἡμεῖς λέγομεν, καὶ οὕτω γενέσθω ἡ ἕνωσις (Hard. IX, 408. C).

²⁾ Harduin, IX, 408. B. C; Mansi, XXXI, 1009. E—1012. A. B.

³⁾ Hefele, VII, 681; Goethe, 126.

событія показали, что эти пренія были едвали не одной простой формальностью. Притомъ онѣ носили, повидимому, характеръ не столько преній въ собственномъ смыслѣ, сколько оправданій латинянами своего ученія, потребованныхъ греками, такъ сказать, для очищенія совѣсти ¹⁾.

Этотъ послѣдній періодъ въ исторіи флорентійскаго собора, т. е. періодъ двусмысленныхъ формулъ и полуоффиціальныхъ переговоровъ грековъ съ латинянами, обнимаетъ время, когда на образѣ дѣйствій Виссаріона лежитъ печальная тѣнь. Если прежде, когда обсуждался вопросъ объ исхожденіи Св. Духа, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ могъ руководиться убѣжденіемъ, и это обстоятельство въ сильной степени извиняло нѣкоторыя его сами по себѣ не особенно красивыя дѣйствія по отношенію къ другимъ членамъ собора, то здѣсь, въ этихъ переговорахъ и сдѣлкахъ, онъ едвали могъ руководиться исключительно убѣжденіемъ. Мы еще можемъ допустить, что вопросы о чистилищѣ и словахъ пресуществленія, по ихъ невыясненности въ сознаніи самихъ грековъ, онъ могъ не считать существеннымъ препятствіемъ къ униі. Но что сказать объ его уступкѣхъ притязаніямъ

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ сообщаются въ такъ наз. Acta latina (Harduin, IX, 967 sqq.). Здѣсь представляетъ интересъ прежде всего заявленіе одного изъ кардиналовъ, 20 іюня, что pridie... dominus Firmanus et Venetiarum, et alii patres fuerunt ad dominum Imperatorem, et inter alia sua serenitas dixit, et per se, et verbo domini Nicaeni, quod volebat informari de quibusdam facientibus ad potestatem Romani Pontificis (col. 967. D). Далѣе имѣютъ значеніе слѣдующія заявленія и соображенія Іоанна изъ Равенны, иначе Провинціала: De mandato et benedictione sanctissimi domini nostri, quia pridem cum reverendissimi domini cardinales et alii deputati coram domino Imperatore essent, super terminis positus in materia primatus sedis Apostolicae, petiit serenitas sua habere declarationem: et ut declaratio possit esse amplior, commisit domino Nicaeno, ut quaedam moveret in contrarium, quibus responderemus. Et quia more disputantium res haec est introducta, juxta propositionem, respondebo ad motiva paternitatis suae, ex quibus apparebit declaratio eorum quae Imperator petebat: et si post mea verba paternitas sua quid voluerit replicare, semper nostra ecclesia et ego paratus ero declarare (col. 968. A). Затѣмъ Провинціалъ отвѣчалъ на разныя «objectioes» съ греческой стороны (col. 968. C, 971. E), отвѣчалъ (разумѣется, отрицательно) на вопросъ Нижегородскаго: haec potestas quae datur capiti, estne talis, ut ea quae datur uni metropolitano in sua metropoli, et uni patriarchae in suo patriarchatu? (col. 973. B) и т. п. Такимъ образомъ на основаніи рѣчи Провинціала можно востановить лишь сущность Виссаріоновой рѣчи, да и то не съ достаточной полнотой и ясностью, и потому нельзя не пожалѣть, что Andreas de Sancta Cruce, внесши въ свой рассказъ рѣчь Іоанна Провинціала, не внесъ въ него и рѣчи Виссаріона.

папства? Объ убѣжденіи въ основательности этихъ притязаній не можетъ быть и рѣчи: для всякаго грека, если только онъ не возросъ на западѣ и не воспитался въ тамошнихъ понятіяхъ, или по крайней мѣрѣ долго не жилъ тамъ, въ средѣ латинянъ, подобныя притязанія были величайшей нелѣпностью. И однако усиліями Виссаріона вмѣстѣ съ немногими другими сдѣлано было то, что греки признали папу намѣстникомъ Христа, пастыремъ и учителемъ всѣхъ христіанъ. Мало того: Виссаріонъ, какъ и его единомышленники, не только уступалъ требованіямъ латинянъ (что было бы хотя сколько-нибудь извинительно), но даже повидимому поддерживалъ ихъ въ этихъ требованіяхъ. Изъ изложенія Сиропула ¹⁾ слѣдуетъ, что Виссаріонъ съ Исидоромъ дали поводъ латинянамъ особенно усиленно настаивать на внесеніи въ соборное опредѣленіе особаго пункта о томъ, что папа можетъ принимать апелляціи на царя и патріарховъ, или по меньшей мѣрѣ поддерживали латинянъ въ этихъ ихъ требованіяхъ и дѣлали ихъ болѣе смѣлыми. На это даже открыто жаловался самъ императоръ; а онъ больше всѣхъ заинтересованъ былъ въ заключеніи уніи. „Если бы, говорилъ онъ, наши не подстрекали латинянъ, то послѣдніе не говорили бы и не желали этого; я даже знаю, кто и подстрекаетъ ихъ къ этому“ ²⁾. Изъ контекста рѣчи у Сиропула нетрудно догадаться, кто были эти горячіе защитники дѣла латинянъ ³⁾.

¹⁾ Συροπουλος, X, 3, 281.

²⁾ εἰ οὐκ εἶχον οἱ λατῖνοι τὰς εἰσηγήσεις παρὰ τῶν ἡμετέρων, οὐκ ἂν ἔλεγον οὐδὲ ἐζήτουν τὰ τοιαῦτα. ἐγὼ δὲ οἶδα καὶ τινές εἰσὶν οἱ ἐρετίζοντες ἐκείνους (Συροπουλος, X, 3, 281).

³⁾ Въ эту пору Виссаріонъ конечно долженъ былъ чувствовать и вѣроятно чувствовалъ нѣкоторые укоры совѣсти за свой образъ дѣйствій, хотя и старался всячески извинить его предъ собою нуждами родины. Но съ теченіемъ времени, сжившись съ латинскими возрѣніями, онъ разумѣется пересталъ упрекать себя за измѣну своей прежней матеря—церкви. Вотъ что писалъ онъ въ 1463 году къ константинопольской церкви въ своемъ патріаршемъ посланіи къ ней: ἦν (τῆν ἐν τῇ πίστει ἀληθῆ εὐρεσίᾳ) τοσοῦτον μᾶλλον ἢ πρότερον περὶ πλείστου τε καὶ τοῦ παντός ποιῶμαι, ὅσα ἤδη τοῦ γήραος ἐπιστάντος ἀλλεπάλληλοι νόσοι ἐπιούσαι ἀπειλοῦσι μοι θάνατον ὁσημέραι, καὶ ἀβίωτον ποιούσι τὸν βίον. Οἶδα πάντας, ἀδελφοὶ καὶ πατέρες, οἶδα καὶ με λέληθεν οὐδαμῶς· οὐκ ἔτι μοι ἐπὶ πολὺ βιωτέον, καὶ ὡς καιρὸς ἤδη ἐφέστηκεν τῆς ἀναλύσεως· ὅτε (καθὰ γὰρ οἱ τοῦτων πεπειραμένοι φασὶν) ἔπεισι τοῖς ἀνθρώποις οὐ μικρὸν θέος, περὶ ὧν οὐ πάντοτε πρότερον ἔδειξασαν, ἐπιστάμενον ἤδη τὸν καιρὸν βλέπουσι τοῦ λόγον ἀποδοῦναι τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς. Ἐμεῖ δὲ ὅμως ὅσα μᾶλλον γεινιάζει ὁ θάνατος, τοσοῦτον

Переговоры были кончены; оставалось только, на основании отдѣльных постановленій по частнымъ пунктамъ, составленныхъ прежде, написать общее соборное опредѣленіе. Въ организованную для этой цѣли комиссію вошелъ, какъ само собою разумѣется, и Виссаріонъ. Въ формулированіи греческаго текста опредѣленія онъ принималъ весьма дѣятельное участіе¹⁾.

πλέον παραμυθεῖται τῆς πίστεως τὸ ἀκρεφνές, ἐλπίζοντα τὸ ἐξ ἔργων ἑλλείπον τῆ σωτηρία ἀναπληρωθῆσθαι τῆ τῶν δογμάτων τῶν ὀρθῶν δόξῃ (Migne, CLXI, 461. B. C).

¹⁾ Сиропулъ, сказавши (X, 2, 281), что ἔγραψε αὐτὸν (τὸν ὄρον) ὁ μοναχὸς Ἀμβρόσιος ὁ λατίνος, ἐκεῖνος γὰρ ἦν τῆς ἐλληνικῆς παιδείας εἰδημονέστερος, сообщаетъ затѣмъ слѣдующее (X, 3, 281): Ἠθέλησε δὲ ὁ Νικαίας μεταποιῆσαι λέξεις τινὰς πρὸς ἐλληνικωτέραν καλλιέπειαν. συνήγοντο οὖν οἱ λογιώτεροι τῶν λατίνων, καὶ ἦν ἂν λέξιν ἔλεγεν ὁ Νικαίας ἐξήταζον καὶ ἐσαφηνίζον αὐτὴν ὥραν πολλήν, ἐνίοτε καὶ μέχρι δύο ὀρῶν. καὶ εἰ μὲν ἤρῃσκοντο ἐπὶ τῇ λέξει οἱ πρὸς τοῦτ' ἐκλελεγμένοι λατῖνοι, ἐπίτετο. εἰ δὲ τινὶ αὐτῶν ἀπήρῃσκε, ἤφιστο. ἐγένετο δὲ τοῦτο ἐπὶ δέκα ἡμέρας, καὶ ἔγραψαν αὐτὸν καθὼς ὀράται.—Относительно того прозвѣта соборнаго опредѣленія, въ который внесены были нѣкоторыя изъ предложенныхъ Виссаріономъ поправки, интересно мнѣніе Гете. Указавши вышеприведенныя слова Сиропула: ἔγραψε αὐτὸν (τὸν ὄρον) ὁ μοναχὸς Ἀμβρόσιος ὁ λατίνος, и приведши свидѣтельство автора греческихъ актовъ о томъ, что 28 іюня ἦλθον οἱ ἀποταγαμένοι τῶν Λατίνων, καὶ ἔλαβον τοὺς ἡμετέρους, καὶ ἀπῆλθον ἐν τῷ ναῶ τοῦ ἀγίου Φρανκίσκου. καὶ καθίσαντες ἐποίησαν τὸν ὄρον τῆς ἐνώσεως (L a b b e, XIII, 505. D, H a r d u i n, IX, 416. C),—нѣмецкій изслѣдователь замѣчаетъ слѣдующее: Wir halten es für das Richtige, die Angaben beider Quellen in der Weise zu vereinigen, dass wir annehmen, Ambrogio habe im Auftrage der Lateiner... einen Entwurf der Unions-Urkunde in lateinischer und griechischer Sprache vorbereitet, welcher dann als Grundlage für die definitive Textes-Herstellung derselben in der Commission diente. Man könnte gar wohl dieses Factum als Grundlage der übelwollenden Aeusserung des Syropulos ansehen, welche den eben angeführten Worten desselben unmittelbar vorhergeht, wenn wir nicht annehmen, dass er bei dieser Aeusserung nur an den Inhalt, nicht aber den Wortlaut der Unions-Urkunde dachte.—καὶ συνέβησαν ἐκείνοι: (die Lateiner) τὸν ὄρον καθὼς ἤθελον.—Die Abfassung des lateinischen Textes der Urkunde konnte dem Ambrogio Traversari keine Mühe verursachen. Hier hatte er Nichts zu thun, als ein die Union verherrlichendes Prooemium zu schreiben und hieran die schriftlichen Vereinbarungen beider Nationen zu reihen. Man kann sagen verbo tenus, denn die Veränderungen in der grammatischen Construction, welche diese Anreihung hervorrief, sind kaum der Rede werth. Etwas Anderes ist es mit dem griechischen Texte. Dieser musste erst durch Uebersetzung der lateinischen Vereinbarungen, mit Benutzung des etwa griechisch aus den Verhandlungen schriftlich vorliegenden Materials, geschaffen werden (G o e t h e, S. 141).—Не лишены также интереса слѣдующія замѣчанія Фромманна: Wir haben uns den Hergang etwa so zu denken, dass die Lateiner zuerst unter sich die den Griechen vorzulegenden Entwürfe lateinisch durchberiethen und formulirten. Verfasser der lateinischen Concepte ist höchst wahrscheinlich ebenfalls Ambrosius (Traversari) gewesen, der sie dann in die griechische Form brachte, wie

Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующей характерной подробности. Виссаріонъ съ Исидоромъ предлагали грекамъ прибавить, въ концѣ опредѣленія, отлученіе и анаѹему на тѣхъ, кто не приметъ опредѣленія или будетъ противиться ему, и весьма настаивали на своемъ предложеніи ¹⁾. Сопоставляя ихъ предложеніе съ послѣдовавшей за симъ перебранкой между Исидоромъ и протосинкелломъ ²⁾, мы вправѣ, повидимому, думать, что это предложеніе сдѣлано было въ надеждѣ на то, что Исидоръ займетъ константинопольскій патриаршій престолъ, и съ цѣлью заранѣе снабдить его полномочіемъ для борьбы съ врагами уніи ³⁾. Такимъ образомъ Виссаріонъ съ Исидоромъ

sie den Griechen vorgelegt werden mussten... Darauf wurden die griechischen Entwürfe der Lateiner griechisch (d. i. von den Griechen) discutirt und amendirt, und in der veränderten Form dann wieder auch lateinisch umredigirt. Zum Schluss machte sich Bessarion daran, die einzelnen Entwürfe in einem möglichst reinen Griechisch zum wohlklingenden Ganzen zusammenzufügen, und seine Hand ist an den mehr oder weniger grossen Abweichungen des Decrets von den ursprünglichen Entwürfen (besonders z. B. in Bezug auf die Stelle über den hl. Geist) deutlich erkennbar. Darauf endlich passte Ambrosius (Traversari) dieser Verbesserung des griechischen Textes auch die Form des lateinischen möglichst an. So kam das Decret in der lebendigsten Wechselwirkung der beider Sprachen zu Stande (F r o m m a n n, Zur Kritik des Florentiner Unionsdecrets, Leipzig, 1870, S. 25 folg., по Hefele, VII, 741—742).

¹⁾ Συροπουλος, X, 5, 284: ἡ συνθήκη καὶ ἡ φράσις τοῦ ὅρου ἤδη πρὸς πέρας ἦν. εἶπον οὖν ὅτε Ῥωσίας καὶ ὁ Νικαῖος ὅτι ἐν τῷ τέλει δεῖ προσθεῖναι καὶ ἀφισιμὸν, καὶ ἀνάθεμα, κατὰ τῶν μὴ στερηόντων, ἢ κατὰ τῶν ἐναντιωθησομένων αὐτόν. ἀντίστην οὖν πρὸς τοῦτο ὁ Τραπεζούντος, καὶ ὁ μέγας Πρωτοσύγκελλος, συμφώνει δὲ αὐτοῖς καὶ ὁ βασιλεὺς, καὶ γέγονε φιλονεικία μεγάλη (cf. *ibid.* pag. 286).

²⁾ Тότε, читаемъ у Сиропула вслѣдъ за вышеприведенными словами, εἶπεν ὁ μέγας Πρωτοσύγκελλος πρὸς τὸν βασιλέα, πληροφόρησον δέσποτά μου ἄγιε τοὺς παρόντας ὅτι ἐνταῦθα οὐ γενήσεται τις πατριάρχης. παράττονται γὰρ λογισμοὶ τινῶν περὶ τοῦτου. καὶ ὄρισον, ὡς οὐ ποιήσεις ἐνθάδε πατριάρχην ἵνα εἰρηνεύσωσιν οἱ λογισμοὶ τῶν παραιτούμενων. ἀνιπτόμενος δι' αὐτῶν καὶ εἰρηνευόμενος τὸν Ῥωσίας... ἐξήλθον οὖν τότε ὁ τε Ῥωσίας (καί?) ὁ μέγας Πρωτοσύγκελλος διενηγεμένοι πρὸς ἀλλήλους καὶ πρότερον γὰρ ἀπθῶς διέκειντο ἀλλήλοις, ὅτε δὲ ἐβουλεύοντο καὶ κατασκευάζον τὴν ἔνωσιν συνήφθησαν εἰς φιλίαν, καὶ μετὰ τὸ συστήσαι αὐτὴν αὐθις διηγέθησαν. καὶ ἐν ἑτέρῃ δὲ συζητήσει τινῶν κεφαλαίων ἐνώπιον τοῦ βασιλέως ἐφίλονεικίσαν ἀναίδην. καὶ εἶπεν ὁ μέγας Πρωτοσύγκελλος, δέσποτα Ῥωσίας οὐ γενήσῃ πατριάρχης, ἐὰν δὲ γένη κάθελε πρῶτον ἐμέ. πρὸς ὃν ὁ Ῥωσίας ἀπεκρίνατο. θεωρῶ ὅτι ὑβρίζεις με, καὶ πρότερον γὰρ εἶπες τινὰ ἀνάξια ἐμοὶ. καὶ νῦν εἶπες πολλὰ. λέγω σοι οὖν μηδὲν με παρακινήσεις ἵνα χωρήσῃ καγῶ εἰς τοιοῦτους λόγους. ὁ δὲ πάλιν ἔφη, λέγω σοι ὅταν γένη πατριάρχης σὺ κάθελε πρῶτον ἐμέ (Συροπουλος, X, 5, 284—286).

³⁾ Весьма вѣроятно, что такую надежду подаль Исидору папа Евгений, разсчитывавшій чрезъ то еще больше усилить его рвеніе въ улаженіи дѣла уніи. Притомъ и Сиропулъ, рассказывая о послѣднихъ дняхъ пребыванія

хотѣли испробовать рѣшительныя и крутыя мѣры для обезпеченія судьбы уніи на востокѣ, — хотѣли смѣлой, хотя и рискованной мѣрой запугать православныхъ. Планъ ихъ однако не былъ поддержанъ, судя по изложенію Сиропула, ни однимъ изъ грековъ, хотя между послѣдними были очень энергичные сторонники уніи. И это понятно: подписавъ опредѣленіе, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, каждый отлично понималъ, что онъ уже этимъ однимъ приготовилъ для себя въ Греціи, по возвращеніи туда, не малыя непріятности, особенно на первыхъ порахъ; подвергнуть же прямой анаѣемѣ всѣхъ противниковъ уніи въ Греціи значило сдѣлать свое положеніе тамъ совершенно невозможнымъ, нестерпимымъ. И такъ предложеніе Виссаріона и Исидора было отвергнуто; но за то оно дало имъ еще большее право на признательность римскаго престола ¹⁾.

Вслѣдствіе рѣшительнаго отказа грековъ вносить въ соборное опредѣленіе что нибудь о словахъ пресущественія, латиняне потребовали, чтобы греки, по крайней мѣрѣ, устно изложили свое (разумѣется, согласное съ латинскимъ) ученіе о словахъ и времени пресущественія. Это требованіе и было исполнено, предъ подписаніемъ папою декрета ²⁾. Изложеніе

грековъ въ Италіи, говорить: 'Ο δὲ πάπας ἐμήνοσε πάλιν τῷ βασιλεῖ, ὅτι ἀναγκαῖον ἐστὶν ἵνα ποιῆσῃ ἐνταῦθα πατριάρχη. συμφέροι γὰρ κατὰ πολλοὺς τρόπους, καὶ μάλιστα εἰς τὴν βεβαίωσιν τῆς ἐνώσεως πάντως οὖν τοὺς κρείττους ὧν ἔχεις ἐξελέξω καὶ ἤγαγες ἐνταῦθα. ἐκ τούτων οὖν πάλιν ἐκλέξῃ τὸν πατριάρχη, καὶ λοιπὸν ποιήσων αὐτὸν ἐνθάδε. ἐπεὶ οὐδὲν σοι λείπεται πρὸς τὸ ἐκλέξασθαι ὃν ἂν ἐθέλῃς. εἰσηγήσαντο δὲ ταῦτα τῷ πάπᾳ τινὲς τῶν ἀρχιερέων ὑποβολῇ τοῦ Ῥωσῆας ὡς ἐπιεμένου τοῦ πατριαρχείου (Συροπουλος, X, 16, 304—305).

¹⁾ Справедливость требуетъ впрочемъ замѣтить, что подобное предложеніе дѣлалъ прежде и Георгій Схоларій. Въ его «Λόγος πρῶτος πρὸς τὴν ἐν Φλωρεντία σύνοδον ὑπὲρ εἰρήνης» читаемъ: 'Ανάγκη δὲ καὶ τοῖς ἄλλοις αὐτῇ (συνόδῳ) τὸ σχῆμα τῶν οἰκουμενικῶν συνόδων ἀκριβῶς περιώζειν, ὧν ἐν ἐστὶ καὶ τὸ προὔργου μὲν περὶ τῶν ἐκάστοτε ζητουμένων σκοπεῖν, καὶ τῶν αἰτίων τοῦ σχίσματος· καὶ μετὰ πολλοὺς ἀγῶνας καὶ λόγους ἐκατέρωθεν γινομένους τῇ μὲν τάλῃθες ἀνευρίσκειν, τῇ δὲ τοῦναντίον· κακῆϊο μὲν ἀναγορεύειν, τὸ δὲ ψεῦδος ἀποκηρύττειν· καὶ τοὺς μὲν πειθομένους ὀρθοδόξους εἶναι· λοιπὸν, τοὺς δ' ἐστὶ φιλονεικοῦντας ταῖς τῶν αἰρετικῶν εὐθύναις ὑπάγεσθαι· ὥστε δύνασθαι τὴν οἰκουμένην πᾶσαν ἐκείθεν ἀπλῆν περὶ τῶν πρότερον ἀμφισβητούμενων δόξαν φυλάττειν, καὶ τοὺς ἄλλοι τι λέγοντας μὴ προσέειναι (Migne, CLX, 413. D).

²⁾ Соборное опредѣленіе было подписано повидимому сначала греками, потомъ латинянами, при чемъ первые подписались подъ греческимъ текстомъ опредѣленія, представлявшаго родъ диптиха, послѣдніе же подъ латинскимъ текстомъ (Συροπουλος, X, 9, 294, cf. 292; Goethe, 24, 100—101). Этотъ оригиналъ опредѣленія, хранящійся теперь во Флоренціи (Goethe, 21 folg.),

греческаго ученія было поручено Виссаріону, можетъ быть по его собственному вызову, такъ какъ онъ теперь во всемъ старался играть главную роль. Содержаніе изложенія Виссаріона было повидимому условлено лишь съ императоромъ, да еще можетъ быть съ нѣкоторыми изъ близкихъ людей, и оставалось тайною для всѣхъ остальныхъ грековъ ¹⁾. Судя по официальной латинской записи ²⁾, Виссаріонъ высказалъ слѣдующее: „Такъ какъ въ предшествующихъ собраніяхъ нашихъ между другими нашими разностями возникло сомнѣніе и относительно совершенія святѣйшаго таинства евхаристіи, и такъ какъ нѣкоторые подозрѣвали, что мы и церковь наша не вѣруемъ, что это драгоценнѣйшее таинство совершается словами Спасителя Господа нашего Иисуса Христа,—по этой причинѣ мы находимся теперь предъ лицомъ вашего блаженства (*vestra beatitudine*, т. е. папы) и предъ всѣми другими, здѣсь стоящими, принадлежащими къ святой римской церкви,—для удостовѣренія вашего блаженства и другихъ отцовъ и господъ, здѣсь при-

былъ подписанъ обѣими сторонами 5-го іюля (Разъясненіе противорѣчій по этому предмету между документальными данными см. у Goethe, 29 и слѣд.). Виссаріонъ подписался не только за себя и митрополита сардійскаго, въ качествѣ его мѣстоблюстителя, но также за великаго сакелларія діакона Мануила Хрисокока, своего прежняго учителя (*Labbe*, XIII, 521; *Harduin*, IX, 428; *Mansi*, XXXI, 1040; изданіе *μολαχου βενεδικτιουου*, σελ. 322. Къ слову замѣтимъ, что текстъ подписи Виссаріона за Хрисокока въ названныхъ изданіяхъ, передающихъ его одинаково и лишь съ нѣкоторыми орфографическими разностями, особенно въ небрежномъ изданіи Манси, почти совершенно не похожъ на текстъ въ оригинальномъ декретѣ, перепечатанномъ у Gere, стр. 201 сл., изъ *Giornale Storico degli Archivi Toscani*, I, Firenze, 1857, р. 210—225. Достойно также вниманія, что латинскій переводъ этой Виссаріоновои подписи, находящейся въ латинскихъ актахъ (*Harduin*, IX, 990. В), весьма близокъ именно къ тексту ея въ оригинальномъ декретѣ).—Изъ числа грековъ, имѣвшихъ право на подпись (*Урор.* X, 6—7), не подписались подъ декретомъ Маркъ Евѣсскій, которому императоръ не только позволялъ это, но и далъ слово позаботиться о безопасномъ возвращеніи его въ Грецію (*Урор.* X, 5, 284),—затѣмъ митрополитъ ставропольскій Исая, въ рѣшительную минуту бѣжавшій изъ Флоренціи (*idem*, X, 8, 292; cf. XI, 1, 313),—иверійскій епископъ, еще раньше оставившій Флоренцію (*id.* IX, 12, 268—269),—накопецъ братъ царя, деспотъ Димитрій (*idem*, IX, 11, 268). Къ числу этихъ лицъ слѣдуетъ, можетъ быть, причислить и брата Марка, номофилакса Иоанна Евгения (ср. Goethe, 43, 63, 64 и 65).

¹⁾ *Уророουλος*, X, 8, 293.

²⁾ *Mansi*, XXXI, 1045; *Migne*, CLXI, 489—494; сравн. передачу Виссаріонова заявленія въ латинскихъ актахъ у *Harduin*, IX, 983—984, а также у *Уророουλος*, X, 8, 293.

существующихъ, относительно этого сомнѣнія, и говоримъ кратко: мы пользовались писаніями и изреченіями святыхъ отцовъ, сознавая и замѣчая слабость человѣческаго смысла; мы хотимъ держаться изреченій и разсужденій святыхъ мужей, оставивъ человѣческія измышленія. Посему, блаженнѣйшій отецъ, какъ во всемъ другомъ мы опирались на авторитетъ св. отцовъ, такъ и въ настоящемъ сомнѣніи мы пользуемся имъ же. И такъ какъ отъ всѣхъ святыхъ учителей церкви, особенно же отъ блаженнѣйшаго Іоанна Златоуста, всего больше знакомаго намъ, мы слышимъ, что слова Господни суть то, что превращаетъ и пресуществляетъ хлѣбъ и вино въ истинное тѣло и кровь Христову, и что эти божественныя слова Спасителя имѣютъ всю силу пресуществленія, то мы по необходимости слѣдуемъ святѣйшему учителю и его мысли. Мы сказали кратко и достаточно объ этомъ вопросѣ, и объявляемъ вашему блаженству наши мысли“.

Нельзя не отдать чести Виссаріону, что онъ ловко избѣгъ необходимости сознаться, что въ этомъ пунктѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ ¹⁾, греки собственно уступили латинянамъ. Онъ даже и начинаетъ прямо, съ большимъ достоинствомъ, съ указанія на то, что греки вообще и во всемъ руководятся не человѣческими измышленіями, а богодухновенными писаніями отцовъ и учителей церкви; этими писаніями руководятся они и въ данномъ случаѣ. Но этого мало: Виссаріонъ весьма удачно, какъ бы къ слову, сумѣлъ высказать, что и греческое ученіе не лишено основанія. Правда, въ приведенномъ официальном изложеніи Виссаріоновыхъ мыслей мы не находимъ ничего такого; здѣсь — полное и безусловное, безъ всякихъ ограниченій, согласіе съ Римомъ. Однако мы вправѣ кажется думать, что латинское изложеніе, хотя оно и официальное, не точно и не полно. Основаніемъ для такого предположенія, кромѣ свидѣтельства Андрея de S. Cugise ²⁾, служить то об-

¹⁾ Ego nescissem, говорилъ папа своимъ послѣ соглашенія съ греками относительно смысла и буквы соборнаго опредѣленія, *plura a Graecis petere, quia quae quaesivimus et petivimus, habuimus* (Acta latina, Harduin, IX, 983. В). Такъ смотрѣли на дѣло и латиняне-міряне. Веспасіано писалъ на примѣръ: *Dipoi piu lunghe disputazioni, cedettono i Greci a' Latini in tutte le cose in cui discordavano* (Spicilegium Romanum, I, 15, въ біографіи папы Евгенія).

²⁾ Въ концѣ неофициальной записи, внесенной Андреемъ въ латинскіе акты,

стоятельство, что Сиропуль, изложивши содержаніе Виссаріонова отвѣта, въ заключеніе замѣтилъ: Ἐπλάτουμε δὲ (ὁ Νικηταὶς) τοῦτους (λόγους) μετὰ φιλοτιμίας καὶ φράσεως ῥητορικῆς ¹⁾. Думается, что Сиропуль не выразился бы такимъ образомъ, если бы Виссаріонъ сказалъ лишь столько, сколько читаемъ въ латинской записи. Другое и главнѣйшее основаніе состоитъ въ томъ, что нашъ историкъ приводитъ еще мысль, какъ такую, которую высказалъ Виссаріонъ имѣнно при этомъ случаѣ, но которой мы не находимъ въ латинской записи. Не довѣрять же Сиропулу мы не можемъ, такъ какъ 1) онъ самъ находился въ числѣ грековъ, присутствовавшихъ при заявленіи Виссаріона, 2) не могъ изъ недоброжелательства къ Виссаріону ясно изложить простой какой нибудь его намекъ, такъ какъ эта мысль Виссаріона служить въ чести послѣдняго, какъ защитника греческихъ интересовъ ²⁾. Мысль эта слѣдующая: „но

находимъ слѣдующія замѣчанія Виссаріона, отсутствующія въ записи оофициальной: Praeterea, pater beatissime, nec nos ignoramus quatuor requiri in consecratione pretiosissimi et venerabilis sacramenti. Primo materiam, quae debet esse panis triticeus, aut fermentatus, aut azymus; quia in utroque conficitur veraciter. Item quod minister sit sacerdos, qui habeat sacerdotium ab ecclesia secundum canones. Item tertio formam, quae est ista, verba Salvatoris secundum sententiam sancti Ioannis praefati. Quarto, beatissime pater, intentio sacerdotis, ut habeat intentionem consecrandi panem sibi propositum et vinum. Haec breviter, pater beatissime, de hac quaestione et sufficienter ad certificationem sanctitatis vestrae et aliorum patrum diximus: et quod semper, pater sancte, fuerimus, et simus, et futuri simus in hac sententia, sanctitatem vestram certissimam reddimus (H a r d u i n, IX, 983. E—984. A).

¹⁾ Σιροπούλος, X, 8, 293.

²⁾ Что касается до пропуска этой мысли въ оофициальной латинской записи, то этотъ пропускъ понятенъ: мысль Виссаріона не могла нравиться латинянамъ и только ослабляла впечатлѣніе предшествующихъ мыслей. Указать же на пропускъ было некому: греки не подписывали латинскаго протокола. Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣкоторый намекъ на мысль Виссаріона находится и въ вышеприведенной записи Андрея de S. Cruce (H a r d., IX, 984. A). При такомъ взглядѣ на дѣло остается конечно нѣсколько удивительнымъ то обстоятельство, что точность оофициальной латинской записи была оормально засвидѣтельствована нѣсколькими лицами изъ латинянъ. Однако этому обстоятельству нельзя придавать рѣшающаго значенія, въ виду того, что неполнота названной записи удостовѣрена двумя свидѣтельствами—Сиропула и Андрея. Съ другой стороны, лица, удостовѣрившія точность оофициальной записи, могли при этомъ считать себя оормально правыми, по крайней мѣрѣ до известной степени: то, что содержится въ оофициальной записи, дѣйствительно представляетъ вполне точную передачу словъ Виссаріона, какъ это видно и изъ записи у Андрея; а упомянутые удостовѣрители и свидѣтельствовали именно точность самой этой оофициальной записи, не имѣя въ виду удостовѣ-

мы говоримъ, что и пресвитеръ содѣйствуетъ этому (т. е. пресуществленію), подобно тому, какъ земледѣлецъ своимъ уходомъ способствуетъ произращенію плодовъ земныхъ“. Нельзя не видѣть, что здѣсь содержится значительное ограниченіе прежде высказанныхъ Виссаріономъ мыслей и — можетъ быть даже—прикровенное и нерѣшительное признаніе справедливости, хоть до нѣкоторой степени, и греческаго ученія ¹⁾).

Но вотъ, къ сожалѣнію, фактъ совершенно иного рода, свидѣтельствующій о томъ, что защита Виссаріономъ интересовъ греческой церкви была въ эту пору лишь исключительнымъ явленіемъ. Около разсматриваемаго времени Сиропуль отмѣчаетъ слѣдующій характерный случай. Императоръ велѣлъ передать папѣ свое желаніе, чтобы въ день торжественнаго провозглашенія уніи, послѣ латинской литургіи, сряду же была совершена греческая литургія въ присутствіи папы, всѣхъ латинянъ и грековъ. Цѣль, которую при этомъ имѣлъ въ виду императоръ, заключалась въ томъ, „чтобы въ присутствіи и папы, и всѣхъ окружающихъ его, и латинскаго народа былъ прочтенъ святой символъ безъ прибавки, чтобы узнали и они нашу литургію,—и послужить это въ честь намъ“ (*καὶ ἔσται τοῦτ' εἰς τιμὴν ἡμῶν*) ²⁾). Другими словами, императоръ добивался отъ латинянъ фактическаго и публичнаго признанія равноправности грековъ съ латинянами. Хотя это требованіе было не вполнѣ исполнимо даже со стороны грековъ (такъ какъ не

рять то, дѣйствительно ли Виссаріонъ не говорилъ ничего больше, кромѣ содержащагося въ официальной записи, и дѣйствительно ли въ этой записи не урѣзанъ конецъ Виссаріонова заявленія, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ Вастъ (стр. 149) считаетъ вѣроятнымъ, что заявленіе Виссаріона относительно словъ пресуществленія представляетъ лишь краткое и сжатое изложеніе его известнаго трактата «О таинствѣ Евхаристіи» («C' est probablement l'opuscule qu' il avait composé sur la matière; il l'a résumé et condensé pour en faire la fameuse confession des Grecs qu' il lut en assemblée général le 4 juillet 1439», или «le dimanche 5 juillet 1439», какъ говоритъ Вастъ, и на этотъ разъ вѣрно, на стр. 100 своей книги). Но французскій ислѣдователь ошибается, что и естественно, такъ какъ ему осталось неизвѣстнымъ свидѣтельство Сиропула о заявленіи Виссаріона (см. коротенькій рассказъ обо всемъ этомъ эпизодѣ у Васта на стр. 101). Если бы онъ зналъ свидѣтельство Сиропула и если бы затѣмъ сравнилъ его хотя бы съ тѣмъ однимъ мѣстомъ изъ вышеназваннаго трактата Виссаріона, которое напечатано у Мина, CLXI, 506. D—507. A, то онъ думалъ бы иначе или по крайней мѣрѣ свое мнѣніе видоизмѣнилъ бы.

²⁾ Συροπούλος, X, 6, 287.

всѣ они согласились бы добровольно совершить православную литургію въ католическомъ храмѣ, какъ это и случилось потомъ по другому поводу) ¹⁾, — все же желаніе императора въ принципѣ и по цѣли можно было лишь одобрить. Судя по разсказу Сиропула, другіе греки, повидимому, не возражали противъ намѣренія царя; но Исидоръ и Виссаріонъ сразу же показали свое желаніе затормозить это дѣло. „Латиняне“, говорили они императору, „хотятъ (въ этотъ день) совершить литанію (λιτανεύσαι), — затѣмъ пѣть гимнъ Духу Утѣшителю (εἶτα ὕμνον παρακλήσεως ἄσαι) и потомъ совершать литургію; за всѣмъ этимъ дѣло (и безъ того) протянется дальше полдень и папа, не будучи въ силахъ вынести такой трудъ, естественно (εἰκόσ ἐστι) воспрепятствуетъ совершенію нашей литургіи. Поэтому лучше было бы отложить нашу литургію до слѣдующаго дня“ ²⁾. Нельзя не удивляться, съ какимъ спокойствіемъ и увѣренностью, какъ о дѣлѣ само собою понятномъ, толкуютъ Виссаріонъ и Исидоръ о предполагаемой отмѣнѣ греческой литургіи папою ³⁾; нельзя не удивляться и тому, съ какой внимательностью, поистинѣ достойной лучшаго дѣла, относятся они къ усталости папы, которая однако не помѣшаетъ ему не пропустить ни одной частности латинскаго крайне сложнаго обряда. Какъ видимъ, Виссаріонъ со дня на день больше и больше забываетъ свою связь съ греками и заботу объ ихъ интересахъ. Онъ уже почти представитель латинскихъ интересовъ въ средѣ грековъ.

Сиропулъ сохранилъ еще другой, также въ своемъ родѣ довольно характерный случай. Въ день подписи опредѣленія папою, послѣдній объявилъ собравшимся къ нему грекамъ о дошедшемъ до него желаніи нѣкоторыхъ изъ грековъ приобщиться св. таинъ за латинской литургіей въ день провозглашенія уніи; таковые, замѣтилъ папа, должны надлежащимъ образомъ приготовиться къ этому ⁴⁾. Въ послѣднее время, какъ мы видѣли,

¹⁾ Συροπούλος, XI, 2, 315 и далѣе, разсказываетъ въ высшей степени любопытную исторію того, какъ митрополиты пракійскій и анхальскій, а ватѣмъ и трапезунтскій отговаривались служить греческую литургію въ католическихъ церквахъ въ Венеціи.

²⁾ Συροπούλος, X, 6, 286; conf. X, 10, 295.

³⁾ Ср. Συροπούλος, X, 11, 298. Можетъ быть Виссаріонъ даже положительно зналъ намѣренія папы?

⁴⁾ Συροπούλος, X, 9, 294: εἶπε (ὁ πάπας) αὐτοῖν μέλλομεν λειτουργήσαι

Виссаріонъ въ сношеніяхъ съ латинянами постоянно находится на первомъ планѣ и даже самъ старается выдвинуться впередъ. Очень естественно, что и теперь онъ счелъ своей пріятной обязанностью отвѣтить на безтактное въ сущности и оскорбительное для греческихъ епископовъ предложеніе папы. И вотъ что отвѣтилъ онъ: „наши (οἱ ἡμέτεροι) воздержаны всегда и съ осторожностью проводятъ всю свою жизнь. Теперь же они выслушали то, что повелѣло твое блаженство, и если кто желаетъ приобщиться (за латинской литургіей), тотъ приготовится въ этому съ еще большею внимательностью“¹⁾. Видѣтъ въ этомъ отвѣтѣ простую деликатность мы едва ли вправѣ.

Замѣчено, что въ послѣднее время собора Виссаріонъ былъ если не главнымъ, то однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей и устроителей уніи. Очень естественно поэтому, что ему была поручена, по его, быть можетъ, собственному вызову, главная роль съ греческой стороны и на заключительномъ актѣ соборныхъ совѣщаній, 6-го іюля, именно торжественное чтеніе соборнаго опредѣленія въ кафедральной церкви Флоренціи, официальный вопросъ въ присутствующимъ грекамъ о томъ, угодно ли имъ прочитанное опредѣленіе, и затѣмъ официальное лобзаніе съ читавшимъ это опредѣленіе, по латыни кардиналомъ Чезарини, въ знакъ полного мира церквей²⁾.

Историки флорентійскаго собора—Сиропулъ и авторы греческихъ и латинскихъ актовъ—не говорятъ о томъ, въ какомъ направленіи дѣйствовалъ и что съ своей стороны сдѣлалъ Виссаріонъ при дальнѣйшихъ переговорахъ грековъ съ латинянами по поводу разныхъ, сравнительно болѣе мелкихъ, обрядовыхъ и каноническихъ разностей. За то авторы латинскихъ актовъ

καὶ τελειώσιν τὴν ἑνωσιν. ἐμάθομεν οὖν ὅπως τινὲς τῶν ἡμετέρων βούλονται μεταλαβεῖν τῶν ἀχράντων μυστηρίων. διὰ τοῦτο λέγομεν ἀπὸ τοῦ νῦν, ἵνα οἱ βουλόμενοι μετασχεῖν τούτων ἐγκρατεύσωνται καὶ ἀγνίσωνται, καὶ ἐτοιμάσωνται πρὸς τοῦτο. Дальше Сиропулъ называетъ митрополита митиленскаго, какъ желавшаго μεταλαβεῖν ἀπὸ τῆς τῶν λατίνων ἁρμομοσίας.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Συροπούλος, X, 10, 295—296. Авторъ Acta graeca прибавляетъ: καὶ ἠσπασάμεθα τοῦ πάπα τὸ γόνο καὶ τὴν χεῖρα (Harduin, IX, 429. В). Срав. замѣчаніе Сиропула (l. c.) въ его описаніи начала церковной церемоніи 6-го іюля: οἱ ἡμέτεροι ἀρχιερεῖς, κατὰ τάξιν σὺν δύο προσερχόμενοι, καὶ μετὰ νοσην ποιῶντες ἠσπάζοντο τὴν χεῖρα τοῦ πάπα (cf. Hard. IX, 984. 991). Что касается этой церемоніи вообще, то нѣкоторыя довольно интересныя подробности о ней сообщаетъ Веспасіано въ жизнеописаніи Евгенія IV (S p i c. R o m a, I, 15—16).

сохранилъ намъ любопытный взглядъ Виссаріона, высказанный имъ предъ латинянами послѣ того, какъ онъ отъ лица грековъ сдѣлалъ извѣстное заявленіе о словахъ пресущественія, — взглядъ, который до нѣкоторой степени вознаграждаетъ указанное отсутствіе положительныхъ данныхъ и во всякомъ случаѣ даетъ нѣкоторую возможность догадываться относительно послѣдовавшаго затѣмъ образа дѣйствій Виссаріона. Если вѣрить автору латинскихъ актовъ, Виссаріонъ въ указанное время выразилъ твердую надежду на то, что соглашеніе между сторонами и по другимъ, дотолѣ еще не рассмотрѣннымъ пунктамъ спора, состоится ¹⁾. На основаніи контекста, въ которомъ стоитъ въ актахъ это заявленіе Виссаріона, и въ виду того, чѣмъ доселѣ былъ Виссаріонъ для униі, можно кажется догадываться, что онъ и теперь имѣлъ въ виду соглашеніе такого же приблизительно свойства и характера, какъ и то, которое уже было заключено между сторонами. Впрочемъ въ числѣ пунктовъ разногласій между греками и латинянами былъ одинъ, относительно котораго Виссаріонъ, повидимому, держалъ сторону грековъ. Этотъ пунктъ касался спора о томъ, должны ли быть теперь оставлены латинскіе епископы на востокѣ. Греки добивались удаленія ихъ; папа и латиняне противились этому и конечно поставили на своемъ ²⁾.

¹⁾ Приведши слова папы, вызванныя заявленіемъ Виссаріона о словахъ пресущественія, и затѣмъ cardinalis Placentini, qui ex cardinalibus tunc primus erat и который, между прочимъ, замѣтилъ: «sicut in hoc sumus concordes, erimus et in aliis cunctis», — Андрей продолжаетъ: Quibus dictis, Nicaenus haec verba protulit: «Per beatitudinem vestram, et sollicitudinem sanctitatis vestrae, omnia feliciter processerunt, et procedent cuncta in melius: et vestra beatitudine praesidente cuncta feliciter procedere sperandum est, prout Spiritus sancti gratia in hoc sancto opere visum est.» (H a r d u i n, IX, 984. B).

²⁾ Императоръ, рассказываетъ Сиропуль, велѣлъ сказать папѣ, ὅτι ἐπειδὴ ἡ ἔνωσις ἐγένετο, καὶ ἔσονται εἰς τὸ ἔξῃς αἱ ἐκκλησίαι ἡνωμένα ἀεὶ Θεοῦ χάριτι, θεὸν ἔστιν ἵνα ἔχη ἐκάστη ἐκκλησία τὰς ὑποκειμένας αὐτῇ ἐνορίας, καὶ μητροπόλεις, ὅσας εἶχε καὶ ἐξ ἀρχῆς. δεῖ τοίνυν ἵνα ἐπανακαλέσθῃ καὶ λάβῃ ἡ ἡμετέρα ἐκκλησία τῆς Κωνσταντινουπόλεως, τὴν Κρήτην, τὴν Κέρκυραν καὶ τὰς λοιπὰς νήσους καὶ μητροπόλεις ὅσας ἀπέσπασαν ἐξ αὐτῆς οἱ τῆς Ῥώμης ἀρχιερεῖς. Ὁ δὲ πάπας ἄκροισ ὡσεὶ ταῦτα ἀκούσας, οὐδὲ ἀπόκρισιν δοῦναι ἠθέλησε. τινὲς δὲ τῶν ἀρχιερέων, καὶ μάλιστα οἱ ἔχοντες λατινεπισκόπους ἐντὸς τῶν ἑαυτῶν μητροπόλεων ἐπιτίθεντο καὶ παρεκάλουν τὸν βασιλέα, ἵν' ἐπιμεληθῇ, καὶ ἐκβάλῃ τοὺς λατινεπισκόπους ἐκ τῶν ἰδίων ἐκκλησιῶν. οἱ δὲ ἦσαν ὁ Μονεμβασίας, ὁ Ῥόδου, ὁ Μιτολήνης καὶ ἕτεροι. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐπέτρεψεν αὐτοῖς λαβεῖν καὶ ἑτέρους οὓς ἂν ἐθέλωσι τῶν ἀρχιερέων καὶ παραγενέσθαι αὐτοὺς εἰς τὸν πάπαν καὶ ζητῆσαι τοῦτο. ὡς αὐτοῦ καὶ ἅπασι καὶ δις περὶ τοῦτου διαμνησαμένου καὶ μὴ λαβόντος τινὰ ἀπολογίαν. Ἀπῆλθον τοίνυν οἱ

Послѣ подписи, 20 и 21 іюля, четырехъ вопій съ оригинальнаго декрета ¹⁾, Виссаріонъ вмѣстѣ съ другими греками въ октябрѣ мѣсяцѣ 1439 года оставилъ Италію и чрезъ Венецію возвратился въ Константинополь, куда и прибылъ въ февралѣ слѣдующаго года ²⁾. Но онъ покинулъ Италію не навсегда, и есть большія основанія думать, что онъ былъ увѣренъ, что возвратится туда. И вотъ здѣсь-то находится ключъ къ пониманію чрезвычайно рѣшительнаго и, какъ мы видѣли, не вполне объяснимаго изъ другихъ, извѣстныхъ намъ, причинъ поведенія Виссаріона въ послѣдній періодъ собора.

Еще задолго до собора ³⁾ знаменитый и весьма вліятельный въ куріи Амброджіо Траверсари, между другими средствами для устроенія и упроченія уніи, рекомендовалъ слѣдующее: возвести достойнѣйшихъ изъ грековъ въ санъ кардиналовъ ⁴⁾. Эта мысль вліятельнаго Амброджіо не могла умереть. Безъ всякаго сомнѣнія она выплыла гораздо раньше декабря 1439 года, и по всей вѣроятности въ ту именно пору, когда дѣло уніи видимо затягивалось или во всякомъ случаѣ не такъ быстро подвигалось впередъ, какъ то желательно было папѣ и какъ это было въ его даже денежныхъ интересахъ. Для ускоренія

δηλοθέντες εἰς τὸν πάπαν συμπαραλαβόντες καὶ τὸν Νικαίας, καὶ ἄλλους τινάς, καὶ ἐζήτησαν διὰ πολλῶν λόγων, ἵνα προνοήσῃται ἡ Ῥωμαϊκῇ Ἐκκλησίᾳ τῶν αὐτῆς ἐπισκόπων τῶν ἐν ταῖς ἡμετέραις ἐπισκοπαῖς εὐρισκομένων etc. (Συροποῦλος, X, 14, 302). Что Виссаріонъ въ этомъ спорѣ съ латинянами поддерживалъ своихъ соотечественниковъ, это не безъ вѣроятности можно заключать изъ того, что его пригласили идти къ папѣ именно тѣ греческіе епископы, которые ближе всего заинтересованы были въ удаленіи латинскихъ епископовъ изъ ихъ епархій.

¹⁾ Har duin, IX, 433; Mansi, XXXI, 1044; Συροποῦλος, X, 17, 305—307; cf. Vast, 109; Goethe, 16—17, 27 и др. Книги, привезенныя греками съ собою на соборъ, остались, по словамъ Бандини, во Флоренціи и поступили въ бібліотеку Ковно Медичи. A. M. Vandini, Catalogus cod. mss. bibl. Mediceae Laurentianae. Flor., 1764, praef., p. X.

²⁾ Συροποῦλος, XI, 5, 320; XI, 10, 328; Φραντζῆς въ изданіи Мня, CLVI, 796 (въ такъ наз. chronicon majus) и 1048 (въ chronicon minus). Срав. Vast, 115.

³⁾ Нижеприводимое письмо не вмѣстѣ полной даты въ изданіи Мартеня, которымъ мы пользовались. Zhishman (S. 181) и Goethe (S. 155) относятъ его къ сентябрю 1437 года.

⁴⁾ Martene, III, Epist. lib. I, ep. 15 (въ изд. Меруса, по цитатѣ у Гете, Ep. lib. I, ep. 26; Чижманъ, S. 182, цитуетъ Epist. lib. I, ep. 16): promovendos aliquos ex ipsis (Graecis), qui sint digniores, ad supremi etiam cardinis apicem, habendosque apud te (т. е. у папы) in honore. Дата письма у Мартеня ex nostro monasterio VI. Septembris.

дѣла очень важно было имѣть въ средѣ грековъ людей, которые имѣли бы особенный интересъ радѣть объ униі. Виссаріонъ скорѣе можетъ быть, чѣмъ кто либо другой, могъ при этомъ броситься на глаза умнымъ вожакамъ униі со стороны латинянъ: онъ былъ вліятеленъ между греками, уменъ, либераленъ и честолюбивъ, едва ли не болѣе, чѣмъ кто либо другой. Очень естественно, что выборъ латинянъ палъ на Виссаріона, — и вотъ разгадка той рѣшительности, съ которой Виссаріонъ въ послѣдній періодъ собора во Флоренціи хлопочетъ о заключеніи униі съ латинянами. Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что уже въ ту пору латиняне прямо общались Виссаріону кардинальство. Они могли просто говорить ему, что курія не забудетъ его услугъ и что въ случаѣ, если его хлопоты навлекутъ ему у своихъ какія нибудь неприятели, Римъ найдетъ средства вознаграждать его за всѣ возможные потери; — могли пожалуй давать ему понять, что искренно соединившійся съ Римомъ грекъ, какъ Виссаріонъ, всегда можетъ надѣяться на получение достойнаго его поста и въ римской церкви. И этого было бы достаточно, чтобы усилить въ немъ и безъ того сильное желаніе униі. Но въ концѣ собора, и во всякомъ случаѣ послѣ окончанія его, общанія латинянъ несомнѣнно были положительны. Прямаго свидѣтельства мы, правда, не имѣемъ, но это не измѣняетъ дѣла. Прежде всего, Виссаріонъ несомнѣнно общалъ возвратиться въ Италію. Своимъ бреве отъ 11-го августа 1439 года, папа Евгений IV назначаетъ Виссаріону ежегодную пенсію въ количествѣ 300 флориновъ, „пока“ (*quamdiu*) онъ будетъ жить въ Константинополѣ и 600 флориновъ, „когда“ (*cum*) онъ возвратится въ курію ¹⁾). Изъ этого же бреве видно

¹⁾ Отсюда видно, какъ не точно вмѣстѣ съ другими излагаетъ все это Васть, говоря, что папа назначилъ à Bessarion une pension de 300 florins s'il retourne à Constantinople, et de 600 florins s'il vient se fixer à Rome (pag. 445) и что папа, n'ayant pu le fixer à Rome par la promesse d'une pension, l'avait nommé... cardinal-pretre etc. (p. 126). Французскій изслѣдователь совершенно упускаетъ изъ виду, что въ подлинникѣ говорится въ первомъ случаѣ «*quamdiu*», во второмъ «*cum*». — Самое бреве настолько интересно, что мы приводимъ его почти вполнѣ, съ удержаніемъ орфографіи рукописи, изъ которой оно взято (cod. Barb. XVI, 85, p. 489). Вотъ оно: Eugenius Venerab. fratri Visariorum Archiepiscopo Niceno Salutem et Apostolicam benedictionem.—Cum nos de tuae circumspectionis industria prudentiaque in rebus sanctam orientalis et occidentalis Ecclesiarum unionem concernentibus comprobata spem conceperimus fiduciamque singulares, quod ea, quae tibi circa

не только то, что Виссаріонъ выразилъ намѣреніе воротиться въ Италію, но и то, что ему обѣщано было мѣсто въ куріи. Въ бреве читаемъ: „когда же ты возвратишься въ курію и будешь въ ней пребывать, то—чтобы ты былъ въ силахъ жить такъ, какъ того требуетъ епископское достоинство,—предоставляемъ къ выдачѣ тебѣ по 600 флориновъ, въ первый разъ теперь, а затѣмъ — погодно“. Построеніе послѣдней фразы даетъ сверхъ того основаніе думать, что моментъ написанія бреве и все послѣдующее время разсматриваются какъ одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ, хотя и не вполне прямо, здѣсь выражено то, что Виссаріонъ не останется или, по крайней мѣрѣ, долго не останется въ Константинополѣ.

Отсюда еще пока не видно, что Виссаріону предъ его отъѣздомъ въ Грецію было предложено кардинальство. Но что именно кардинальство было предложено ему и что онъ далъ на него свое согласіе ¹⁾, это представляется вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) дѣло совершенно невозможное, чтобы такое важное назначеніе сдѣлалось безъ воли и согласія назначаемаго; прямо или непрямо, но въ его согласіи на такое назначеніе предварительно должны были увѣриться; 2) не было никакой причины скрывать отъ Виссаріона предстоящую ему честь; 3) Виссаріонъ былъ назначенъ кардиналомъ по настоянію Доменико Капраники и Джуліано Чезарини ²⁾, кото-

haec comittenda duxerimus, feliciter prosequeris, teque ob hoc ad huiusmodi negotii prosecutionem feliciter faciendam elegerimus; Nos attendentes, ac dignum censentes, quod in vinea Domini laborantes condigna debent esse provisione fulciti, tibi, ut expensarum onera, quae praemissa occasione subire habes, commodius supportare, quietiusque ac ferventius in re tam salutari et orthodoxae fidei gloriam concernenti, commissioni tibi factae intendere valeas, tibi, quamdiu in Constantinopoli, summam 300, cum vero ad Curiam reversus fueris et in eadem moram traxeris, ut statum tuum iuxta Pontificalis dignitatis exigentiam honorabilius ducere valeas 600 florenorum ex nunc primo, et deinde singulis annis persolvendam reservamus etc. (Frommann, Kr. Beitr., 79—80; cf. Vast, 445—446. Срав. также свидѣтельство Францы, что ὁ ἄγιος ἀρχιερεὺς καρδινάλιου ἐποίησεν αὐτὸν (Виссаріона) καὶ πλείστα σιτηρέσια αὐτῷ ἐδωρήσατο — Migne, CLVI, 796. B).

¹⁾ Ср. Vast, 126: Le pape Eugène IV... l'avait nommé en son absence, et sans le consulter, cardinal—prêtre du titre Saint's Apôtres. Доказательствъ не приведено.

²⁾ Свидѣтельство объ этомъ принадлежитъ Н. Капраникѣ въ его «Oratio funebris Bessarionis», которую издалъ Вонав. Malvasia въ Compendio storico della basilica di SS. XII Apostoli, Rome, 1665. Срав. еще свидѣтель-

рые разумѣется не вдругъ пришли къ этой мысли ¹⁾. Но мы знаемъ, что Джуліано былъ довольно близокъ съ Виссаріономъ, и слѣдовательно не могъ скрыть отъ него своего рѣшенія настаивать на возведеніи его въ кардиналы; а это рѣшеніе, при вліяніи Джуліано, котораго въ этомъ дѣлѣ безъ сомнѣнія поддерживалъ и Траверсари, было почти равносильно его исполненію ²⁾.

Итакъ Виссаріонъ отправился въ Грецію лишь на время вѣроятно затѣмъ, чтобы по мѣрѣ силъ содѣйствовать упроченію тамъ уніи. Но приемъ, сдѣланный уніи и уніатамъ въ Греціи, сразу разсѣялъ всѣ иллюзіи, если такія остались еще въ эту пору у Виссаріона. Впрочемъ онъ все же нѣсколько хлопоталъ объ утвержденіи уніи на востоѣ. Когда, при выборѣ кандидата въ патріарха, епископъ ираклійскій, не смотря на неоднократныя предложенія, отказывался, ссылаясь на то, что онъ не принимаетъ уніи, а его избиратели принимаютъ ее, — „епископы никейскій и митиленскій сказали: такъ какъ мы почтили его, и онъ не хочетъ, и даже уніи не принимаетъ, то излишне принуждать его; приступимъ къ избранію другихъ лицъ“ ³⁾. Но это — одно, что отмѣчаетъ Сиропуль ⁴⁾. И со-

ство анонимнаго автора, современника Виссаріона: *Hic (Bessarion) ab Eugenio est cardinalis, nemine adversante, creatus ex ingenii acuminе atque doctrina, adjutore prudentissimo cardinale Cesarino (Migne, t. CLXI, col. XCV).*

¹⁾ Не лишне замѣтить при этомъ, что между 18 декабря, когда Виссаріонъ былъ возведенъ въ достоинство кардинала, и времени его отъѣзда изъ Италіи, происходившаго въ октябрѣ, пространство не большое.

²⁾ Платина, въ своемъ панегирикѣ Виссаріону, говоритъ о назначеніи его въ кардиналы слѣдующее: *Eugenius pontifex, cognita Bessarionis singulari virtute et doctrina, hominem licet absentem ex sententia fratrum in numerum cardinalium cooptat etc. (Migne, t. CLXI, col. CVII).* Тотъ же Платина, въ другомъ своемъ сочиненіи, говоритъ, что папа Евгений IV, чтобы увеличивъ свою партію ослабить базельскій соборъ, въ публичной консисторіи (*consistorio publico*) назначилъ восемнадцать новыхъ кардиналовъ, въ числѣ которыхъ было двое грековъ: Никейскій и Русскій, возведенные въ это званіе съ тою цѣлю, чтобы *eorum auctoritate graecorum natio in fide contineretur* (*Platinae Cremonensis, De vitis pontificum, 1664, pag. 583; срав. свидѣтельство Augustini Patricii въ его Historia conciliorum Basileensis, Florentini etc., Harduin, IX, 1165. D).* Вся эти, а равно и приведенныя выше свидѣтельства и соображенія относительно мотивовъ, руководившихъ папой и его совѣтниками при назначеніи Виссаріона кардиналомъ, не противорѣчатъ другъ другу и лишь дополняютъ одно другое.

³⁾ εἶπεν ὁ Νικαίας, καὶ ὁ Μιτιλήνης ἐπειδὴ ἤξισαμεν αὐτὸν καὶ οὐ θέλει, ἀλλ' οὐδὲ τὴν ἑνωσίαν στέργει, περὶ τὸν ἔστιν ἵνα ἀναγκάσωμεν αὐτὸν. ἔλθωμεν πρὸς ἐκλογὴν ἑτέρων προσώπων (*Сиропуλος, XII, 3, 334).*

⁴⁾ Что касается другихъ, такъ сказать кабинетныхъ занятій Виссаріона въ

всѣмъ неудивительно, что нашъ историкъ такъ мало говорить о Виссаріонѣ: послѣдній вѣроятно и на самомъ дѣлѣ не ратовалъ съ особенной энергіей на пользу униі, и это было бы вполне естественно въ виду общаго нерасположенія къ ней въ Греціи. Весьма натурально поэтому, что, съ одной стороны, увидавъ дѣло униі окончательно проиграннымъ и не надѣясь быть ей полезнымъ, съ другой стороны, получивъ изъ Италіи извѣстіе о назначеніи въ кардинала, онъ могъ не колеблясь и съ возможной быстротою готовиться къ отъѣзду въ Италію. Этотъ отъѣздъ былъ, повидимому, приблизительно въ маѣ 1440 года ¹⁾.

эту пору, то вотъ что онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Алексію Ласкарису Филанеропану (Migne, CLXI, 325. В. С.): *μετὰ τὴν γενομένην ἁγίαν σύνοδον καὶ τὴν εἰς Κωνσταντινούπολιν ἡμῶν ἐπάνοδον, προδῆμενος τὰ τῶν ἱερῶν ἐκείνων μονῶν βιβλία πάντα σχεδὸν ἀνυχνεῦσαι* (= въ Виссаріоновомъ дополненномъ переводѣ, col. 409. С: cum proposuissimus omnes illorum sacrorum locorum bibliothecas tum huius libri sancti Basilii, tum aliorum gratia inquirere), *ὅσα μὲν νεώτερα καὶ μετὰ τὴν πολλὴν ἔριν γεγραμμένα εὗρον, πάντα περιεχομένον εὗρον ἔχοντα τὸ ῥητόν* (т. е. то изреченіе Василія Великаго въ его 3-й книгѣ противъ Евномія, которое начинается словами: *τίς γὰρ ἀνάγκη, εἰ τῆ τάξει καὶ τῷ ἀξιώματι τρίτον ὑπάρχει τὸ Πνεῦμα, τρίτον εἶναι αὐτὸ καὶ τῆ φύσει* и относительно чтенія котораго греки и латиняне разошлись на соборѣ): *ὅσα δ' ἀρχαιότερας χεῖρὸς ἦσαν, καὶ πρὸ τῆς μάχης τῆς κατ' ἀλλήλων, ταῦτα δὲ οὐκ ὀλίγη καὶ ὀλόκληρα μένουσιν οὐκ ἐλάττω τῶν ἐφθαρμένων ὑπάρχοντα* etc. Изъ этихъ и дальнѣйшихъ словъ Виссаріона можно сдѣлать тотъ общій выводъ, что въ бытность свою въ Константинополь, онъ усердно старался въ свидѣльствахъ греческихъ рукописей найти подтвержденіе латинскаго догмата объ исхожденіи Св. Духа. Весьма возможно, что при этомъ имъ руководило, между прочимъ, желаніе—и предъ самимъ собою вполне оправдать сдѣланный имъ шагъ. Основаніе для послѣдняго предположенія заключается, между прочимъ, въ томъ, что въ своей «Догматической рѣчи» на соборѣ Виссаріонъ не сослался на упомянутое изреченіе Василія Великаго, какъ самъ онъ замѣчаетъ (*τοῦτο οὖν παραλείπειν ἐν τῷ λόγῳ—ibid., col. 325. А.*).—Затѣмъ, изъ предисловія Виссаріона къ сдѣланному имъ латинскому переводу своего сочиненія въ защиту Векка и противъ Паламы видно, что это свое сочиненіе онъ написалъ въ то время, когда еще не былъ кардиналомъ, а былъ только архіепископомъ никейскимъ (*ibid., col. 288. С.*). Если Виссаріонъ не составилъ этого сочиненія въ послѣдній періодъ собора, когда онъ сдѣлался поборникомъ латинскаго догмата объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына», или въ теченіи тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые онъ, вмѣстѣ съ другими греками, провелъ въ Италіи послѣ собора и предъ возвращеніемъ въ Грецію, то онъ могъ составить его только въ первое время по прибытіи въ Константинополь, когда онъ еще не зналъ о своемъ избраніи въ кардиналы. Впрочемъ первыя два предположенія представляются сравнительно болѣе правдоподобными, въ виду того, что извѣстіе объ этомъ своемъ избраніи Виссаріонъ, по всей вѣроятности, получилъ очень скоро послѣ своего возвращенія въ Византію (см. слѣдующее примѣчаніе).

¹⁾ На прямое путешествіе, безъ ненужныхъ остановокъ, отъ Италіи до

У насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ для сужденія о томъ, съ какими чувствами и мыслями отправлялся Виссаріонъ въ дорогу; но довольно вѣроятныя предположенія относительно этого мы сдѣлать можемъ. Не имѣя основаній особенно идеализовать Виссаріона, мы думаемъ, что, отправляясь изъ Константинополя, онъ прежде всего и больше всего радъ былъ переменить не особенно заманчивую жизнь среди фанатическихъ противниковъ уніи и его самого на жизнь въ средѣ людей, съ радушіемъ встрѣчавшихъ его уже за одно то, что онъ былъ уніатъ. Виссаріонъ не могъ себя чувствовать хорошо въ Греціи; едва ли даже былъ онъ способенъ подавить въ себѣ чувство нѣкоторой непріязни къ массѣ своихъ соотечественниковъ, толковавшихъ о томъ, что онъ продалъ свою вѣру. Онъ могъ только желать вырваться изъ этой атмосферы упрековъ и оскорбленій, — упрековъ и оскорбленій за то, за что на западѣ онъ встрѣтилъ бы только почетъ и расположеніе. Затѣмъ: вынужденный обстоятельствами отказаться отъ идеи уніи, Виссаріонъ не могъ отказаться отъ надежды помочь своему отече-

Константинополя требовалось немногимъ меньше двухъ мѣсяцевъ или даже околом полутора мѣсяца (*Συροποῦλος*, VI, 5, 149, conf. III, 8, 51; ср. также письмо Виссаріона изъ Болоньи, напечатанное у Васта на стр. 454—456, помеченное 13-мъ іюля 1453 г. и касающееся взытія Константинополя турками; а это взытіе совершилось 29-го мая 1453 г.). Такимъ образомъ извѣстіе о назначеніи Виссаріона, состоявшееся 18-го декабря 1439 года, могло быть получено въ Константинополѣ около половины февраля 1440 года, т. е. околѣ двухъ недѣль спустя послѣ прибытія грековъ въ Константинополь (*Συροπ.*, XI, 10, 328). Виссаріонъ конечно спѣшилъ своимъ отъѣздомъ, и это понятно послѣ сказаннаго выше; но онъ спѣшилъ, насколько могъ. Кромѣ сдачи должности и сборовъ къ переселенію навсегда въ другую землю, его задерживало главнымъ образомъ избраніе патріарха. Виссаріону безъ сомнѣнія хотѣлось съ своей стороны способствовать избранію на патріаршій престолъ человека, расположеннаго къ уніи, и явиться къ папѣ съ пріятной вѣстью, что въ крайней мѣрѣ съ этой стороны дѣло уніи обезпечено. Коль скоро избраніе Митрофана совершилось (а это было приблизительно въ маѣ, — ср. *Συροποῦλος*, XII, 2, 332, XII, 3, 333—335, и свидѣтельство Францы, что Митрофанъ, митрополитъ кизикскій, сдѣлался патріархомъ константинопольскимъ весной, τῷ ἔαρ, 1440 г. — *Migne*, CLVI, 796. В, cf. 1048. В), — Виссаріонъ, въ теченіе марта и апрѣля имѣвшій время вполне приготовиться къ отъѣзду, могъ выѣхать безъ замедленія. Во всякомъ случаѣ въ началѣ 1441 года Виссаріонъ уже находился во Флоренціи и вступилъ въ должность, потому что, выѣстъ съ другими, онъ подписалъ декретъ объ уніи яковитовъ—4-го (но не 5-го, какъ ошибочно говорятъ Вастъ на стр. 127) февраля 1441 года. Вотъ его подпись: *Ego tituli sanctorum duodecim Apostolorum presbyter cardinalis, subscripsi* (*Harolduin*, IX, 1029).

ству въ его борьбѣ противъ турокъ. Виссаріону предстояла еще важная роль: быть посредникомъ между латинянами и греками, быть проповѣдникомъ крестоваго похода противъ турокъ. Эти соображенія также могли предноситься сознанію Виссаріона при его отъѣздѣ въ Италію ¹⁾. Онъ безспорно далеко не былъ чуждъ высшихъ и идеальныхъ стремленій, хотя предъ необходимостью выйти изъ того непріятнаго положенія въ Византіи, которое онъ создалъ себѣ своимъ образомъ дѣйствій на соборѣ, эти идеальныя стремленія должны были отступать на второй планъ: Виссаріонъ любилъ отечество, но еще больше любилъ онъ себя самого. Наконецъ не забудемъ и того, что въ Виссаріонѣ въ эту пору уже пробудились стремленія гуманиста; а Италія была центромъ гуманизма.

¹⁾ Ср. Vast, 125. Французскій ученый очевидно употребилъ здѣсь слишкомъ яркія краски. Увлеченный Виссаріономъ, онъ приписалъ ему больше, чѣмъ позволяетъ характеръ кардинала и его послѣдующая дѣятельность (известно, что на первыхъ порахъ пребыванія въ Италіи Виссаріонъ заботился о Греціи весьма немного; а это въ данномъ случаѣ единственная точка опоры, такъ какъ положительныхъ, историческихъ свидѣтельствъ нѣтъ).